

У МЕНЯ ДЕВЯТЬ, ЖИЗНЕЙ

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

TERRA PHANTASIA

Глава 1.

Колька Карпов проснулся, как всегда, мгновенно. Он перемахнул через границу сна и яви, словно прыгнул через планку. Вспомнил вчерашнее и открыл глаза. В зрачки радостно ударило зеленое сияние. Так оно и есть. Вчерашнее не приснилось.

Он лежал голый, в коричневых плавках мягкой кожи. Под ним была восхитительно упругая лежанка из живых мелких листьев.

Николай хмыкнул. Осторожно опустил босые ступни в траву, и она спружинила под пятками. Трава лежала на полу, как зеленый ковер, очень плотный. Колька осторожно вышел на середину хижины, наклонился — никаких следов от ног. Вот это ковер...

Он стоял как бы внутри большой пещеры, метра в три высотой и метров шесть в поперечнике, не совсем круглой, а чуть овальной, с куполообразным сводом. Все это — свод, стены, пол и длинная лежанка, обгибающая стены, — было живое и зеленое. Колька попробовал запустить руку в стену, между листьями. Не вышло. Листва оказалась спрессованной, скрученной, как табак в сигаре.

Черт знает что... После вчерашнего он мог бы и не удивляться этому дому, вырубленному в зелени, как пещера в скале. Не такое видели... Но Колька вдруг заподозрил, что дом не вырублен, а выращен. Как настурция на клумбе.

Он вздохнул, оглянулся на спящего Володю и по пружинящей траве пошел к выходу. Раздвинул занавес из тонких зеленых нитей, заменяющий дверь. Выглянул наружу.

Наверно, он еще не проснулся как следует и был наполовину оторешен от реальности. Он смутно помнил, что Рафаил ранен и где-то оставлена без присмотра баросфера. Что положение экспедиции в высшей степени странное, непонятное и даже опасное. Но сейчас его интересовало только одно: построен «зеленый дом» или выращен? И Николай, перебирая пальцами по листьям, обследовал стену в проходе — толстая стена, около метра. По внешней ее стороне были живые листья другого сорта. Глянцевито-кожистые, крупные, заходящие один на другой, как черепичная кладка. Между ними рука прошла довольно легко и нащупала свободное пространство... Ага, ветви... так... — он задвинул руку по плечо — и опять внутренние листья, спрессованные...

По руке пробежал кто-то маленький, с когтистыми лапками — Колька выдернул руку и услышал тихое грозное рычание за спиной. Похолодев, он оглянулся. Рядом стоял большой, тощий леопард и смотрел на него, сморщив нос. Колька попытался, рукой нащупал вход — леопард перестал рычать. Одним прыжком Колька подлетел к лежанке, схватил пистолет, навел его на дверь. Зеленые нити еще качались, и сквозь их зыбкую завесу было видно, как леопард неторопливо, на прямых ногах, удаляется от входа и как играет солнце на его оранжевой шерсти. Выждав некоторое время, Николай подошел к двери и выглянул в щелку — пистолет для твердости держал обеими руками... Вот он, зверюга... Разлегся под пальмой, вытянул шею и смотрит.

Колька тоже вытянул шею и шагнул за порог — зверь тут же поднялся. Коля вернулся — зверь опять лег. Он был метрах в двадцати.

— Сторожись, — пробормотал Колька. — А если мне по нужде, тогда как?

Он машинально похлопал себя по голому бедру, отыскивая карман с сигаретами. Усмехнулся — брюки и прочая одежда остались у «коричневых», а курить он бросил два месяца назад, когда начались тренировки. Он вдруг развеселился. Эти «коричневые» все делают по-своему, понимаете? Дома строят из живых кустов, вместо пробирок и колб для анализов употребляют каких-то тварей — тут его переделеруло. Щетинистые клубки, розовые, как слепые безногие поросята, — гадость... Ну, это их дело. Только бы лечили, как следует. И, наконец, взамен сторожей или тюремных решеток у них леопарды. Неплохо,

ничего не скажешь. Придется ждать, пока «коричневые» сами не вспомнят о пришельцах, а Володька — пускай его отсыпается.

Он поднес к глазам часы — девять... Что — девять? Эти золоченые стрелки на белом кружочке здесь не имели смысла.

Колька проснулся окончательно, подумав, что вчерашнее утро отделено от них необъятными массивами пространства-времени. Отныне для них не существует «вчера». Есть только завтра, послезавтра и так далее...

— Тик-так, тик-и-так, не стучите громко так, — прошептал он и устроился в ногах у Володи, чтобы держать вход под наблюдением.

Рано или поздно за ними придут, а в крайнем случае он бабахнет в воздух, чтобы напомнить о себе, а пока он сидел, упирался лопатками в упругую стену, поглядывал на сторожа-леопарда и думал.

Сначала он думал, что это неправильно — сидеть и ждать. Долг обязывал его, не теряя ни секунды, отыскать вчерашний дом или другое место, где «коричневые» лечат Рафаила, и проследить, чтобы все было как надо. Потом он подумал: «А почему я не должен доверять «коричневым»? Потому что они темнокожие и ходят без рубашек? Мало я видел сволочей в нейлоновых рубашках? Название-то какое придумал: «коричневые», словно они фашисты... Правда, зверюгу они к нам приставили... ну, посмотрим. И в этом может найтись какой-то смысл. Нарвались же мы вчера на гориллу...»

Не подоспей вовремя охотники, эта самая горилла оставила бы от экспедиции Института Совместенных Пространств три кровавые лешки, м-да... Если бы не охотники... Она весла полтонны, как минимум. А что, красивые ребята — охотники. И лица у них умные и добрые...

Так он думал, а Володя спал, комфортно раскинувшись на лежанке. Володя был некрасив — толстый, слишком белый, курносый. Зато лицо у него было очень доброе и во сне. Доброе и озбоченное.

...Таким оно было в «момент ноль», когда Колька прикрыл иллюминатор заслонкой, — отсвечивающий стеклянный конус смотрел на его любимый плакат с улыбающимся синим чертиком и английской надписью, неразличимой на таком расстоянии, и от волнения невозможно было вспомнить эту надпись, и Володя понял, что он волнуется и похлопал его по коленке. Они трое сидели, пристегнутые к креслам, и, в динамике внешней связи хрипело дыхание шефа, который набирал воздух, чтобы произнести «иной!», а за броней баросферы оставались решетки энергоприемников, и бледные лица инженеров стартовой команды, и бетонные стены, и асфальтовые дороги, и вся Земля, застроенная бетонными коробками, — перепаханная, стальная, дымная, бензиновая. Оставался шеф в своей прокуренной вельветовой куртке, и его прокуренный голос рявкнул: «И-ноль!», и прежде чем потерять сознание, из-под каски, беспощадно надавившей на темя, Колька увидел лицо Володи, и ему было легко терять сознание...

...Солнце заметно поднялось, круглые пятна легли на зеленый занавес и обозначили стрельчатую арку входа. Колька подергал друга за руку — вставай, вставай... Володя открыл глаза и спросил:

— Где Рафа?

Глава 2.

Рафаил Новик, Владимир Бурмистров и Николай Карпов стали друзьями, мягко говоря, неожиданно. Первую встречу Колька не любил вспоминать, хотя с тех пор прошло четырнадцать лет. Нехорошая была встреча. Скорее вопреки, чем благодаря ей, они подружились и вместе пошли на физтех и вместе начали работать у профессора Большакова, известного под международной кличкой «Рыжий Тигр».

...Предание говорит, что теория совместенных пространств была заложена поздней ночью, в операционном зале большого ускорителя под Серпуховом. Шестнадцатью часами раньше профессор Больша-

ков — тогда его не звали еще Рыжим Тигром — в очередном приступе ярости выгнал лаборантов и сам спаял и собрал диковинную приставку к ускорителю. Затем положил на столик остаток припоя и умиротворенным голосом попросил «включить машинку». Позже он клялся и божился, что совершенно ничего не предвидел и саму приставку спаял, чтобы посрамить косоруких лаборантов. Так или не так, однако два грамма оловянно-свинцового сплава со следами каинфоли исчезли со столика. И в ту же ночь, в операционном зале, поглощая в невиданных количествах черный кофе, Большаков дал основные формулы теории СП.

Теоретики звывли — надо было спасти святая святых физики, принцип сохранения энергии-массы. Вещество не могло исчезнуть ни куда. Следовательно, огрызок припоя переместился куда-то. Большаков объяснял, куда — в пространство, втиснутое между ячейками нашего пространства-времени. Ему отвечали: все может быть, и ваше «совмещенное пространство» тоже имеет право на существование. Но теория ваша базируется на искусственных приемах, на математической эквилибристике... Рыжий Тигр — он уже был Тигром, и академиком и почетным доктором десяти университетов — Рыжий Тигр рывкал: «Эквилибристика?! Займитесь лучше квантовой теорией! Вот уж где полно р-рецептурных приемов...» Скандал... Новый Генератор совмещенных пространств, построенный уже по всем правилам инженерной физики, выбросил в никуда последовательно: брусок победита, морскую свинку в стальном боксе, батарейный радиопередатчик, ампулу с меркаптаном. Скептики пытались поймать сигналы передатчика и унюхать меркаптановую вонь. Безрезультатно... И Большакову разрешили построить баросферу — защитную скорлупу для сверхмощного генератора СП, приборов и подопытных животных.

И тогда разгорелся новый скандал. Совмещенные Пространства фатально не желали быть исследованными и не желали вступать в какой-либо контакт с нашим пространством-временем. Институт тратил чудовищные количества энергии, забрасывая баросферу в СП, — раз за разом, день за днем. Результаты были разнообразно-бессмысленными. Кинопленка возвращалась либо засвеченной, либо ветреной, а приборы фиксировали то абсолютный вакуум, то огромное давление за бортом — настолько огромное, что баросферу должно было сплющить, а она возвращалась целой. И прочее в том же духе. Через день стальной шар исчезал неизвестно куда и полтора часа спустя возникал из этого «вечто» или «ничто», доставляя очередную порцию бессмыслицы. Утешало одно явление: мыши, кролики, собаки и, наконец, шимпанзе отлично переносили путешествия в СП, и дали науке первый экспериментальный факт. За полтора часа отсутствия животные успевали прожить несколько суток. То есть в Совмещенных Пространствах время текло быстрее, чем на Земле. Но даже этого факта многие ученые не желали принимать, и на «тигрятниках», семинарах Большакова, обстановка накалялась невыносимо. Рыжий Тигр молчал, ждал. После пятого опыта с шимпанзе, на очередном семинаре поднялся Рафаил Новик. Смущенно улыбнулся, покашляла и сказал: «Наша группа — Бурмистров, Карпов и я — готова пойти в эс-пэ. Медицина не возражает. Товарищи, надо посмотреть своими глазами, правда?» Колька с места пробасил: «Дадут с собой чего пожрать — сходим...»

Рафаил умел добиться своего. Спокойный, холодно-настойчивый, он колотил в одну точку: автоматика ненадежна, поэтому следует посылать троих. «Не разместимся? Извините, мы изготовили макет кабины... Пожалуйста... Один работает с энергоаппаратурой, второй — с научными приборами, третий ведет визуальные наблюдения». И через полгода они заняли свои места в кабине баросферы: Рафаил у генератора СП, Володя — у приборов контроля и Колька — в верхнем кресле, у иллюминатора. Это было вчера утром. В двенадцать ноль пять Колька очнулся после перехода и увидел через слегка запотевшее стекло зеленые земные растения, и коршуна, парящего в темно-синем стеклянном небе...

Они ощутили страшное разочарование. Синее небо, пальма, коршун! Значит, нет никаких Совмещенных Пространств. Баросфера перемещалась в иные точки зеленой поверхности — только и всего. Рыжий Тигр открыл, взамен новой Вселенной, новый вид транспорта...

Они кинулись к приборам. Давление, состав атмосферы, магнитное поле, температура, сила тяжести, радиоактивность, микроорганизмы и бог знает что еще. Приборы подтвердили: Земля, Земля, Земля. Тропическое солнце бушевало в зените. Через иллюминатор было видно, что баросфера покоится на круглой поляне, с которой уходит в пальмовый лес прямая, как стрела, дорога, вполне ухоженная, с дренажной канавой. Следовательно, места цивилизованные. И экипаж баросферы, подавленно ругаясь, собрался на волю, чтобы снять координаты и документально подтвердить гибель теории СП. Правда, была одна странность — квантовые бортовые часы стояли практически на нуле, и запас энергии в аккумуляторе не уменьшился ни на йоту, но этому имелось готовое объяснение — приборы барахлят при переходе.

Они сбросили тяжелые каски, открыли люк и выбрались наружу, в мокрую, банную жару. Колька машинально подхватил с собой пистолет, навязанный им комиссией по технике безопасности.

Он стоял, злобно оскалься, и вертел пистолет на скобе, вокруг пальца. Рафаил работал с угломером, Володя быстро строчил в бортовом журнале, свободной рукой прижимая к глазам очки. Солнце жарило сквозь куртки, словно утюгами. И, как бывает всегда, события повернулись мгновенно и необратимо: затрещали деревья, мокро шлепнул упавший ствол — долю секунды пустовало его место в зеленой стене — опять затрещало, и на солнце выдвинулась чудовищная обезьянья харя. Володя тонко вскрикнул. Черно-бурое тело вздернулось на дыбы, как паровоз, подброшенный взрывом, и тогда загрохотал пистолет, и Колька видел удары пуль о живое тело, и вдруг все кончилось. Что-то подняло его в небо и ударило о землю.

Вот как это случилось...

Он очнулся, когда Рафаила уже уносили охотники — бегом, оскаль-

зываясь по мокрой дороге. Володя был цел и даже не потерял очки. «Догоняй!» — крикнул Колька, захопнул лок баросферы, подобрал с земли пистолет и ринулся следом за охотниками. Потерял их из вида — мчался вслепую, волоча Володю за руку... Откуда-то выскочил еще охотник, привел их к поляне, на которой валялась окровавленная Рафаилова одежда. Их тоже заставили раздеться, вымыться в ледяной, пахнущей анисом воде. Втолкнули в зал, освещенный странным зеленым светом...

Там было прохладно. Посреди зала — два низких стола желтого блестящего дерева. На дальний положили Рафаила. Охотники ушли с носилками, и четверо голых людей с двух сторон придвинулись к столу. Раненый лежал обнаженным... Но почему эти — голые, в одних лишь плавках? Колька схватился за пистолет и вдруг опустил руку. Четверо так подошли и наклонились, таким движением, что привиделись халаты, марлевые маски. Будто вспыхнула бестеневая зеркальная люстра над столом, и матовые блики пробежали по резиновым перчаткам. И Колька, уже дрожащий от возбуждения и страшной усталости, узнал эту уверенную повадку. Над Рафаилом, в желтом свете лиственных стен, стояли врачи.

На пришельцев никто не оглянулся — вынимали из зеленых корзинок щетинистых, розовых, пищащих тварей, кормили их кровью из локтевой вены. Безглазые твари чавкали. Трубочку в вене придерживала молодая кудрявая женщина — Кольке показалось, что он видел ее среди охотников на поляне...

Колька стоял, держал Володю за руку и смотрел, как безглазые поросят раскладывают по корзинкам. И как они растут в корзинках — словно тесто в опаре. У некоторых прорезывались глаза. У одного выросли четыре лапки. Штук двадцать их было, и все изменялись поразному.

...Кажется, его тошнило. Какие-то процедуры он совсем не запомнил, все это тянулось очень долго. Он помнил, как один из врачей — могучего сложения, бритый, отвернулся от корзинок, подошел к Рафаилу и, играя бицепсами, поставил на место сломанную ногу — Володя заскрипел зубами и застонал. Бритый усмехнулся. Другой врач повозился руками под столом, и, как во сне, стол выпустил зеленые побеги, и они поползли, извиваясь зелеными гусеницами, оплетая вправленную ногу. Потом врачи стояли, опустив руки, а бритый кормил Рафаила — тот жевал, не открывая глаз. Потом и бритый встал рядом с остальными. Они все смотрели в одну точку — на огромный синий отпечаток обезьяньей лапы у Рафаила на животе. Полчас или больше прошло в молчании, в ожидании чуда. Где-то за зелеными стенами влзавали собаки, глухо трубили неизвестный зверь. Вдруг женщина торжествующе вскрикнула, протянула руку, и Колька увидел, что сияя бледнеет и уходит, как тень облака на земле. Сейчас же бритый врач вывел их с Володей наружу, что-то сказал веселому бородавтому охотнику — тот смеялся и кивал, поправляя зеленую униформу. Лук и колчан висели у него за спиной, и из теги на все это смотрели еще несколько охотников, и Колька увидел очень близко лицо врача. Он стоял перед Колькой, трогая себя за подбородок. Бицепс надулся на его руке — страшно было смотреть, и глаза как бы надулись, огромные, бычьи, с зеленоватыми белками, — глядели и не видели. Потом пальцы отпустили подбородок, взгляд вышел изнутри на свет, и глаза дрогнули и ожили. Пробежали сверху вниз и снизу вверх, по бледной потной морде, исцарапанным рукам, по пистолету, задвинутому за пояс. Остановились — глаза в глаза. И Колька понял, что сию секунду заснет. И заснул. И проснулся уже в этом доме, по-прежнему без одежды, но почему-то с пистолетом. А теперь проснулся и Володя Бурмистров и спросил: «Где Рафа?»

Глава 3.

— То-то и вопрос, где Рафа, — сказал Николай. — Видишь, зверь на поляне? Не выпускает наружу. И людей — никого, будто вымерли.

Володя всмотрелся и рассеянно отметил:

— Это гепард. Они легко приручаются.

— А ты выйди, попробуй...

— Давай заорем, — сказал Володя. — Свистни, вот что!

Свистеть Колька был мастер. Детдомовское его прозвище было «Колька-Свисток». Он грянул в два пальца, так что гепард подпрыгнул и приложил уши, а сверху кто-то заухал и захохотал.

— Концерт... — сказал Володя. — А знаешь, Свисток, это не Земля.

— Глупости брось, — быстро сказал Колька.

У него похолодели руки. Насколько вчера утром ему хотелось, чтобы здесь было Совмещенное Пространство, настолько сегодня была необходима Земля. Ведь Рафаил не выдержит обратного перехода в баросфере, его и здоровые ел выдерживают. А энергия из «Криоля» утекает... Если здесь СП, то экспедиция останется в нем навсегда «Криоль» сохраняет стартовый запас энергии не больше суток.

«Криолем» они называли гелиевый аккумулятор.

— Ты понимаешь, что говоришь, Володька?

— Повимаю, естественно...

— Да почему? Откуда в СП возьмутся люди, пальмы, гепарды?

— Ума не приложу, — признался Володя. — Я вот о чем: если на Земле есть такая... — он пошевелил пальцами, — страна, что ли, то мы знали бы о ней.

— Экий приткий! — с облегчением сказал Колька. — Да мы по специальности всего прочее не успеваем, а география там, этнография... Брось!

Володя посмотрел на него внимательно.

— Я-то брошу. Но ты проверь сейчас же... на всякий случай.

— Каким образом?

— Ты у нас полиглот. Проверь, знают ли здесь хоть один из четырех языков.

— А если не знают, тогда — не Земля? Чепуха, — сказал Колька. — Смотри-ка...

Гепард вскочил и пробежал мимо входа. Зашуршали шаги, зеленый занавес раздвинулся, и в дом вошел вчерашний веселый охотник. Парни смотрели на него, не мигая.

— Су-убх'а нараоа, — проговорил охотник.

Колька спросил:

— Ду ю спик инглиш? Парле ву франсе? Парлата иль испаньола? — и больше для порядка: — Шпрехен зи дойч?

Охотник засмеялся, прикоснулся к колькиному плечу и выговорил: — Ко-олия... — потом к Володе: — Во-олодзия... О, хум-м?

— Су-убх'а нараоа, хум-м, — повторил Колька. — Коля, Володя... — он тоже тронул охотника за плечо, над перевязью.

— Джаванар! — крикнул охотник в восторге от Колькиной понятливости. — Джаванар, Джаванар! Колия — адвеста, — сказал он убедительно и засмеялся, теребя бороду.

— Откуда бы ему знать наши имена... — проворчал Колька. — Его-то зовут Джаванаром... Ра-фа-ил, — произнес он по слогам.

Охотник прямо-таки захлебнулся удовольствием, повторил: «Рафаи, Раф-фаи хум-м!» и показал на дверь.

Жара была крепкая. Они, как из предбанника, шагнули прямо в парную — волосы зашевелились на голове. Гепард, привязанный к дереву, облизывался и басисто мяукал. Поляна была точь-в-точь похожа на вчерашнюю: такие же мощные деревья с перистыми кронами, и густой жестколистный подлесок, в котором сейчас же спрятались дом, стояло лишь отойти от него на десяток шагов.

Джаванар не повел их к Рафаилу. На краю поляны, у ручья, он стянул через голову перевязь и нагрудник, развязал пояс и остался в неизменных коричневых плашках. На его выпуклой груди висел сухой красный жук с толстыми лапками...

— Теперь он будет купаться, — нетерпеливо проговорил Володя, и ошибся.

Джаванар не собирался купаться. Он показывал гостям, что с утра надо бы умыться. С низкорослого кустика над ручьем он сорвал комок зеленых путаных нитей, окунул в воду и потер руками — пошла пена. Мыться было отлично. Вода текла в меру прохладная, чистая, без песчинки. Полотенец этикет не предусматривал. Кожу, скрипящую от чистоты, сушили на солнце, а тем временем причесывались веточками хвоща, похожими на пластмассовые ершики... Но мало того! Подсохнув, Джаванар полез в кусты за ручьем, словно в комод. Поиграв могучими лопатками, выудил сочный корешок толщиной в мизинец, ополоснул его в воде, отломил кончик и стал водить под бородой, опупывая пальцами кожу. Корешок он осторожно держал, растопыривая свободные пальцы. Волосы сыпались на траву. Колька принял корешок, побрил Володю, а тот, в свою очередь, почистил ему щеки и шею под бородой, причем едва не испортил всю красоту, засматриваясь на Джаванара.

Неподалеку чернел гладкий ствол, уходящий вверх, за лиственный купол. Охотник подбежал к стволу, отбил по нему дробь ладонями. Сверху насморочным басом отозвалось: «Э-хе-хе-е-е». Джаванар отошел и уселся, поджав ноги. Сейчас же сверху полетели оранжевые мячики, мягко плухаясь на траву, потом зеленые — покрупней, и, наконец, по стволу вниз съехала здоровенная обезьяна, притормаживая задними руками. Под мышкой она держала мохнатую рыжую дыню и деловито регулировала скорость — черная морда нахмурена, губы трубочкой...

Прямо на траве принялись за еду. Ели оранжевые медовики, маслянистую дыню, запивали кисленьким молоком из зеленых грушевидных плодов. Даже Володя признал, что пища отменная. Колька, набив рот дыней, поддразнил:

— Как нашчет белковой нешовместимости в эш-пэ? Скопяемша в штрашных штраданиях?

— За такое готов скончаться, — ответил гурман Бурмистров.

Их аппетит доставлял видимую радость Джаванару. Он торопливо разделял дыню охотничьим ножом, единственным стальным предметом, который они здесь видели. Корки и объедки прямо из-под рук хватала черные жирные крысы. Кольке они изрядно портили удовольствие — ненавидел он крыс с детдомовских еще времен... А обезьяна-официант сидела невысоко на стволе и дразнила привязанного гепарда. Потом пробежала по поляне, смешно подпрыгивая, уморительная в своих серых пушистых шароварах, и ушла вверх по дереву.

— Вылитый Тарас Бульба, — сказал Колька.

А Володя вздохнул:

— Земной рай... Только жара убийственная.

Наконец, сытые и чистые, они пришли за Джаванаром короткую аллею и попали на поляну перед лечебницей.

...К добрым чудесам люди привыкают быстро. Увидев Рафаила, парни не удивились, хотя раненый командор встретил их улыбкой и даже помахал свободной рукой. Все остальное, кроме головы, было упаковано в чехол из живой зелени. Впрочем, выглядел Рафаил плоховато — лицо землистое, у рта глубокие складки, глаза ввалились... Володя сразу подошел к нему, присел и — деловым тоном:

— Ну, вот и отлично... Выкарабкаетесь, издали видно!

Бледные губы шевельнулись, прошептали:

— А, парни... Здорово... Видите — запеленали меня...

— Больно? — спросил Николай.

— Не-е... Негры тут... да вы знаете... — он замолчал.

— Ну-ву?

— Они рисуют... Нарисовали, что через двое суток встану...

— Перелом срстется? — брякнул Володя, и испуганно закрыл рот.

Рафаил ответил равнодушно:

— Перелом... Я думал, вывихнул... Они долго... — опять замолчал.

— Рафа, что — долго? — мягко спросил Колька.

— Смотрели, гнули, — он прикрыл глаза и внезапно спросил полным голосом: — Перелом? Показалось вам с перепугу.

Колька пихнул Володю локтем — молчи. Незачем больному знать подробности. Скверные это были подробности, они оба видели, как правая нога Рафаила болталась, сломанная посредине голени. И видели кость, проткнувшую кожу изнутри.

— А почему ты знаешь, что показалось? — все-таки спросил Николай.

— Сегодня на рассвете смотрели... гнули... — Рафаил снова шептал. — Нарисовали... через двое суток... Где мы, парни?

— Не знаем, Рафа. Пока не идентифицировали, — сказал Володя. Рафаил вдруг уронил голову. — П-стите... Пр-остите, р-ребята... Я п-сплю... — он тихо захрапел, уткнувшись в листья, как в одеяло.

Тогда Колька воровато оглянулся и запустил руку под живую повязку. Горнолыжники поневоле разбираются в переломах, что твои хирурги. И Колька нащупал больное место на ноге и сказал себе без удивления: «Действительно, срослась. Чудеса продолжаются».

Он выпрямился и сказал Володе:

— Муфта — во, с кулак, — и показал кулак. — Срастали.

Володя открыл рот.

— Вре-ешь...

Он тоже знал, что такое «муфта» — костная мозоль на месте заросшего перелома. Когда Колька валялся в больнице, дружки ходили к нему каждый день и понаторели в хирургии.

— Слишком много чудес, Карпов.

— Слишком много, — Николай поднялся с колен. — Пожалуй, ты был прав. Для Земли чудес многовато. Сутки еще не прошли. Попытаемся уйти в баросфере?

— Большой риск, Николай.

— Ладно... Рафаила беру на себя. Они его здорово подлечили.

Он крепко потер виски. Интересы науки и все такое прочее, и больного везти рискованно, и все-таки ему совсем не хотелось коротать свой век в Совмещенном Пространстве, в раю, или не в раю, или где угодно. Он пойдет и подготовит баросферу к старту — здесь недалеко, за сорок минут обернется.

— Так я пошел к баросфере.

Володя пожал плечами. И увидев, как он придвинул лицо к неподвижному лицу Рафаила, Колька внезапно вспомнил то утро, четырнадцать лет назад, когда он впервые разглядел и понял их обоих.

Он дождался их в проходном дворе — культурных деток, — в проходном дворе, под облупленной кирпичной аркой. Прижал к стене. Они смотрели с нервной дрожью, но без страха. Толстый мальчик в очках защищал живот руками. «...» — сказал Кила, детдомовский кореш, а Колька приказал: «Заткнись» и спросил: «Очкарь, что у тебя в пазухе?» — «Белые мыши, для живого уголка». — «Покажи!»

Очкарь достал красноглазую мышку, показал с ладони.

Второй культурный мальчик — кудрявый, маленький — смотрел на обидчиков пристально и высокомерно, как бы отталкивая взглядом. «Белевская, сволочуга!» — сказал Кила и вдруг ударил снизу по руке Володьки. Мышка шлепнулась в свежий потек мочи на асфальте. Пробежала к стене, под кирпич. Колька вклонился и увидел, что вместо глаза у нее выпуклая капелька крови, а Раф сказал звонким голосом: «Фашисты!»

Он тогда сплюнул и приказал своим: «За мной...», и они поскакали через заборы к детдому...

Эх, напрасно Колька Карпов вспомнил давние дела! Напрасно оставившись на поддороге, засомневался. Не пришло бы в голову воспоминание, он сумел бы выдраться из этого рая земного и увести друзей. А теперь не мог. Он остановился и подумал отчетливо: «Убьет Рафаила при переходе, я же руки на себя наложу». И, будто услышав его мысль, в лечебницу вошел седой человек. Поднес руки к груди, приподняв красного жука на ней, — поздоровался. Картинно улыбнулся и отдельно поздоровался с Володей. Глубоким музыкальным басом произнес:

— Бракак...

Он улыбался, но прищуренные веки, морщинка около рта, беспокойный поворот головы... Нет, Брахаку не хотелось улыбаться... Врач? Как будто вчера его не было среди врачей. Инстинкт подсказывал Николаю, что Бракак — важное лицо. Он и по внешности был весьма представителем: могучее тренированное тело, холодные, очень живые глаза и тонкая улыбка. Под мышкой он держал, как портфель, стопку овальных листов. Академик, да и только...

Он заботливо заглянул в лицо Рафаилу, присел на лежанку, а листья пристроил рядом. В руке у него, как у фокусника, оказался голубой мелок, и он зачиркал им по листу — рисовал. Пригласил жестом подойти поближе.

Рисовал он с необычайной быстротой — через минуту на листе была изображена баросфера с открытым люком... так... а вот кто-то лезет по скобам к люку.

В этот момент произошло сразу два события. Пришла кудрявая женщина-врач, и Колька на несколько секунд потерял всякий интерес к Брахакову рисованию — такой красавицей оказалась эта женщина. А пока он хлопал глазами, снаружи затопотали быстрые шаги, и высокий голос прокричал, приближаясь:

— Ра-аджтам, го-ониа-а-а!

Бракак с сердцем бросил мелок. Развел руками — мол, некогда, извините — и быстро заговорил с девушкой. Колька краем уха слушал незнакомые звучные слова и пытался сообразить, к чему была нарисована баросфера. Когда Бракак зашагал к выходу, Колька сказал Володе: «Я сейчас...» и побежал следом. Он боялся, что старик вернет его, а вышло как раз хорошо — Бракак вежливо подождал, и они пошли вместе.

Он запомнил дорогу. От выхода направо, по узкой аллее, до поляны, на которой суетились охотники — отвязывали больших огненнорыжких собак. Посреди следующей поляны лежал слон в зеленой поне, охотник сидел на бивне и промыл зверю глаз.

«Да как же не Земля, если слоны?» — подумал Колька на ходу и вдруг увидел совсем странное зрелище.

Все предыдущие поляны были закрыты поверху сплошным листовым куполом. На этой же центр купола был открыт в небо — широким круглым отверстием, и по оси отверстия стояло дерево. Вокруг него сгрудились люди. Они стояли на коленях, прильнув к синему граненому стволу, похожему на старинную пушку, направленную почему-то в зенит. Брахак тоже опустился на колени и стал смотреть вверх. Что они там увидели?

Солнце сияло над самой верхушкой дерева, и Колька долго приставившись, пока разглядел на многометровой высоте узкие растрескивающиеся стволы. Они казались маленькими, как цветки душистого табака, а на деле... — Колька прищурился, — на деле метра по три в длину. И вот что еще. В круглом просвете виднелись и другие высокие деревья — за краем поляны. Их верхушки пригибались и трепетали, там дул сильный верховой ветер, но граненое дерево стояло неподвижно. И люди вокруг него были неподвижны. Кто-то из них шел тихим, неприятно визгливым голосом. «Дикари! — повял Колька, — настоящие дикари, удивительно! Они же молятся. Полудневный молебен для руководящего состава». Он потихоньку стал пятиться, чтобы не оскорблять чувства верующих своим присутствием, но тут, сотрясая землю, пробежал бритый врач и бесцеременно сувул голову между двумя молящимися. Простучала пятами целая толпа мужчин и женщин, окружили дерево вторым кольцом. Стояли, наклонившись, и слушали. У нас бы так слушался экстренный выпуск о полете на Венеру...

Странно. Охотников между ними не было. Один Джаванар. Вот все поднялись с колен, мягкий бас Брахака произнес несколько слов, пауза, еще несколько слов.

В толпе загомонили-зашумели. Смолкли. Торопливо начали расходиться, на Кольку поглядывали без улыбки. Худой, очень темнокожий человек стоял на коленях, громко пел одни гласные: «А-а-а-у-у...»

Колька присунулся к дереву, он прямо горел от любопытства. Ствол, в полтора обхвата, был четко восьмигранный, как чудовищная головка болта, а в метре над землей были овальные отверстия — аккурратно на оси граней. По дереву густым слоем сновали черные муравьи — вот почему оно казалось синим...

«Колька!» Поляна опустела. К дереву подходил охотник с гепардом на поводке, в полной амуниции, с луком, а Брахак звал, показывал на аллею — скорей, пошли. «О-э-м, о-а-ни», — пели у дерева...

Брахак торопился. Колька пошел спортивным шагом, чтобы не отстать. По дороге отметил, что слон поднялся, переминается с ноги на ногу, на спине — ременная сетка. Собаки исчезли со своей поляны, в траве прыгали черные молнии — крысы подбирали остатки корма. Проскакала обезьяна в зеленой перевязи, с большой дубиной за спиной. Лица у охотников были хмурые...

Что-то случилось.

В медицинском доме сидели охотники с луками. Вокруг стола орудовали пушистые серые звери, размером с таксу. Хрустели зубами, подрезая стол вместе со спящим Рафаилом.

Володя стоял рядом в полной растерянности и вскрикивал: «Да что случилось?», и его тонкая рука, протянутая к столу, выглядела ужасно беспомощно — как росток на толстой картофелине...

Брахак, не останавливаясь, взял его за руку и подвел к лежанке, где еще валялись листья и палочка мела.

Пушистые звери, стрекоча, как жатки, продвигались вдоль стола, прилепывали по траве плоскими хвостами.

Кудрявая девушка успела надеть охотничью одежду, и теперь кормила Рафаила каким-то сладобъем — он жевал, не просыпаясь...

Что происходит, наконец?

— Спокойно, — сказал Колька. — Сейчас разберемся.

Володя смотрел на него с надеждой.

Брахак рисовал, двигая лопатками.

Две параллельные линии, по бокам — кудряшки... Ага, карта. Это просека, а вокруг нее — лес. Так-так, вот поляна с баросферой, вот боковая аллея, — смотри, четко работает... — а вот и прямоугольник и внутри его — изображение человека. Рафаил лежит, понятно.

— Разбираешься, Вовка?

Тот утвердительно поспедел.

Просека уходила далеко, на край листа. Кружочки — дома, много домов. Человечки, еще, еще... Понятно. Поселок или город, далеко отсюда.

Брахак поднял голову, проверил их реакцию, и рядом с изображением Рафаила нарисовал слона. Стер человека пальцем и мгновенно повторил его на спине у слона, и тремя движениями разместил трех слоников по дороге в город. Над дорогой нарисовал круг с лучами — солнце. Вот оно что — предлагается эвакуация. Не так далеко, полдня пути — четверть круга солнца...

Да что — предлагается. Рафаила уже опустили на землю вместе с ложем. Ждут лишь их согласия и одежду притащили, накрест перевязанную ремешком.

Какая еще эвакуация? Надо уходить.

И вдруг Колька понял, что здесь, наряду с деловой суетой, происходит нечто скрытое от посторонних и очень важное. Он понял это, когда Брахак нарисовал солнце и посмотрел на девушку вопросительно. Девушка опустила глаза, а охотники, наоборот, смотрели с любопытством и ожиданием то на Брахака, то на пришельцев.

«Ах ты черт... Похоже, медицинская красotka чего-то требует, а Брахак поступает по-своему, — думал Колька. — Впрочем, сейчас не до психологии».

— Уходим к баросфере, Володя? Дело ясное...

Володя кивнул. Колька взял мел и провел черту напрямик от медицинского дома к баросфере. Брахак удовлетворенно улыбнулся, повернул голову к охотникам, но девушка опередила его. С лицом, темным от гнева, она прыгнула вперед и схватила Кольку за руку. Заговорила быстро, яростно — спохватилась, что ее не понимают, — бросилась к Рафаилу и вцепилась в носилки. И смотрела. Господи, как она смотрела! «Не сохранишь, не убережешь, — говорили ее глаза. — Нет... Убьешь его. Он будет спать, а ты — будить его, но он будет спать — вот так, и жизнь будет утекать из него — вот так, смотри! — и он умрет. Не отдам!»

— Оказывается, дело не ясное, — сказал Володя, смущенно покашлявая. — Она ведь врач, правда?

— Смотри, застряем мы здесь... Вот дикая кошка! Кому верить, непонятно.

— Врачу.

— А, дьявол с вами, — сдался Колька. — Может, это Земля все-таки. Пошли.

...Охотники подняли спящего и вынесли в жару и духоту, в резкий запах слоняного тела. Быстро прикрутили носилки к ременной попоне, топчась слона как стог. Серый слон поднялся, пошел, а за ним — охотник и девушка с луками наизготовку и Колька с пистолетом. Пошли под деревьями, в тревожной тишине, навстречу солнцу. По пути с дерева съехал Тарас Бульба и прыгнул рядом со слонем, держась рукой за бивень.

Лес молчал. Только слон вздыхал, тревожно попискивая, растопыривая уши. Люди едва поспевали за ним — миновав поляны, он плавно, как автомобиль, набрал скорость.

Шли длинной, бесконечно прямой просекой. Далеко впереди сливались в темное пятно кобальтовая лента неба, пронзительная зелень солнечной стороны и черно-коричневая полоса тени. Было так жарко, что даже Тарас Бульба не выбежал на солнечную сторону — трусил слева по сухой канаве или прыгал на руках с ветви на ветвь, строя слону дружеские гримасы.

Пеший охотник на ходу улыбнулся Кольке, без стеснения оглядывая его бойкими глазами. Борода у него была совсем короткая, молодая. Любопытные глаза остановились на пистолете — с просительным выражением.

Первый человек заинтересовался техникой. Остальные ее не замечали. Колька перевел предохранитель, проверил спуск и протянул парню пистолет. Тот принял, стал рассматривать подробности насечки, пластмассовые накладки на рукоятке. Его коричневые длинные ноги сами находили дорогу. Потрогал защелку, нажал, вытянул магазин. Осмотрел, вложил обратно — ловок! Вернул пистолет. Посмотрел на Кольку оценивающим взглядом. «С оружием не знаком, ствол держал на себя, — думал Колька. — Жаль, нельзя бабахнуть для пробы. Где это я читал, что слоны пугливы? Мышей боятся...» Лицо охотника было нервное, городское...

— Колия? — спросил охотник и представился: — Ахука.

Зачем-то достал из-за нагрудника свой амулет. Небесно-голубой жук.

— Хороший, — сказал Колька.

В этих навозниках или жужелицах был свой смысл. У Брахака и Джаванара они красные, у этого... Ахуки — голубой. У девчонки какой жук? Колька плохо запоминал цвета. Темно-синий, кажется...

Жарко. Душно. Три полосы сходятся впереди. Мотается слоновый хвост. С носилок торчит Рафкина босая нога. Идет Ахука механически-бодрым шагом, весь мокрый, ноги блестят. Далеко позади угадывается собачий лай, еще какие-то звуки, но все вязнет в раскаленном воздухе, как в топленом жире.

...После часа пути устроили привал. Девушка тут же полезла на слона, как мальчишка на крышу. Колька с жадностью напился у ручья, лег и дремал в изнеможении, пока не услышал голос Володи:

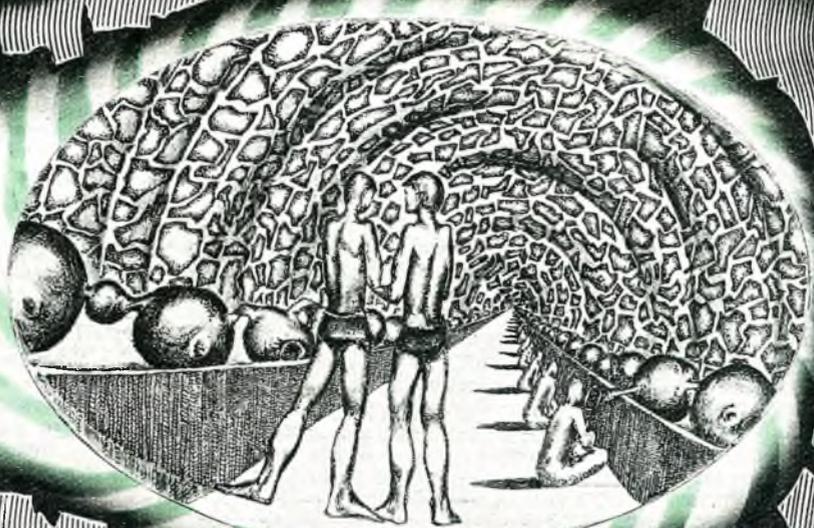
— Колюня, вставай, вставай. Дальше поедет на лошадях.

...Он влез на лошадь, покрытую толстой мягкой зеленой попоной. Покорно пожал плечами, увидев, что попона эта — лист с прожилками, сухой и мягкий, как поролон.

Девушка ехала на слоне, как погонщик, — покачивался тонкий, прямой силуэт на фиолетовом небе.

Последующий путь был виден смутно и не отложился в памяти. Они проезжали поперечные просеки, поляны, перешли вброд быструю мелкую реку. С последними лучами солнца стал слышен шум многих голосов, музыка. Закачались в сумерках зеленые стены. Колька помог снять Рафаила, затащить его в дом и уложить и сам рухнул и уснул.

У МЕНЯ ДЕВЯТЬ, ЖИЗНЕЙ

Глава 4*

Кольке снилось, что академик Богатырев стоит на коленях и, подняв веснушчатое лицо, орет громыхающим басом: «Раджта-ам, го-онна-а!»

Он проснулся от боли в ногах. Зеленый дом был в точности похож на вчерашний — тот же зеленый ковер на полу, зеленые, слабо светящиеся стены. Показалось даже, что давешняя скачка через лес, поющее дерево и Брахак с его сединами и мудрым взглядом были во сне.

— Да-да, стандартное жилье, — сказал Володя, перехватив его взгляд. — Доброе утро.

Он уже сидел с записной книжкой и карандашом.

— Доброе... Пишешь, значит?

— Дневник вчера не заполнял. Не знаешь, сколько мы вчера проехали?

— Километров шестьдесят, — предположил Колька и попытался протиснуть руку между листьями стены.

Его тянуло повторять все, что он делал вчера утром. Но сегодня снаружи не было гепарда, и поляна выглядела по-иному. Деревья низкорослые, с кудрявыми кронами. Одно дерево цвело сумасшедшим алым цветом. Когда Колька высунулся наружу, донеслась далекая грустная музыка.

— М-да... Знаешь, что я вчера видел? Дерево-радиостанцию.

— Обожаю домыслы, — отозвался Володя. — Ты лучше посмотри, как ков зоопарк!

Под лежанкой листья были относительно рыхлыми — Володя раздвинул их и показал Кольке внутренний войлокообразный слой — синие нити, вроде водорослей. Этот войлок был сплошь покрыт крупными бледными муравьями. В их гуще сидели, как начальники, лупоглазые крапчатые лягушки. Одна не успела спрятаться и вытаращилась на свет, растопырив пальцы с круглыми присосками. Почему-то муравьи не трогали лягушек. А пониже, у самого пола, проходил туннельчик — на всю длину стены. Стоило заглянуть в него, как с двух сторон выпрыгивали крысы, дерзко взглядывали на людей и скрывались. На полу, под травяным ковром, тоже кипел муравьиный город — действительно, зоопарк!

— Ладно, — сказал наконец Колька. — Нас-то не трогают, переживем... Но дерево-радиостанцию я видел. Тоже кругом в муравьях.

— Видел — описывай.

Колька продиктовал ему о поющем дереве.

— А ты уверен, что пело именно дерево?

— Процентом на девяносто. Послушай, Вовка... Где мы все-таки?

Бурмистров нашел в дневнике страничку, изрисованную формулами, показал:

— Я сегодня рано проснулся, понимаешь... Посчитал на досуге...

— Ну-у, если ты прав, — поразился Колька. — Если ты прав, тогда мы живем!

Володя оперировал с известными формулами соотношения времени в земном пространстве и в СП, но ввел новое исходное предположение: при переходе от одного пространства к другому время стоит на месте, а поэтому энергия не расходуется. Теперь выходило, что запас энергии сохранится в «Криоле» не сутки, как считалось прежде, а четверо суток без малого.

— ...Тогда мы живем! Ага... Ты утверждаешь, что квантовые часы останавливались закономерно? И у нас еще трое суток в запасе? Ну, ты — гигант...

— Сначала проверь как следует. Бери карандаш.

— Очкарь, бумажная душа, — нежно сказал Колька. — Тетрадошки-карандашки.

Володя внимательно смотрел на него, прижимая очки к глазницам: — Я бы не стал принимать это за истину. Умозрительные выводы... — он пожал плечами.

— Послушай, — сказал Колька. — Вчера у нас была альтернатива: или Земля, или мы пропали. Так? Сегодня тройной выбор. Либо Земля, и нам некуда спешить, либо СП, и мы имеем трое суток на обследование...

— Или пропали, — закончил Володя.

— Да. И опять-таки нам некуда торопиться. Главное, что некуда торопиться, и наши шансы теперь составляют два к одному.

Они посидели рядом, плечо к плечу. Ах ты, дружище, думал Колька. Настоящий исследователь, тетрадошки-карандашки... Мы везучие все-таки, могли же влипнуть черт-те во что, а не в этот райский зоопарк. И здорово, что мы не супермены, потому что те сначала стреляют, а потом думают. Хороши бы мы оказались, если бы вчера открыли пальбу по врачам, когда они кормили слепых поросят Рафкиной кровью...

— Ну их всех, — сказал Колька. — Не вешай носа, выберемся.

— Я не вешаю носа. Свисти, пора к Рафаилу.

Явился лохматый охотник, Ахука. Раз-раз, — не слушая возражений, промассировал гостям ноги, еще сведенные после верховой прогулки. Раз-раз — умыл, накормил завтраком. Он был взбудораженный, очень решительный. За едой прокричал: «Та-ан, Та-ан-н!» С дерева съехал орангутанг, заковылял в соседнюю хижину. Вынес и подал хожяину подзорную трубу.

Колька чуть не подавился. Охотник передал ему трубу и взволнованно заморгал лохматыми ресницами.

— Серьезное сооружение, — одобрил Колька.

Объектив был примерно трехдюймовый. Стекла отличной шлифовки, оправы — полированные, серебряные. Тубус твердого дерева, в широкой части обтянут той же кожей, из какой были сделаны плавки. Увеличение... ого! Тридцатка или сороковка, очень приличный инструмент...

— Ваше мнение, товарищ инженер? — спросил Володя. — По-моему, работа неевропейская.

— Работа ручная, корешок. Оправы чеканные, тубусы не вполне круглые...

Колька навел трубу на вершины дальних деревьев. Краем глаза он видел, что Ахука засиял и заулыбался.

— Вовк... Прямо над просекой — еще поющее дерево.

Посмотреть не успели. Из-за кустов, образующих как бы палисадник перед хижинкой, вышел Брахак. Свежий, подбривший, поглаживал круглую седую бородку.

— Теперь начнутся дела, помани мое слово, — сказал Колька.

Дела начались немедленно. Ахука, возбужденно стреляя глазами, что-то рассказал Брахаку, — старик выслушал неодобрительно. Охотник взял у Володи инструмент, поднес к глазам, поработал тубусом. Брахак поднял плечи...

— Показывает, что мы знакомы с оптикой, — определил Володя.

— Угу. А старик темнит. Ох, дорого бы он дал, чтобы от нас избавиться.

Брахак проговорил длинную фразу, развел руками, сел. Ахука посмотрел на него с мрачным торжеством и вызвал Тараса Бульбу. Пока обезьяна подтаскивала — в три захода — овалы для рисования, мелки и мокрую губку, парни посоветались, и Николай попросил:

— Рафаи, Рафаи!

Ахука схватил мелок, нарисовал спящего Рафаила и над ним — Солнце, чуть приподнявшееся над горизонтом. Рядом второй рисунок, на котором Рафаил сидит, и тут же Володя разговаривает с Ахукой.

* Продолжение. Начало — в номере 1.

У всех троих заинтересованный и глубокомысленный вид, а время, судя по Солнцу, — несколько после полудня. Рисунки были артистические. Володя сказал:

— Прекрасно рисует! Показывает, что Рафа до полудня не проснется.

— Нет, он чего-то еще добивается...

Ахука досадливо сморщился, подумал, тронул Володины очки, потом прикоснулся к пистолету, потом, совершенно неожиданно, к красному жуку на груди Брахака. Показал своего, голубого, и изобразил удивление — почему, мол, красный? У меня — голубой... Спросил что-то у Брахака. Тот с неохотой показал: не понимаю. А-а! Показывают, что для них многое непонятно! — догадался Колька. Но это ведь само собой разумеется... Чего он хочет, охотник?

Ахука сказал: «Каопу!» и прикоснулся к голове. «Каопу, каопу», — подтвердил Брахака. «Ни-и!» — Ахука похлопал себя по руке, а Брахака повторил. Так они назвали еще дерево, обезьяну, крысу... Колька успел запомнить кое-что, но первым понял хозяев Володя:

— Это по твоей части, Колуня. Предлагают изучить язык.

— За два-то дня? — горько откликнулся Николай.

— Если мы сумеем уйти через два дня.

— Типун тебе на язык! Сейчас я им нарисую...

Он торопливо изобразил два круга Солнца и баросферу — его поняли. Брахака сразу оживился. Честное слово, он хотел поскорее спровадить пришельцев, что за притча такая! Ахука, напротив, помрачнел и нарисовал совсем уже невероятную сценку. Нарисовал себя, Володю и Николая за разговором — ошибки не могло быть. У каждого изо рта выходило облачко, как рисуют в комиксах.

...Брахака был любезен дипломатически. Ахука сверкал раскаленными очами и еще раз, и еще и еще показывал, что сегодня гости сумеют разговаривать! И Колька поверил и сказал почти благоговейно:

— Вовк, а они могут. Пойдем?

— Собственно, мы ничем не рискуем...

— Пошли! — провозгласил Колька. — Почтеннейшая публика, чудеса продолжают.

Глава 5.

Их повели не по просеке, а вроде бы задами, по извилистой аллее между зелеными куполами хижин. Очень тих был этот город. Шуршали шаги редких прохожих, неизвестно откуда доносилась струнная музыка, да покашливали сверху обезьяны. То и дело попадались узкие, чистые ручейки с травянистым руслом. В них проплывали животные, похожие на бобров. В одном ручье паслась маленькая антилопа.

Встречные люди были все на одно лицо — крупные, красивые, в стандартных плавках. Прохожие не выказывали особого любопытства и деликатно отводили глаза после беглого взгляда. Колька крикнул. Он думал — толпой побегут, будут пальцами тыкать: гляди, рыжий!

Тут же и Володя зашептал:

— Как вышколены, а? Я себя чувствую неотесанным провинциалом.

— Наше дело исследовательское, — сказал Николай. — Смотри себе, не стесняйся.

...Ахука показал вперед — пришли. Дома кончились. Открылась огромная поляна — холм, покрытый плюшевой травой. С вершины холма вздымался гранитный ствол «поющего дерева», массивный, как обелиск. Ниже по склону, редким ожерельем, его окружали деревья с чешуйчатыми, мохнатыми, красно-бурыми стволами. Их перистые листья перекрывали всю поляну, как колоссальный тент, а могучие доски корней были разукрашены яркими цветными картинками, другие картины лежали прямо в траве, и было это так здорово, что Колька задохнулся. Дымчатый золотистый воздух висел между деревьями.

Поднимаясь к вершине холма, он старался быть внимательным и спокойным. Старался смотреть и запоминать. Здесь было много людей. Некоторые рисовали, обратив к ним лица с характерным замкнутым выражением, — вскидывали темные, с голубыми белками глаза и опять опускали к рисунку. Группы в пять-семь человек сосредоточенно разговаривали. К одной компании обезьяна подтащила гроздь бананов. Чуть подалее грохотали струны — человек сидел и играл на басовом инструменте, сверкая бритым блестящим черепом. Слушатели кивали, раскачивались в такт. Одна женщина лежала в траве, подперев щеки ладонями.

На вершине холма чернел вход в пещеру — узкая, высокая арка. Здесь трава была выбита до земли. Рядом с входом сидел охотник в форме — нагрудник, шорты, шапочка, — и при нем угрюмая обезьяна с дубиной... Колька поехал. Вдруг стало неуютно. Несколько минут они простояли у входа, под бухающие, глубинные удары огромного инструмента — бритоголовый все играл и играл, раскачиваясь: «Баба-бам-м... ба-ба, ба-ба-бам-м... ба-ба...»

Из пещеры вышел белый человек.

— Все-таки Земля, — быстро сказал Николай.

— Заговори с ним.

Белокожий человек прикрывал глаза старческой узловатой ладонью. За его спиной стояли двое коричневых с решительными лицами.

— Ду у спик инглиш? — отчетливо прозвучало на поляне. — Парлата иль испаньола?

Вместо ответа старик поклонился, сделал приглашающий жест и бочком, как краб в глубину, скрылся в пещеру.

Ахука выскочил вперед и повторил жест белого.

Парни переглянулись и пошли за ним в темноту.

Пещера оказалась освещенной. Едва привыкли глаза, как стали различаться стены узкого туннеля. Фигуры людей и полоса дороги были, как водой, облиты слабым зеленым светом. По отлогому спуску люди плыли вниз, погруженные в этот странный свет, и впереди

открылась ярко-оранжевая арка, и в нее по-рыбьи бесшумно нырнул старик с сопровождающими.

— Отличный кондиционер, воздух сухой и чистый, — донесся до Кольки голос Бурмистрова.

Передние исчезли за оранжевой аркой, поворачивая направо.

Акустический фокус. За поворотом тишина сменилась гулом хора напевке. Длинный прямой туннель, по всей длине сидят люди. Поют. Слева — то же самое. Насколько хватает глаз, бесконечным рядом, сидят голые люди на пятках, поют.

...Таким было первое впечатление: длиннейший оранжевый туннель с низким круглым сводом и такой же длинный ряд людей, сидящих с очень прямыми спинами перед невысоким парапетом. Потом они увидели. За парапетом, в каменном желобе покоился гигантский членистый червь. Тысяча или больше метровых оранжевых бугроватых шаров, соединенных в бесконечную, монотонную цепь. Слипшихся боками. Нависающих над парапетом. Уходящих далеко, в оранжевую мглу.

Старец выбросил руку, показывая на ближний шар. Провозгласил: «Нарана! Нарана!»

Сквозь хор человеческих голосов прорывались невыносимо визгливые, не людские, почти ультразвуковые вскрики. От режущего запаха подступал кашель.

Это было совершенно ни на что не похоже.

...Николай вырвался из оцепенения, шагнул вперед, вплотную к парапету. На уровне его глаз была бесконечная волнистая череда визжащих шаров. Они лежали, на треть погруженные в оранжевую густую жидкость, кисель, трепыхавшийся мелкими волнами.

Володя придерживал очки двумя руками и старался быть любознательным:

— Увеличенная модификация существ-анализаторов, я полагаю?

— Они, голубчики, — пробурчал Колька. — Существа...

Режущий формалиновый дух, розоватые, мясистые тела в редких черных волосках, мерзкие ротки-щелки. Чавкают, слившись боками. Белые муравьи, просвечивая оранжевым, суетятся на бугристых телах — облизывают...

— Логическое завершение, — бормотал Володя. — Живая магнитофонная станция.

— Ну, ты держись, в общем, — ответил Колька. — Вперед, разведчики, во имя Науки...

Ахука смотрел на них, сочувственно выставив бороду. Старец вернул и делал неловкие приглашающие движения. Колька сказал: — Веди, веди, старый краб!

Шар, около которого они стояли, ответил внезапным визгом: «О-и-и!» Это было ужасно, в сущности. Неподвижная безглазая глыба говорила, пошевеливая впадиной-воронкой... Старец тут же подскочил и глухим басом, с оттенком подобострастия пропел что-то. Воронка умолкла.

— Нарана, нарана! — экзальтированно повторил старец.

Пошли, пробираясь по узкому проходу за спинами людей. Они сидели на пятках. Переключались с этим, тихо, протяжно распевая гласные, а это визжало, отвечая. У людей были сосредоточенные, усталые лица, а туннель все тянулся и тянулся, показывая впереди ряды голых выпрямленных спин с тенями между лопатками. Володя вслух считал шары, потом сбился и бросил. Некоторые были побольше, другие — поменьше. В нескольких местах за этим, сгибаясь под сводом, ходили люди. По одному, наклонившись, осторожно переставляя ноги. Что-то делали там, сзади, невидимое...

Пришли в тупик, к глухой стене. От двух крайних мест поднялись грустные парни, поклонились, поднеся руки к груди. У них были жуки, нового цвета, фиолетовые.

Бледный старец сказал несколько слов, один парень подошел к Кольке, второй — к Бурмистрову. Пригласили сесть в метре друг от друга. Володя, торжественно-бледный, перед своим шаром, Колька — перед своим. Край желоба закрыл чавкающие ротки, перед самым лицом оказалась оранжевая тьма воронки.

— Ие... — пропел парень с фиолетовым жуком.

Колька догадался повторить звук.

— У-у...

Повторил и это.

— А-а...

Пожалуйста... Как в музклассе, пой себе «ре» третьей октавы. Сольфеджио.

Учитель быстро запел, обращаясь к этому. Воронка шевельнулась, ответила тонким визгом: «И-и-и-ае-е», в разных тонах. Колька почувствовал — от него ждут, чтобы он поговорил на своем языке. Он посмотрел на учителя. Тот кивнул, заламывая густые брови.

— Ну, что я вам скажу... Жила-была курочка... то есть баба. Была, понимаете, у нее эта — курочка Ряба. Ну что, хватит?

Воронка опять запела — длинно, грустно, замедленно, как пастьуха жалейка. Учитель выслушал ее и произнес: «Каопу», Николай повторил сразу правильно, подмигнув Ахуке. Тот медленно улыбнулся. Старец закивал, восторженно сжимая руки.

— Каопу, — повторил учитель и пропел два звука: «у-о», первое в «до», второе в «ми». Колька тоже повторил и пропел. Вот как — предмет можно обозначить и словом, и пением без слов.

«Э, нет — эта штука посложней магнитофона, Бурмистров!» — легко подумал он, и в этот самый момент с ним случилось нечто, чего он никогда потом не мог объяснить и понять. Слова полились рекой в его мозг. Воронка их выпевала, учитель произносил, а он впитывал — все легче и легче, с наслаждением легкости и удачи. Слово влетает, как ласточка в гнездо, и ложится на место, как кирпич в стену, голова приятно согревается, и так весело, хорошо на сердце! Он чувствовал, что дважды повторять не надо, запомнит и с одного раза, и учитель перестал повторять слова, и началась группа абстракций —

«знать, запоминать, верить, изучать, действовать, соотноситься» — в бешеном, нарастающем темпе... Но он был и сам не промах, о учителя, Николай Карпов брал английский по кембриджской программе! Он даже успевал оценивать их методику, успевал гордиться собою и отвечал Воспитателю все более сложными фразами. Потом он перестал ощущать себя, а слова, летящие из оранжевой воронки, четырехзвучные-четырёхнотные слова, стали видимыми. Они выплывали из воронки, как оранжевые многорельефные фигуры. Другие были серебристыми, переливались радужной пленкой. Форма их и мера были геометрически-совершенными, причем буквам соответствовала горизонтальная плоскость, а тону и продолжительности звука — две вертикальные, и эта чудесная геометрия озвучивалась голосом Воспитателя, повторявшим слова на раджана. Но голос отставал от мягкого лета фигурок. Они говорили свое, и оказывалось, что мир также устроен геометрически-совершенно, стоит лишь понять сущность и выразить ее символами. Жизнь, обладание, смерть, рождение, счастье? Не более чем звуки! Четырехмерные звуки, вечно изменчивая вибрация времени...

— Потешно! — расхохотался он. — Ты разве не сущностна, разве ты — четырехмерный звук? Как мне называть тебя?

— Нарана, — был ответ, что означало «Великая Память».

Он больше не смеялся. Было счастье: слушать молча и запоминать. Ибо высшее счастье — не в действии, но в памяти, и в ней же истина. В памяти — истина.

— Погоди, — взмолился он. — Я не могу без действия!

— Слушать и мыслить... — сказала Нарана, и вдруг его схватили за плечи.

Голос извне приказал:

— Поблагодари Нарану и Воспитателя! И встань!

Он улыбался. Пропел, улыбаясь: «Пришелец без касты благодарит и уходит». Кровь, горячая, как неразведенный спирт, отливала от мозга.

— Встань, встань! — твердил голос Ахуки.

Он со счастливой улыбкой посмотрел на них: Ахука и Брахак. Их лица были неподвижны — серые каменные маски. Он воскликнул:

— Хорошо ли я владею речью, друг Брахак и друг Ахука?

Они воткнулись в него глазами, — да что с ними?

— Что тревожит тебя, друг Ахука?

Краска стала возвращаться на лицо охотника, Брахак сделал успокоительный жест. Старец, Хранитель Великой Памяти, покачал головой и засемилил к выходу. Он вовсе не был светлокожим — выцвел в подземелье.

Медленно, с тем же сверлящим взглядом, Брахак выговорил:

— Как твое имя?

— Ко-ля, ты ведь знаешь, друг Брахак! — и по-русски: — Володь, да посмотри на меня! Они же меня не узнают!

Сейчас же к нему присунулось лицо Бурмистрова:

— Вернись... Почему не узнают? Все в порядке...

Ахука засмеялся коротким, невеселым смехом.

— Не-ет, внешностью ты не переменялся, пришелец... Вставай же, я тебе помогу. — Взял за плечи, поддержал. — Обошлось, во имя Равновесия...

Колька не спросил, что обошлось. Он охнул, нестерпимые мурашки бежали по ногам, кололи иглами. Разминаясь, постанывая, взглянул на часы. Шестнадцать ноль пять?! А тогда было десять без минут — просидели шесть часов! Как миг единый...

— Идите за мной, поспешайте, — приказал Ахука.

Подгонять не приходилось — двадцать часов они не видели Рафаила, и стал заметен гнет подземелья, пригнал головы. Душно, тяжело... Мимо поющих, визжащих, шевелящихся оранжевых глыб, мимо неподвижных людей, скорее на волю... Но что за чудище, — думал Колька, — это же гигант немыслимый, не зря они его боятся... показалось им, что со мной беда. Рисковали, значит. Игра того стоила, ай да Великая Память!

Вдруг остановка. От Уха Памяти поднялся человек и загородил им дорогу. Длинный, ясноглазый; костлявые плечи подняты.

— Ахука, — проговорил костлявый, — надо ждать беды.

— Пропусти, мы торопимся.

— Наблюдающий небо, остерегись!

— Остерегись ты, Потерявший имя! — Ахука, как зверь, оглянувшись, увидел нагоняющего Брахака и рывком обошел незнакомца. Тот грустно улыбался, и Колька постарался запомнить его тощую фигуру. «Чудак печальный и опасный», как сказал Пушкин, — возьмем его на заметку.

Наверху было жарко. На холме играли другие музыканты, и слушатели были другие. Брахак, сжав губы в линейку, отозвал Ахуку. Их разговор был тих и краток, но кое-что удалось подслушать.

Брахак советовал охотнику оставить пришельцев в покое. Особенно этой ночью... Высказался и вернулся в подземелье, — мрачно, не попрощавшись. Ахука же ринулся с холма, в беспощадном темпе привел гостей к лечилищу и выговорил одним дыханием: «Я произношу важное. Без меня лечилища не покидайте — я вернусь до заката». С дерева съехал орангутанг, держа под лапой колчан, лук и другое снаряжение, и Ахука исчез.

Володя посмотрел ему вслед и нырнул в лечилище.

Колька еще немного постоял на поляне, жмурясь от головной боли и соображая. Вот они узнали язык, и по логике должно стать легче, а стало непонятно и тягостно. Главное — непонятно, и поговорить не с кем. Плохо, плохо...

Он чувствовал — дело оборачивается очень плохо.

У МЕНЯ ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ

Рис. К. ОСТОЛЬСКОГО

Глава 6*

Рафаил лежал розовый, бритый. Спал, пошвыстывая вздернутым властным носом. Хоть здесь все спокойно... Колька рухнул на лежанку, взялся за виски.

— Бурмистров, болит голова?

— От голода, по-моему, а здесь пусто.

...«Ие-и-о», — провизжали голоса, завертели оранжевые пятна. Кудрявая девушка протянула ему сверток, вроде блинчика с мясом. Колька пробормотал: «Прохладного полудня...»

— Прими это и съешь. Это бахуш.

В свертке были сушеные белые черви, какие попадаются в яблоках, но крупные, парафиновые, — гадость.

— Оч-чень вкусно, похоже на снетки, — сказал Володя. — Ешь, ешь! Это не черви, — он хрустел «бахушем» вовсю.

— Ну, другая гадость, — Николай нерешительно попробовал и вдруг набросился на хрустящие соленые штуки, как собака весной на траву — с бессознательной жадностью. Голова пошла проясняться, спадала боль.

Кудрявая прибежала, принесла кульком свернутый лист с кучей плодов. Колька, морщась от уходящей боли, смотрел, как она бежит. Потрясающая эстетика движений... Ох, что за аппетит, чертовщина! Они ели так, что треск стоял кругом, — охмелели и развеселились.

Володя проговорил:

— Сиги. Необыкновенно вкусны с белым столовым вином, смотри номер 1250...

Колька захохотал, брызнув оранжевой плодовой мякотью.

— Это сиги, а снетки?

— «Привозятся в Петербург только морожеными. Это — самая мелкая рыба...» И дальше: «их совсем не потрошат, промыв только, как можно лучше, осушить на салфетке».

— Ох-ха-ха! — захохотал Колька. — Отлично! «К каждой книге приложен следующий мой штемпель!»

Хорошо! Будто они сидели в уютной кухне Клавдии Ивановны, Володькиной матери, и он, забавляясь, цитировал на память целые страницы из книги «Подарок молодому хозяйку, или Средство к уменьшению расходов» — толстый золоченый корешок красовался на полке, рядом с эмалевыми вместилищами для круп...

Девушка наблюдала за ними внимательно.

— Ну, посмеялся, и к делу. Задаем вопросы, Вовк? Х-м... — Он заговорил на раджана, слушая свой голос: — Прохладного полудня тебе... — Ничего, получалось на раджана. — Мы не знаем твоего имени.

— Наной мое имя. И вам прохладного полудня.

«Наной — рыжая белка», — перевел Николай. — Подходящее имя.

— Скажи, Наной, кто, из какой касты, поможет нам, сопроводив нас к Железной дыне? Мы хотим отправиться туда с возможной успешностью.

Она посмотрела еще внимательней.

— О, да ты воистину Адвеста... Тебе ведомы касты?

Он покраснел. «Адвеста» — шустрый, ловкий. Прилепили кличку! Но, действительно, названия каст сами поднялись из памяти: Управляющие Равновесием, Воспитатели, Врачи, Наблюдающие небо, Художники, Певцы, Кузнецы... Он повторил их по-русски, Володя поспешно чиркал карандашом, записывая. Почему-то Володя ничего не знал о кастах — странно... Наной с интересом поглядывала на бумагу. Потрогала тонким пальцем обложку и сказала:

— О вас печется Брахака, Управляющий, и Ахука, Наблюдающий небо. Жара спадет через одгу дюжинную, и, взяв птиц, они вас сопроводят.

Колька решил, что «взять птиц» — технический термин, вроде нашего «поехать на Красной стреле».

— Ты, Врач, Наной, — девушка кивнула. — Позволишь ли ты теперь везти Раф-фаил к Железной дыне? Далекий и трудный путь.

— Он здоров, — послышался тихий ответ. — У Железной дыни я дам ему бахуш последний раз.

— Мое лицо обращено к тебе, как к звезде восхода, — он неуверенно выговорил формулу наибольшей благодарности. — Рафаил совсем, совсем здоров?

— Совсем, совсем, совсем! — Она сердито отвернулась.

Колька пожал плечами. Володя сказал:

— Посмотри, у Рафы и лицо стало розовое... Невероятно! — Счастливо улыбаясь, он перелистывал дневник. — Я подготовил вопросник.

Володя читал свои заметки, Колька переводил. Наной отвечала. Народ именуется Раджана, как и язык (пение у Памяти называется «на-рана-на»). Городов, точнее, поселений имеется дюжина, приблизительно. Доподлинно это известно Наранам... На вопрос, едят ли здесь мясо, ответ был кратким, с оттенком безразличия — не едят.

Это походило на Индию, и Колька поблагодарился, но дальше следовало спросить: кто ваши боги? Слова «бог» и любого другого, аналогичного понятия в словаре не оказалось. Религия, вера, культ, поклонение — глупо... Колька с досадой покряхтел. В языке не было даже глагола «верить».

— Кто создал людей? — нашелся Бурмистров.

Ответ был странный: «Людей создало Равновесие».

— Кто создал Равновесие, Врач Наной?

— Раджаны, — ответила девушка с явным удивлением.

— М-да, — сказал Володя, — кольцовка... Спроси-ка, кто создал касты?

По-видимому, девушка теряла терпение. Ответом был вопрос:

— Разве в вашем Равновесии все Головастые делают одно?

Очень кстати разговор прервался. Опрокинулась корзинка, и на траву вывалился «нардик» — розовый клубок, — с писком пополз, тарачась мокрым глазом посреди спицы...

— Вовка, слушай... Они поклоняются этим вот и Наранам! В них все дело, я точно говорю, давай о них выяснивать, а?

Но у Бурмистрова были свои соображения.

— Кто создал землю, животных, растения? — спросил он.

Ответ был туманный: «Предежащие Равновесия». Отвечая, Наной смотрела на Кольку — длинными, мохнатыми, мрачными глазами — так, что становилось жутко. Взгляд из-под высокого выпуклого лба, коричнево-красный рот, — она была чуждо, дико, непонятно красива, и Колька сказал по-русски:

— Эй, ты бы не смотрела так, а?

— Говори со мной по-нашему, Адвеста...

Володя быстро спросил:

— Какое расстояние от северной до южной границы Равновесия?

— Дюжина, шестикратно помноженная, шагов.

Колька понял, что «шестикратно помноженная» означает шестую степень.

— ...Степени, три миллиона шагов, примерно две тысячи километров, — записывал Володя. — М-да, обширный район, не спрячешь... Ты понял, что Равновесием они называют страну?

— Которая создала людей, землю и животных... Путаемся мы в синонимах, Володя.

Наной вдруг исчезла, как тень. Без шороха, Нардик пищал в своей корзинке. Прежде им было невдомек — посмотреть и разобратся, что она вовсе не плетена. Это был лист — цельный, выросший заодно с крышкой. И стол, на котором лежал Рафаил, успел с вечера вращи в новый цоколь — следы среза почти заровнялись...

— Ну что — Земля? — спросил Володя.

Колька махнул рукой.

Наной вернулась, опять раздала «бахуш». Колька спросил, что за твари? Она ответила: «Белые муравьи». Володя сказал, что белыми муравьями обычно называют термитов, которые с муравьями не стоят в родстве.

— Спрашиваем дальше, Николай... а, вот что. Прежде они видели

* Продолжение. Начало см. в №№ 1 и 2.

белокожих людей, огнестрельное оружие, тканую одежду?

Ответ был категорический: не видели. Ни людей, ни таких железных предметов, ни громохочущих предметов, ни одежды из тончайших лиан. Нет. Никто никогда не упоминал, и в песнях не пел, нет. Следующий вопрос был о Наране.

— Нанои, мы хотим понять... — начал Колька.

Она перебила:

— Ты называй меня «Мин», Адвеста.

— Другое имя твоё?

— Другое, Адвеста. Для прангама.

Это переводилось: «тот, кого я жажду».

Володя кашлянул деликатно. Колька сидел багровый, тербил борода, как идиот. Он был вовсе не робок, но эта высокомерная простота накладывалась на непонятность всего происходящего. Слишком много непонятного, и все выпадало из привычных схем, подчинялось чужим алгоритмам, и даже в любви здесь объяснялись не по-нашему, и Колька понимал, что Нанои совсем не дикарка и не распущенная баба — просто здесь все по-другому.

Так он и сидел, тупо глядя в траву. В специальную траву, заменяющую паркет, кафель, линолеум — что бывает еще? Пластик. Он вдруг понял, что никакой он не ученый, и никогда не станет настоящим ученым. Он дикарь и трус. Вот почему у него навязчивая идея — скорей к баросфере, скорей домой. Ибо главная заповедь дикаря — «бойся непонятного». Вот он и боится.

Так или не так, получалась совершенная нелепость. Нанои смогла его полюбить, следовательно, она — земная женщина, и, следовательно, здесь Земля. Он усмехнулся, все еще глядя в траву. Ничего себе — аргументация!

Володя напомнил:

— Следующий вопрос о Наране.

— Да, расскажи нам о Наране, — сказал Колька.

— Что рассказывать тебе?

— Все, что можешь. Мы... — Он все еще говорил с трудом, — мы ничего не знаем... о Наране. У нас подобного нет.

Нанои вскинула руки и стремительно, крылатыми пальцами ощупала его голову. От нее пахло анисом и еще чем-то чудесным. Потом она всплеснула руками и пролетела с безмерным удивлением:

— Почему же вы Головастые, а не Пожиратели крыс? Почему вы — люди?!

— Нанои, Нанои!.. — позвали снаружи, от входа.

Глава 7.

Ахука был Наблюдающий небо. Минуло три лунных месяца с той ночи, когда Великая Память приказала ему стать Охотником. Он повиновался с готовностью — Врач Дэви предупреждала его, и он сам чувствовал, как сжигает его мозг бессильная ярость. Иногда в пещере Наблюдающих небо он поднимал голову и грозил Звезде оскаленными зубами, как волк. Да, он пошел в Охотники от бессилия, но уже с некоей мыслью, которая развилась в нем за эти три лунных месяца.

Прежде он думал, что Нараны подыскивают каждому подходящую дорогу.

Теперь он знал, что люди безразличны Наранам, как муравьи, бегающие у подножья дерева. Кому-то из них должно направиться за добычей, и выбор падает на самых суетливых.

Три луны назад Великие начали посылать людей на Границы. Одним из тысяч был Ахука, Наблюдающий небо. Он расстался с Дэви, расстался с местом в пещере Наблюдающих и с привычкой проводить рассветные часы перед Ухом Памяти. Но приобрел нечто другое. Возможно, более ценное.

Он понял, что может соперничать с Великими, — события последних месяцев он предсказал загодя, за две луны до их начала.

Семь месяцев назад в полночной части небосклона вспыхнула Звезда. Она вставала каждый вечер, прежде чем заходило солнце, и, мерцая, поднималась высоко, чтобы вспыхнуть с наступлением темноты невиданным, прозрачным, голубым светом, залить им дороги, вершины спящих деревьев, гнезда рабочих обезьян под широкими листьями. Звезда прокатывалась над плоскогорьем и садилась за Рагангой. Пять месяцев назад ее увидели все. Но прежде ее заметили Наблюдающие небо, те, что работали в обсерватории Высочайших гор. Они передали весть по гониям, и Ахука в следующую же ночь улетел туда, за полуночную Границу, в царство холода и света. Далеко за границей обитания простиралась горы, уступами вверх, и еще вверх, и небо здесь было бледно-голубым, как свет новой звезды. Наблюдающие небо жили в пещерах, отвоєванных у малоголовых, поддерживали огонь, как дикари, и закрывали тело звериными шкурами. И здесь Ахука впервые кое-что понял. Здесь, где ближайшая Великая Память отстояла на четыре часа полета и связь с ней по гониям была сложным и затруднительным занятием; где не было служающих животных, и не было животных-строителей, и сотни разновидностей плодоносящих деревьев, и полусотни растений, создающих удобства. Где Наблюдающие небо сами шифо-

вали для себя стекла, а Охотники несли охрану без гепардов, обезьян и птиц... да, здесь Ахука кое-что понял.

Прежде всего он понял, что далеко за Границей обитания тоже можно жить — мерзнуть, страдать от однообразной пищи, но жить более плодотворно, чем там, в полуденной стране. По ночам к пещере обсерватории подкрадывались снежные барсы, и дежурные Охотники поражали их тяжелыми стрелами, а Наблюдающие небо не отрывались от своих труб, направленных на новую звезду, беседовали и спорили. И ничего не сообщали Наране об этих спорах. Предмет их был удивителен — Наблюдающие небо спорили о природе звезд!

Было установлено: звезды на Равновесие не влияют. Их лучи слишком слабы, чтобы исказить течение Равновесия. Тонкие опыты с нардиками подтверждали это — ни один нардик не отклонился в своем развитии под светом звезд. А под лучами Солнца нардики изменились буйно и разнообразно, каждая разновидность на свой лад. По изменению десятка разновидностей можно было составить полную картину того, как Солнце в настоящую секунду влияет на Равновесие. Еще в воспитальнице Ахука узнал, что первые опыты с нардиками делал тысячу лет назад Киргахан, великий ученый. В период больших солнечных пятен Киргахан вынес на свет нардика из разновидности «круглая ящерица». Нардик прозрел, пролежав полчаса под лучами великого светила.

Киргахан считался первым Наблюдающим небо — первым «голубым жуком». И поныне все Наблюдающие небо работали с нардиками. Тысячи безглазых в разные часы дня и ночи извлекались из пещер Нараны, их матери, и урча и попискивая, взбирали в себя лучи. Некоторые разновидности начинали расти, другие оставались неизменными или погибали. И в том, как они росли и за какое время умирали, был глубокий смысл. Тысячи слов непрерывно сообщались Великой Памяти учеными: об открывшемся глазке, об отросшем когте, о каждом орехе, съеденном каждым нардиком. В двухстах поселениях, пятьюдесятью тысячами ушей, выделенных для Ученых Равновесия, Великая память вслушивала эти речи и связывала их с другим потоком сведений. О цветении деревьев и о слонятах в питомниках. И о том, сколько белок, носорогов и нетопырей пересекло Границу. В каком округе появились жгучие мухи. Хорошо ли слышно по гониям. Сколько стариков пришло к Врачам и попросило смерти. В каком возрасте были умершие случайно, и сколько их было. Началась ли любовная игра у гепардов. В избытке ли пища у домашних обезьян. Охотно ли работают Художники, и на чем они рисуют сегодня — на листьях ниу или на скалах. Сколько крокодилов осмелось подняться к левому берегу Раганги у излучины, что рядом с большим словесным питомником.

В этом потоке сведений нардики составляли самую важную часть, ибо Солнце влияло на все Равновесие. Каждая вспышка вызывала бесчисленные последствия, которые сами становились причинами. Первопричиной великого нашествия крии было Солнце. Тогда Граница была прорвана, и добрая треть Равновесия осталась изгаженной и опустошенной...

Солнце давало благо, и Солнце приносило беды, но за тысячу лет Наблюдающие небо не заметили, чтобы лучи от неподвижных звезд влияли на Равновесие.

Звезды безопасны. Поэтому звезды не следует наблюдать — это бесполезно для Равновесия. Поэтому звезды нельзя изучать — бесполезное вредно для Равновесия! Наблюдающие небо должны изучать Солнце. Только Солнце, во имя великого Равновесия! Так считали Нараны. И в этом Ахука усомнился уже шесть месяцев назад, под бледным небом и под буранами полуночных гор.

...Он поежился, вспомнив о буранах. Как трудно было на морозе затягивать чехлами инструменты, — любой Кузнец сказал бы, что в этих инструментах слишком много меди и серебра, что инструменты еретические...

Ахука, Наблюдающий небо, лежал в развилке древесного ствола над перекрестием трех дорог, ведущих к лечилищу. Он ждал своих друзей, Наблюдающих небо, чтобы отвезти пришельцев к Старым Кузницам — если пришельцы согласятся. Великие дела замыслил Ахука... Но Земля уже отвернулась от Солнца, а друзья не шли. Привычным взглядом он отыскал яркую звезду. Сейчас она снова стала обычной яркой звездой, но дело было сделано. Равновесие погибало, сраженное ее светом. Погибало! Равновесие — это дети в воспитальницах, и не больше трех детей на одного Воспитателя. Это Врачи — один на восемь человек. Услужившие животные, животные-строители, птицы, гонии, боевые обезьяны, быстроходные слоны и лошади. И Нараны...

Утишась и успокоився, Ахука. Твои дети еще не увидят гибели Равновесия.

— Не все ли мне равно? — спросил Ахука самого себя. — Мои дети? Я их не видел. Они растут в воспитальницах.

Теперь он сомневался во всем. Так ли необходимо, чтобы все дети росли вдалеке от родительских глаз? Пятью месяцами раньше

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

он считал такой порядок разумным и неизбежным. Воспитатели должны воспитывать, а Наблюдающие небо — смотреть в трубы, изготовленные Кузнецами, и облучать нардики, выращенных Хранителями Памяти, и общаться по гониям, и есть плоды, и пользоваться дюжинами дюжин благ, даваемых Управляющими Равновесия. Каждому человеку — свое дело. Тогда почему твой голубой жук, Ахука, постукивает по поясу Охотника?

Равновесие рушилось.

По совету Нараны Ахука стал Охотником.

Он усмехнулся, лежа на гладком, толстом суку. В недобрый час Нарана послала его к Охотнику Джаванару. Теперь он умеет подстергать и хитрить, обучать собак и боевых обезьян. Он повед глазами к большому ручью, журчащему перед крайним домом лечилища. Над водой притаился Тан, его гордость — боевая обезьяна, приученная к услужению. Три собаки лежат веером в траве перед домом Раф-фай. Ждут. А пришельцы ничего не знают, и он забыл дать им бахуша, но там — Врач Наной, она позаботится о пришельцах. Кудрявая Наной, она стала Врачом при Охотниках сразу после воспиталища. Она выбрала рыжебородого пришельца Колия, и это хорошо. Да, пришельцы... Другой мир! В одном их летучем доме больше железа, чем все Кузнецы перерабатывают за год... воплощенная ересь, бессмыслица, имеющая для пришельцев глубокий смысл.

Он почувствовал радость при мысли, что первым оценил пришельцев по достоинству. Они — Большоголовые, хотя каждый знает, что Живые науки развили человеческий мозг, а железо и прочие рукоделья уничтожительно влияют на Живые науки.

Но, может быть, палочки из меди и железа, хранящиеся в железной игрушке Адвесты, — семена? И пришельцы в своих мертвых рукодельных Науках добились такого совершенства, что сеют железо семенами? Это меняет дело. Это изменило бы дело, если бы было возможно, поправился Ахука, зная, что это невозможно. Солнце не даст прохлады, железо не даст побега.

Железо не дает побегов, не выращивает пищи... И, может быть, он совершает губительную ошибку, пытаясь повернуть Равновесие. Научившись сомнению, он стал сомневаться и в себе.

Врачи говорят: «Носящий в себе Раздвоение должен оставаться цельным, как плод». Сейчас Ахука мучительно ощутил Раздвоение и поспешил достать припасенный бахуш-ора. Мозг Ахуки яростно спорил сам с собою: «Он действует для блага Равновесия!» — кричал Ахука-Охотник. «Хитроумный, так же полагает и Нарана, якобы действуя для блага Равновесия!» — насмешливо отвечал Ахука-мыслитель.

Он сжал зубы, терпел. Наконец подействовал бахуш-ора.

Он снова Охотник. Он лежит на дынном дереве, следит за тремя дорогами и слушает дыхание гепарда. Зеленоватый свет проникает сквозь листья домов, светится желтым трава на дорогах, прохожие скользят по полосам света, беспечно улыбаются друг другу. Так он прождал еще часть дюжинной и понял, что далее ждать бессмысленно — его друзья не придут, и пришельцы не останутся в Равновесии. «Этого тебе не удалось предвидеть, о хитроумный. Слуги Великой сумели задержать твоих друзей», — подумал Ахука и спустился на дорогу. Луна, желтая как дыня, висела над деревьями. Ствол большой гоний — на холме Памяти — рассекал пополам лунный диск...

— Ахука, сын мой, — сказали за его спиной.

Он обернулся и увидел мудрые, воспаленные глаза старого Хранителя Памяти и улыбку, застывшую на его лице.

— Оставь пришельцев. Уходи, сын мой.

— Учитель, а ты с трудом говоришь на раджавана, — сказал Ахука. — Ты отвык говорить с людьми... Значит, такова воля Нараны?

— Таков совет Нараны — оставь пришельцев.

— Нет, — сказал Ахука.

Тогда его схватили зади, связали, поставили у дерева — он онемел от удивления и не пытался сопротивляться. Потом прохрипел: — Поднявшему руку на Большоголового — изгнание!

Он видел, как несколько стрел вонзились в грудь Тана, бросившегося на слуг Памяти. Голос Хранителя проговорил:

— Сын мой, не ставь науки выше Равновесия. Забудь о пришельцах. Их посадят на птиц, и они уйдут. Потом тебя отпустят.

Дрогнула земля. За деревьями, по дороге к лечилищу, шли гигантские нардики — ростом с крии, гигантскую обезьяну. Ахука перестал вырываться из лиан, опутавших его тело. Таких гигантов он никогда не видел. И никто в Равновесии не видел. Быстро распорядилась Великая Память... Бесстрашная, мудрая, великая... Крепко же она испугалась трех жалких пришельцев в Железной дыне...

— Приходи ко мне завтра, Ахука, — сказал старец. — Нарана ценит, что первое предупреждение о Звезде передал ты. Сын мой, не говори с людьми об этом деле, остерегись. Нарана не остановится ни перед чем для спасения Равновесия...

(Продолжение следует.)

У МЕНЯ ДЕВЯТЬ, ЖИЗНЕЙ

Рис. А. АНТОНОВА

TERRA PHANTASIA

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Глава 8*

— Нанои! — звали от входа.

Девушка оттолкнула Кольку и длинным прыжком, как кошка, метнулась на голос.

— Прыжочки, — выдохнул Бурмистров. — Почему мы «головастые», она спрашивала.

— И еще: «Почему мы не крии или не пожиратели крыс». Оудрела совсем!

— А если для них Нарана — нечто само собой разумеющееся, как письменность для нас? Эти Нараны...

— Да, в них что-то есть, — усмехнулся Колька. — Море обаяния! Постой-ка... — За дверью говорили. Он узнал басистый голос Брахака.

— ...Опасно. Я не хочу брать сторону тех или других. Разбуди Раф-фаи, заставь подняться... Повтори утреннее лечение...

— Управляющий, ты боишься?

— Смири свой нрав. Приготовь раненого в дорогу. Теплой полуночи...

Именно в эту секунду Кольку и прихватило ощущение: влип. Бессмысленное такое, но безошибочное. Во что-то он ввязался или вляжется, и будет ему очень нехорошо... Где же этот Ахука, интеллигент чертов? «Приготовь раненого в дорогу...» Хорошо, если к баросфере, а может, и еще кой-куда.

Он бы меньше беспокоился, разгуливая вокруг вооруженная охрана или толпы любопытных, пускай враждебные. Было не то что страшно, а чудно, как во сне. Плохого с тобой не делают, сам куда-то лезешь, и есть одна надежда — проснуться...

Нанои вернулась, смотрит. Он кивнул ей, Володе сказал:

— Ты, значит, посиди, а мы потолкуем.

Подошел, присел на лежанку с нардиками.

— Мин, я слышал голос Брахака. Он говорил об опасности?

Она смотрела на него, зажав руки между коленями.

— Опасно... сопротивляться тем... кто придет за вами... — мысленно переводил он ее слова, — чтобы отвести вас... к Железной дыне.

— Разве мы мешаем кому-либо?

Она покачала головой, не сводя с него глаз, и Колька злобно подумал, что такие глаза надо под паранджой прятать, наглухо, насовсем... Он разозлился — давно было пора. Он должен вернуться, и он вернется, понятно? Спросил четким, официальным тоном:

— Кто желает нам зла?

Она ответила сдержанно:

— Раджаны никому не желают зла, Адвеста. Ученые Равновесия недовольны вашим пришествием.

— Это ваше Равновесие, это... охрана?

Слова «полиция» в языке не было.

— Охраняют Охотники... — Она прищурилась на Кольку, подняла ладонь выразительным движением: сейчас она объяснит именно то, что его интересует. — Они охраняют Равновесие от всего, живущего по ту сторону Границы. С чем не могут справиться наматраны.

*. Продолжение. Начало смотри в №№ 1, 2, 3.

— Наматраны?

— Животные и растения, охраняющие Равновесие на Границе.

«Граница — это мы понимаем», подумал Колька и спросил:

— Но кто такие «ученые Равновесия», Нанои?

— Что значит «граница»? — перебил Володя.

Девушка ответила ему, а не Кольке:

— Граница отделяет Равновесие от диких пространств.

— Вокруг Равновесия дикие пространства? Да? А зачем вы их оставляете? — спрашивал Бурмистров. — Николай, я путаюсь, переведи, пожалуйста...

Да, выходило малопонятное... Раджаны нарочно сохраняли вокруг Равновесия дикий лес, чтобы он вносил беспорядок в это самое Равновесие. Но Володя выслушал перевод, сказал: «Я понял, объясню потом», и спросил:

— Врач Нанои, почему Ученые Равновесия недовольны нашим приходом?

Помедлив она ответила:

— Первая Заповедь Границы: «Случайное полезно, намеренное вредно».

— Не понимаю, — сказал Колька.

— Объясню, не перебивай, — снова предупредил Володя.

— «Намеренное вредно»... Мы, Охотники, намеренно ввели вас в Равновесие, ибо Раф-фаи был ранен, и нарушили первую Заповедь, — девушка всплеснула руками. — О-а, мы должны были прогнать вас, а я не позволила!

— Прогнать? — удивился Колька. — Но мы такие же люди, как и вы! В ваших заповедях нет мудрости, вредно случайное, а не намеренное!

Нанои нерешительно улыбнулась, словно он пошутил не слишком удачно, и потихоньку отошла к Рафаилу. Потом к нардикам. Из стены достала бесхвостого зверька с огромными глазами, перламутровыми, как у стрекозы. Поставила на лежанку. Зверек стоял на четырех тонких лапках, будто неживой.

— Еще один зверь, — буркнул Колька. — Так объяснись, ради бога, а то я сейчас рехнусь.

— Гомеостазис, — сказал Бурмистров. — Под Равновесием подразумевается гомеостазис. Динамическое равновесие, понимаешь? У них люди, животные и растения живут — ну, как это сказать, — в сообществе, да? В гомеостатическом равновесии в общем. Правильно?

— Я остопоп, — сказал Колька. — А ты — гений.

— Ну, сразу уж и гений... Нас учили языку порознь, правильно? Словари у нас получились разные. Перевод понятия «динамическое равновесие» я случайно усвоил как «гомеостазис», а ты — как «равновесие». После я механически записывал, пока ты переводил в своей терминологии. А когда заговорил сам — понял.

— Орел, орел, — с удовольствием сказал Колька.

Некоторое время они молчали. Нанои возилась с нардиками, Володя конспектировал, а Колька думал, переваривая новую информацию.

Значит, гомеостазис: общество, которое находится в динамическом равновесии; человеческое общество вместе с природой. Даже не верится. У нас-то как раз наоборот, вечно хвост вытаскиваем — нос вязнет. И говорим, что текучка заела, о природе подумать некогда. Им легче, конечно, — у них вся жизнь заодно с природой, даже мяса не едят. Может, и правда — Равновесие? «Случайное полезно, намеренное вредно». Это же здорово придумано! Крепкая, хорошо уравновешенная система должна справляться со случайными воздействиями. На то она и уравновешенная система. Случайными, хаотическими толчками ее не поваляешь. Нужен таран — намеренный, обдуманный удар. Намерения же бывают только у человека, потому что он сам — сложная система. Одна система воздействует на другую. Иными словами, нельзя допустить столкновения двух систем. Если Охотники станут пропускать через границу кого-то по своему выбору — зверей там или «железных людей», то гомеостазис окажется под угрозой. Они могут пропускать вредных тварей, воображая, что делают полезное дело. Как у нас кроликов возили в Австралию, а потом они стали «проблемой номер один», «бичом божьим».

«Погоди, — подумал он. — При такой логике раджаны вообще не должны воздействовать на природу? Чепуха получается! Этот дом вырос не случайно. Следовательно, кому-то разрешено «намеренное». Кажется, он понял, кто здесь распоряжается. Открыл рот, чтобы спросить у Наной, и увидел, что она не станет разговаривать.

Из-под стен выпрыгивали плоскохвостые крысы. Наной, сжав губы, подталкивала переднюю к столу — ногой, кончиками пальцев. Сказала, не оборачиваясь:

— Земля отвернулась от Солнца. Пора.

Смеркалось быстро. Померк, погас внешний свет, пробивавший листья. Почернел прямоугольник входа. Зелень стен, медленно разгораясь, просияла холодным огнем.

На секунду Наной и Колька встретились глазами. Теперь он отвернулся. Володя помогал снимать с большого «одеяла» — крысы срезали ветки, ковыляя на задних лапах. Лупоглазый зверек неподвижно сидел в своем углу.

— Это что за зверь? — спросил Колька.

— Немигающий, — угромо сказала девушка.

Да, так и приходится уходить, ни в чем не разобравшись... С этой мыслью он выглянул в черноту поляны. Увидел сверху, по кронам верхнего яруса, неясные блики, высветления — поворачивалась луна. Огромные переливчатые звезды мелькали между ветвями. Из темноты волнами наплывала музыка. Так мог играть только огромный мощный оркестр — казалось, что звуки катятся в глубине земли, как грохот отдаленного взрыва.

...Крысы утаскивали последние клочки «одеяла». Володя, едва не уткнувшись носом в Рафкину грудь, пытался найти следы страшных сняжков и царяпин, притоптывая в восторге — кожа была как новенькая. Николай тоже приготовился в дорогу: осмотрел пистолет и так пристроил его за поясом, чтобы сидел неподвижно и легко вынимался. Потом спохватился, что пистолет не чищен, — почистил веточкой, вложил запасную обойму, добавил девятый патрон. «Девять выстрелов лучше, чем восемь», — подумал он и вдруг вспомнил надпись на плакате, которую перед стартом он забыл со страха:

I Have Nine
Lives
You Have One
Only
THINK!

«У меня девять жизней, у тебя — только одна: ДУМАЙ!» Он подмигнул Немигающему. Зверек был похож на синего чертика с того же плаката — глаза, ушки. Ладно, зверь... Попробуем думать побольше, стрелять поменьше.

Человек с пистолетом думает иначе, чем безоружный. Колька внезапно вспомнил о разговоре Ахуки с Брахаком и решил выйти наружу, покараулить, посмотреть... А может, он просто нервничал.

...Поляна была замкнута по кругу, с единственным проходом влево — в сторону холма Нараны. Кроме двери, из которой вышел Колька, светились зеленоватым светом еще три.

«Еще лечища, наверно. Ничего не успели увидеть», — подумал он и бесшумно, по плотной влажной траве, продвинулся направо. Луна поднялась довольно высоко и висела над просекой, как желтый фонарь. Из травы, в нескольких метрах впереди, послышалось ворчание, — оказывается, их уже караулили. Три собаки неподвижно лежали в траве. Одна повернула голову и чуть слышно прорычала, будто приказывая Кольке не шуметь.

Он стоял, поглядывая то в глубину леса, то на собак. Казалось, что трава на дороге светится. Музыка постепенно стихала, словно удаляясь, смолкла. Собака опять зарычала. Наной! Она проскользнула к нему и положила на плечо горячую руку.

— Колия, — очень странно звучал шепот на раджана! — Колия, Раф-фан немножко может ходить, а сидит совсем хорошо.

Он сказал:

— Ты сестра наша и мать, Наной...

— Пойдем в лечище? Здесь собаки Наблюдающего неба.

Нет. Он помнил испуганное лицо Ахуки и подрагивающий бас Брахака. Нет, он останется.

Рука скользнула по его плечу. Он опять был один, на поляне. Глубоко вздохнул, вбирая в себя густые, как мед, запахи ночи, и внезапно три тени мелькнули перед ним — собаки ринулись и длинными прыжками унеслись по тевой стороне просеки. Колька подумал: «А, начинается. Чуть кое-какое у меня есть...»

Потом задрожала земля под тяжелыми шагами, он подумал, что ведут слона. Потом, мелькая и раскачиваясь в лунном свете, у дальнего конца просеки появились бесформенные гиганты. Колька приподнялся, чтобы рассмотреть их. Охнул. С просеки волной прокатился формалиновый запах, и от него Колька потерял голову. Схватил тя-

желый пистолет, выругался и выстрелил в правое — желтая глыба качнулась на ребристом краю глушителя. Он вел мушку влево, нажимая спуск, когда светлый круг ложился на черный шпенок — есть! есть!

Они шли. Быстро. Во всю ширину просеки.

Вверху завывала обезьяна. Колька вздрогнул, дал еще серию выстрелов и каждый раз видел, как отшатывается чудовищная безглазая голова, а они шли. Как во сне. Осталось три патрона, но уже не было сил наводить пистолет. Колька застонал, это было вне реальности, и он пытался проснуться.

Между чудовищами проскользнула тонкая человеческая фигура, вскинула руки.

— Безумец, — проговорил человек.

Чудовища стояли за его спиной.

— Зачем ты привел их? — сухими губами прошелестел Колька.

— Чтобы вы ушли к Железной дыне.

Перехватило горло. Он просипел «ле-е...» — первый слог слова «зачем», но за него спросила Наной:

— Зачем привел ты нардики? Пришельцы сами спешат уйти.

— Возможно и так, о Врач... Однако Равновесие прекрасно, а железно несъедобно, — ты слышала, как пугал он посланцев Великой?

— Как и вы тилились испугать его, глупцы!

Колька молчал.

— Я спрашиваю пришельца: согласны ли вы уйти?

— Согласны, — выдавил Колька.

— Слово сказано. До рассвета вы опуститесь у Железной дыни. Врач полетит вместе с вами, если захочет.

Колька был еще заморожен ужасом — что за чудовища! Он знал, что только из-за Наной не бросает пистолет и не кидается на землю, закрыв руками голову.

— Поспешите, — сказал человек. — Птицы ждут.

— Пусть уйдут эти.

Человек пропел на языке Памяти: «Возвращайтесь к Наране». Чудовища качнулись, исчезли в лунной тени; мерно, глухо вздрагивала земля. Человек улыбался как ни в чем не бывало. Когда он повернулся к свету, Колька узнал его — один из тех, кто сопровождал старого Хранителя Памяти. Жук на его груди казался черным.

Они вместе вошли в лечище.

Розовый, очень живой Рафаил сидел на боковой скамье и громко смеялся. Увидав людей, он дрыгнул здоровой ногой и заржал с тупой жеребьячей радостью, рассыпая «бахуш» из кулечка: «у-а-ах-ха-ха-ха!»

— Что это?! — вскрикнул Колька. — Что здесь было?

Колька вдруг понял, что сидит на скамье, а девушка обнимает его и гладит по щеке. И быстрым, острым шепотом утешает:

— Он здоров... Я закрыла его лоб, Адвеста. Володя понял: закрыла память во лбу. К утру она откроется.

Человек, стоявший у входа, сделал нетерпеливый жест.

— Память во лбу? Володя, объясни, — изнеможенно попросил Колька.

С мучительной гримасой Володя стал объяснять, что Наной каким-то образом отключила лобные доли мозга у большого. Без этой процедуры Рафаил не смог бы ходить — от боли.

— О господи, какой бред, — сказал Колька.

— Он здоров, — твердила девушка.

Рафаил ухмылялся и жевал сушеных термитов, икал.

— Поспешите, — сказал человек с черным жуком.

Девушка поднялась с колен и сурово спросила:

— Кузнец, почему ты распоряжаешься в лечище?

— Я — Хранитель Памяти, — ровным голосом возразил человек. — По Воспитанию я действительно Кузнец, но здесь представляю Нарану. Ты полетишь с большим пришельцем?

— Я — Врач, — сказала девушка.

— Ты передашь по гонии, когда все кончится.

— Хорошо. Колия, больного надо вести под плечи. Я понесу лекарства. Иди, Кузнец...

Колька подsunул плечо под Рафкину вялую руку, пробормотал: «Взяли...», и они ползели к выходу. Волода ноги, Рафаил хныкал. «Не хочу, не хочу, не хочу!» Человек с черным жуком повел их в черную молчаливую ночь, закрытую сверху куполом лунного света.

Глава 9.

Наблюдающего неба освободили собаки. Они примчались из лечища взъерошенными — рычали от страха, — но сейчас же кинулись грызть и дергать лианы, обмотанные вокруг торса хозяина. Ахука терпеливо ждал, стараясь не шевелиться. В трех шагах от него животные Равновесия зарывали тело Тана, копошились и похрюкивали в темноте. Комочки земли осыпали ноги Ахуки. Бедный зверь... Перед закатом он подходил к Ахуке и пытался что-то сказать, просил ласки и сочувствия, глаза у него слипались, как у человека. И его убили.

Слуги Великой не пожалели лиан — нардики успели вернуться, пока собаки работали. Гиганты прошли навстречу лунному свету гуськом. Они действительно были крупнее, чем крики: в два человеческих роста, с толстыми беспальными руками, с глазами посредине груди. Вместо голов у них были плоские горбы. Как раз, чтобы уложить и нести человека. Но шли они пустыми...

Ахука рванулся, лианы лопнули, обдирая тело. Он схватил лук, взял собак и гепарда на поводки и огромными прыжками понесся в лечище — звери тянули, как бешеные.

...Он выбежал на поляну — пусто. Крысы-уборщики с писком катились в стороны. В лечище также пусто — стол срезан, людей нет... Собаки дергали поводки, визжали, торопили. «Вперед, рыжие!» — одна за другой, бесшумно, носом к земле, они бросились в погоню. На поворотах следа одна из собак останавливалась и дожидалась Ахуки, чтобы показать направление.

След вел на полдень. Ахука пробежал по следу четырежды дюжину дюжин шагов и увидел младшего Хранителя Памяти. Верхом на лошади он ехал навстречу.

— Где пришельцы? — прямо спросил Ахука. — Здоровы ли они?

— Взлетели на птицах, держат путь к Железной дыне, — дневным, оживленным голосом ответил Хранитель.

— Ты ведешь лошадь в Питомник. Я направляюсь туда и заодно отведу ее. И облегчу себе дорогу.

Ничего удивительного не было в том, что Охотник спешит в Питомник, но Хранитель все же осведомился.

— Почему ты спросил меня о пришельцах?

— Кару-кузнец, ты меня не узнал... Я стоял у трех дорог со Старшим Хранителем, когда ты провел нардиков к пришельцам. Я испугался их, — добавил Ахука наивно.

Усаживаясь на лошадь и провожая Кару глазами, он с горечью думал, что утратил свои мысли. О-а, к чему это приведет... Ох думал об этом, когда приказывал собакам отправиться в Стан Охотников и пока скакал через поселение к домам Питомника.

Птиц нельзя было, как слонов и лошадей, переводить с выгона на выгон — они должны жить на одном месте постоянно, от рождения до смерти. В период дождей им надлежало находиться под крышей. Поэтому каждая Птица имела собственный дом, как человек. Низшие твари убирали из домов помет, обезьяны приносили пищу ко входу, но все прочие работы делали люди — кормили Птиц, подержали им перья, обучали птенцов и выводили Птиц на прогулку, когда им не приходилось летать с гонцами. Каждый оседлавший птицу именовался гонцом. В древности позволялось летать лишь искусным наездникам, малого роста и веса. Теперь Птицы поднимали рослого мужчину и еще полторы дюжины горстей груза.

В птичьем питомнике бодрствовали всю ночь. Хранители сидели у домов, перебирая орехи. Многие дома пустовали — на Границе было неспокойно, и Птицы работали, перевоза Охотников. «Слишком многих нет на месте, — подумал Ахука. — За последние месяцы Равновесие действительно изменилось. И это лишь первые признаки...»

Он пробежал на край питомника, к Наседке. В узкой пещере, в черном жидком перегное лежали яйца — три локтя в длину, два в ширину. Они высывались из перегноя, белые, как облака, и над ними стоял Старший Хранитель. Выслушав Ахуку, он взмолился:

— Пощади, во имя Равновесия! Ты будешь в третьей дюжине попросивших птицу за эту ночь, а до утра еще далеко!

«Да, это необычайная ночь», — подумал Ахука, но ничего не сказал.

— Груз есть у тебя, Охотник? Э-э, да ты — Голубой жук! — с уважением сказал Хранитель. — Но ты умеешь управлять Птицами?

— Я — Охотник, — скромно проговорил Ахука. — Груза со мной нет.

— Во имя Равновесия! — обрадовался Хранитель. — Возьмешь орехи и накормишь Птицу, где пожелаешь! Хорошо?

— Я очень спешу, Хранитель, и накормлю Птицу в слоновьем питомнике, у излучины. Зачем перегружать такое прекрасное животное?

Ахука знал, что бессмысленно торопить Хранителя. Птица с лихвой вернет время, затраченное на подготовку, — сейчас соразмеряется длина пути и срочность, и состояние Птицы, и время ночи.

— На шестой пост от Раганги... — размышлял Хранитель. — О-а, поехал бы ты на лошади, Голубой жук...

Ахука вежливо улыбнулся.

Хранитель встал — он обдумал все. Повел Наблюдающего небо на другой конец питомника.

— Накорми свою птицу, гонец.

Ахука недавно стал Охотником, и не успел привыкнуть к Птицам, к их тяжелому запаху, большим круглым глазам с бессмысленно-мудрым старческим взглядом. Изогнутый клюв длиной в локоть вызывал в нем трепет — расшарканный, Птица может перекусить руку взрослого мужчины, а первые несколько орехов должно скормить с руки. Он взял орех двумя пальцами и вложил в клюв. Птица глотнула. Она лежала на брюхе, плотно свернув крылья. Он скормил одну горсть и опустил корзину перед Птицей — быстро, жадно она сожрала все. Стоять возле нее было жарко, огромное легкое тело было горячее человеческого. Проглотив последний орех, Птица горланно вздохнула: «Кр-р-р», поднялась на ноги — голова сравнялась с головами людей — и двумя шагами выбралась на дорогу.

Наблюдающий небо стоял в позе гонца, вытянув сомкнутые руки в направлении ветра. Луна светила ему в лицо. Хранитель поставил на шею Птицы Немигающего — зверек прихвтался, выпуклые глаза блеснули, как изнанка раковины. Ахука развел ладони, «Кр-рокх! кр-рокх!» — крикнула Птица, по всем домам прокатилось: «кр-ро! рок!», и медленно, с шорохом развернулись крылья — почти на всю ширину дороги. Обнажившее тело, покрытое серым пухом, перекрещенное через спину упряжью. Ахука осторожно улегся на спину Птицы — она подняла крылья и побежала. Свистнула ветер. Тяжко вздымая крылья, так, что они смыкались высоко над спиной Ахуки, Птица ухнула вверх, подбирая ветер под грудь.

Когда они поднялись достаточно высоко, Ахука постучал пальцем по левому боку Немигающего заставив Птицу лечь в полет вдоль Закатной дороги, ясно различимой при лунном свете. Теперь он мог не заботиться о направлении. Немигающий поведет Птицу прямее, чем летит стрела. Человек теперь грелся о жаркую спину птицы, а поверху его обдувал ветер полета. Он лежал, продев плечи

в упряжь. Чувствовал, как сокращаются мышцы крыльев. Потом он заснул и проснулся, услышав ванильный запах слоновника, спустился к земле, накормил Птицу и вновь поднялся.

...Давно уже осталось позади облако холодного воздуха над Рагангой, плаксивый визг слонят и чешуйчатые крыши Питомника. Сухой, легкий запах плоскогорья донесся до ноздрей Ахуки, и он проснулся, прислушался к тихому «ц-ц-ц-ц» Немигающего.

Время перевалило за полночь. Почернев под крыльями Птицы обитаемый лес — там, под деревьями и на дорогах, для немногих бодрствующих уже зашла Луна.

Пора! Ахука размял пальцы и отбил короткую дробь на грудке Немигающего. «Ц-ц-ц-ц...» Зверек задержал передними ногами, он как бы вскапывал шею Птицы, и она замедлила полет, набирая высоту. Тогда Ахука приказал ей убыстрить полет до предела. Прищурился слезящиеся глаза, смотрел вперед, мимо взъерошенной головы Птицы, и увидел.

Пять светлых точек висели в ровной черной пелене.

Он догнал стаю при последнем свете Луны. Головным летел Брахака, за ним Раф-фаи, завернутый в попону. Адвеста и Наной летели последними. Ахука послал Птицу вниз, камнем, и промчался между третьим и четвертым гонцами. Сделано! Две последние Птицы шли за ним к земле, остальные продолжали полет...

Сели на дорогу. Усталые Птицы прилегли на животы вдоль обочины. В бледном, диком свете неба едва различалось светлое тело пришельца. Он боязливо слез со спины Птицы и топтался на дороге ухая.

— Ты заболел, Ахука? — послышался неуверенный голос Наной. — Птица твоя больна?

— Почему ты не пришел, Ахука? — это пришелец.

— Я пришел, Адвеста... — сказал Ахука.

Он знал Наной, ее стремительный и неудержимый нрав. Она должна быть неудержима в любви, как и в работе. И велико ее стремление к пришельцу, — подумал Ахука, ибо девушка молчала. Не призвала его к ответу, только промолвила:

— Пора догонять стаю.

— Подожди... Мы поем одну песню. Слушай, Адвеста, и отвечай: сколько может ожидать вас Железная дыня? — Он услышал короткий вздох девушки, — нет, не ошибся он!

— Не более одной ночи, — ответил пришелец. — Две, может быть.

— Я хотел бы, чтобы вы остались в Равновесии, — осторожно сказал Наблюдающий небо. — Хотя бы ты, Адвеста...

— И мне хотелось бы, Ахука, но это невозможно.

— Пришелец, слушай! Наной знает: Голубой жук не стал бы просить о маловажном! Останься. Ты нужен Равновесию. Позже мы дадим тебе Птиц, сколько потребуется для самого дальнего путешествия. Останься, — не решаясь привести последний довод, он положил руки на плечи Наной и Адвесты, как бы соединяя их.

— Да, я верю, — сказал пришелец. — Но это невозможно.

Их плечи выскользнули из ладоней Ахуки. Уже разлучены были эти двое, пережили они и оплакали разлуку, и к Птицам подошли порознь. «Упрись ногой в крыло и садись», — проговорила Наной из темноты.

Тогда лишь Ахука опустил ладони и крикнул:

— Гроза идет с заката. Я поведу стаю.

Глава 10.

Володя Бурмистров был близок к отчаянию: более двух часов они ждали Кольку на поляне баросферы, а Птицы, отставшие в пути, не появлялись. Брахака успокаивал, но и сам тревожно поглядывал на небо, а главное — до автоматического запуска стартовых устройств оставался час или восемьдесят минут от силы. Энергия утекала быстро.

Володя метался от Рафаила к баросфере, к счетчику энергии, и каждый раз проверял положение рукоятки автостарта. Близорукую наклонялся, всматриваясь: указатель стоит на «выключен», правильно... Оставаться, так уж всем вместе... Тоскливо вздыхал и кидался обратно, к памятной дереву, которое они первым увидели в иллюминатор. Сейчас под деревом в тени лежал Рафаил.

В начале третьего часа ожидания врач Лахи величественно подступил к Рафаилу и заставил его проглотить лекарство. Володя стоял рядом. От жары и волнения он задыхался. В глазах крутились птичьи клювы и головы; рот, казалось, был набит перьями.

— Раф-фаи, проснись! — тонким голосом пропел врач. Больной послушно открыл глаза — сонные, однако вполне осмысленные.

— Вовик... Это что — возвращаемся?

— Он здоров! — рявкнул огромный врач. — Получай его, пришелец! Володя всхлипнул. Рафаил покряхтел, неуверенно поднялся.

— Поесть найдется что-нибудь? Ноги, как ватные.

— Он есть хочет! — вскрикнул Володя.

— Прежде всего он съест бахуша, — распоряжался врач.

Володя подставил другу плечо и с восторгом стал смотреть, как он жует бахуш.

— Ты понимаешь, что он говорит? — спрашивал Рафаил. — Сколько времени я провалялся? А Карпов где?

— Задержался, — сказал Володя.

— Задержался? Нет, погоди, как ты язык выучил?

— Поешь, тогда объясню, — сказал Володя. — За папу, за маму...

— Как вкусно! — с наслаждением сказал Рафаил. — Поем и еще посплю, хорошо?

— Конечно, конечно!

Врач Лахи так и предупредал: «Проснется, но еще сутки будет сонным, как ящерица во время дождей».

(Продолжение следует)

Рис. А. АНТОНОВА

Счастье, как говорят, находит тучей. Едва больной поднялся, как прибежал посыльный от гоним и сказал, что рыжебородый пришелец в пути и через четвертую часть одной дюжины — через полчаса — опустится здесь, на этой поляне.

«Как всегда, в последнюю минуту», — подумал Володя. Николай был из тех, кто обязательно садится в поезд на ходу.

Рафаил ничего не понял — сонно зевал и сонно оглядывался. Надо бы посадить его на место заблаговременно, слаб еще. Пока посадим... Кое-как Володя объяснял это Лахи.

— Э-э! Раф-фаи своими ногами войдет в Железную дыню! — крикнул Лахи и огромным пальцем пощекотал пациента. — Иди, иди! Не приближайся к нему, стеклоглазый!

Рафаил ковылял по траве, виновато улыбался. Лахи вскочил на площадку баросферы и, как подъемный кран, одним движением втащил Рафаила наверх — повернулся, ловко опустил его прямо на командорское место. Володя направлял. Все это заняло не больше минуты. Володя с чувством сказал:

— Ты наш отец, Лахи!

Снизу откликнулся Рафаил:

— По-каковски ты разговариваешь, Вовик?.. Как прохладно дома, хорошо...

— Оденся! — забеспокоился Володя. — Простуду схватишь, после болезни-то!

Тючок с вещами уже лежал на площадке. Володя помог другу натянуть шерстяные брюки, куртку, носки. Пристегнул ремнями и натянул на голову берет. Высунулся в люк — ничего не видно...

— Вовк, автостарт выключен? Николая-то нет, правда?

— Конечно, еще бы!

Володя посмотрел, как Рафаил неловкими пальцами трогает рукоятки, и опять сунулся наружу.

Летят, летят! Брахак, Лахи, оба Охотника смотрели в небо. Володя нашарил бинокль и припал к нему, стучаясь об окуляры очками. Три Птицы, видные чуть сбоку и снизу, качались в стеклах.

— Свисто-ок!! — завопил он. — Колька!!

Лахи захохотал. Птицы стремительно приближались, спускаясь на край поляны, левее баросферы. Передняя проскочила над деревьями и вдруг с нее прыгнул коричневый человек — упал в траву.

...В трехстах шагах от поляны Птица Ахуки крикнула, судорожно вытянула крылья — Немигающий дробно застучал лапами. Последние метры Ахука летел на мертвой Птице, как на планере, — Володя не узнал об этом никогда. Он махал из люка, кричал — вот он, Колька! Мелькнула красная от загара спина, светлая шевелюра, и вдруг его ударило по голове — люк грохнул — Володя упал в кресло люкового. Колька!! — он вскинул руки, вращающийся диск кремальеры отшиб ему пальцы, грянул звонок автостарта, и последняя мысль, мелькнувшая в сознании, была страшная и простая — автостарт включил Рафаил — дернул спросонку не в ту сторону.

...Людей спасло то, что они сбежались к Ахуке. Тепловой удар, высушивший живую и мокрую только что траву, швырнул за деревья мертвую Птицу и свалил с ног Брахака. А яма, пыхнувшая багровым пламенем, была пуста — валил густой пар от потрескавшейся глины. Остался отпечаток сферы и глубокие вдавлины монтажных опор. Вот и вся память.

Колька стоял над ямой один, как прокаженный. Огромными глазами смотрела Нанои — она еще лежала на спине Птицы. И смотрела на него, застывшего над ямой.

Он опоздал на десять секунд. Пробежать, вскочить на верхушку сферы, а крышку он бы вырвал из гнезда. Десять секунд. Оттиски опор в сухой рыжей глине. В ближней опоре была выемка, она отпечталась как выступ — Колька помнил, что выемку прорезал сварщик Чибисов для термометра, две недели назад. Десять секунд! Синий черт с плаката поднимал палец: «У меня девять жизней, у тебя — только одна». Вот и свершилось. Из-за десяти секунд. Из-за чего? Он смотрел на носки своих ботинок, блестящие от ходьбы по траве.

Из-за того, что он не разомкнул цепь автостарта. Вот и все. Он виноват сам.

Вторая жизнь зашевелилась вокруг него. Тонкая девушка подошла и взяла его за плечо. «Ты опалишь ноги», — произнес кто-то на чужом языке, это был он сам, Колька Карпов, в своей второй жизни. «Да, трава горячая», — ответила девушка. — Они улетели совсем?» Он опустил голову. «Пойдем на Пост, Колия?» Он стоял. Никто больше к нему не подходил. Охотники повели загнанных Птиц по просеке.

Да, вот что ему осталось — яма в рыжей глине. Но уже шевелилась и сыпалась земля под ногами — кроты принялись за работу. Час, другой — и следа не останется. Зарастет травой. Прощайте.

Девушка стояла рядом с ним, переступала — горячо. «Пойдем, Нанои». Колька вынес ее на траву. Она держалась за шею нежными, шершавыми руками. Шея обгорела, пойдут волдыри. Он опустил девушку и пошел в лес. Потом, все потом, сейчас надо быть одному.

ЧАСТЬ II

Глава 1.

На просеке Охотники тренировались в стрельбе — в дом залетела стрела с тупым наконечником. Николай Карпов подобрал ее, вырезал три зарубки, по числу дней, подпрыгнул и оставил стрелу висеть в потолке. Он видел себя, будто нарисованным на иллюстрации в книге — подпрыгивает, вешает стрелу с зарубками.

От той жизни у Николая осталось: башмаки с шерстяными носками, пистолет, навощенный коробок спичек, складной ножик — малое лезвие переточено на отвертку. Одежда сгорела на баросфере. Еще часы. Судорожно тикали на гибком металлическом браслете. Шмякнуть бы их о дерево, чтобы не тикали... На десять, на десять, на десять секунд он опоздал.

...Первую ночь он проспал похмельным сном. После Нараны, разговоров, нардинок, человека с черным жуком, черной мглы, качающейся под крыльями. После ртутной капли металла, блеснувшей в зелени лесов, и отпечатков в потрескавшейся глине. Вторую ночь пролежал с открытыми глазами. Листья стен светились. Как в желтой воде, проплыла Нанои. Пристроилась напротив входа, за Колькиной головой — он повернулся к стенке. Лежал, косился на стрелу в потолке. Ночь шумела иными звуками, чем в поселении: криканье и стрекотанье покрывалось густыми мелодичными воплями, уханьем, кашлем. Ближе к рассвету прокатился низкий рык, невыразимо-страшный, отдающийся внизу живота. Ушла Нанои, проговорив: «Спи, Адвеста». Потом стрела медленно втянулась в крышу и была по кускам сброшена на пол. Крысы подобрали обломки. Больше рыканье не повторялось до утра. Какой же силы рык, если в доме он был слышен так ужасно...

Потом был еще день, еще ночь. Николай ел, когда давали, с лежанки больше не вставал. Не замечал времени, не чувствовал вкуса пищи.

Потом наступил день, когда он проснулся и ощутил четкое жела-

ние — вымыться. А затем еще одно: посмотреть правде в глаза. Остался так остался...

Это было четко: если он не встанет и не умоется, то сойдет с ума. Он знал, как это будет: пойдет на рыканье, пойдет-пойдет... И он встал, снял плавки, лег в ручей, вымылся с головы до ног. Выполоскал рот, почистил ногти ножом. Стало почти терпимо. Он больше не видел себя извне — иллюстрацией к скверной книжке. Зато видел ствол гонии, лиловый под восходящим солнцем, а над головой — внимательную обезьянью рожу, голубую, с оранжевыми баками. Обезьяна предлагала ему завтрак, кисть бананов. Вертела ее в задней руке.

Нет, есть не хотелось. Он пошел в лес, забрал под деревья нму. Зеленые стволы с огромными светло-серыми листьями, за ними — чаща кустов, вся в пунцовых лепестках. В кустах хрюкало, пыхтело, и оттуда прямо в ноги выскочила собака. Подбежала молчком, грозно оскалилась.

Бежать нельзя, подумал Колька. «Рыжик, Рыжик!» — пробормотал он. Собака бросилась — он отшиб ее пяткой, из кустов высунулось огромное, рогатое — хрюкнуло. Собака истерически взлаяла, а рогатый полез из кустов. Носорог! Он тянулся, как грузовик с лафетным прицепом, огромный, серый, складчатый, с внимательными человеческими глазами.

Заметил человека, опустил рог, рванулся — лепестки взлетели фонтаном. Колька метнулся за дерево — туша проскочила с топотом, развернулась и атаковала снова.

По шестому разу Николай понял, что этот грузовик одержим магией убийства. Перебегать от ствола к стволу не удавалось, из листопада его не уложишь... Р-раз! Носорог кинулся в седьмой раз, и вдруг с дерева к нему на шею скакнула обезьяна и закрыла ему глаза руками. Колька, обмирая, смотрел, — четырехметровый зверь грохнул об землю, перевернулся, вскочил. В лапе обезьяны оказалась палица. Свистнул воздух — обезьяна вцепилась плечу противнику между глазами — тот ухнул, развернулся как-то вяло и, сотрясая землю, умчался за обезьяной в кусты... Подбежала, вилля всем туловищем, собака — припала к земле, просила прощения.

— Уж нет, ты меня прости, — сказал Колька. — Глупый еще.

Он был мокр, как мышь. Давай-ка отсюда, пока не опомнились... Побегал и наскочил на Брахака, тоже бегущего — навстречу.

Брахака увидел полянку, изрытую копытами, покачал головой.

— Друг Адвеста, здесь не срединное Равновесие. Не должно тебе покидать Пост без Охотников.

— Я понял, спасибо, — сказал Колька.

— Носатый не ушиб тебя, Адвеста?

— Обезьяна его увела, туда.

— Наставник, — объяснил Брахака. — Опасные животные находятся во внешнем лесу с наставниками. Если встретишь собаку без ошейника в лесу Равновесия, знай, что при ней опасное животное из травоядных. Хищных сопровождают крикуны. Нанои научит тебя голосам крикунов.

...Опять затянуло глаза туманом. Наставники, крикуны. Бред... Домачерепашки ползли навстречу. Затошнило. Четкий голос крикнул: «Голодные вы, Николай Алексеевич!» Брахака подхватил его под мышки.

— Э-э, ты голоден, Адвеста...

Жесткая рука потрепала его по загривку, как собаку. Ко рту поднесли зеленый майну — он глотнул. Выпил один плод, второй, набросился на пищу. Как-то он оказался в лечилище. Нанои сидела перед ним на корточках и кормила из рук.

Кто-то — внутри головы — назвал его опять по имени и отчеству и посоветовал быть поосторожней в СП, а он возразил, что здесь не СП, а Индия, и он хочет прорываться на северо-запад, через Памир, в Среднюю Азию.

«Лучше в Дели, в аэропорт», — насмешливо прошелестел голос.

Тогда он мысленно прищурил глаза и увидел штрихованный квадратик, рядом с ним слово «Дели», подчеркнутое, потому что столица, и красненькие червячки железнодорожных линий, четыре? Нет, пять. И кругом города, дороги — Равновесия здесь не спрячешь, нет...

Тот, насмешливый, был прав. Питекантропов он найдет или пожарителей крыс... Или гигантопитеков, именуемых «крии».

«Я тебя не пойму, — сказал Колька. — Говорю, что здесь СП — ты не согласишься, а потом требуешь осторожности, в карту носом тыщешь... Ну чего, чего привязался? Какой я тебе Николай Алексеевич? Земля это или СП?»

«Отлично понимаю... х-м, простите. Вы не любите по имени-отчеству, я люблю — дело вкуса. Мы запутались, вот что. Это не может быть Землей, и не может быть Совмещенным Пространством. Почему? А вспомните, что весь дух современной науки запрещает нам постулировать СП, изоморфное с Землей, Николай... х-м».

«Эй ты, брось шуточки...» — начал Колька, но сейчас же понял, что говорит сам с собой, мысленно. И все утро говорил, только не замечал этого — смотри-ка, до изоморфного СП добрался!

Он открыл глаза, увидел в своей руке остатки бахуша. Рядом стояла Нанои и заботливо говорила:

— Ешь, Адвеста, ешь! Раздвоение вредит тебе, ешь!

Он внезапно рассвирепел, шмякнул кузнечиков об пол и ушел из лечилища.

Глава 2.

Прошло три дня после того утра — с носорогом и «Николаем Алексеевичем». Колька понял, что к нему, как к носорогу, прикреплены наставники. Рехнуться не дадут, имеют они такую власть. Сейчас они заставляют его быть спокойным и равнодушным, покорным даже. А покорность не требует перспективы; день прошел и слава богу. Он копил впечатления — бессознательно, как белка собирает орехи на зиму. Не спеша, с ленивым интересом. За пределы лагеря не выходил — случай

с носорогом заставил понять, что в лесу он так же беспомощен, как любой из здешних был бы беспомощен на улице Горького в часы пик.

Лагерь именовался Постом, по-русски его следовало называть пограничной заставой. Три десятка Охотников, Кузнец, Строитель домов, четверо Врачей. Сколько собак, гепардов и боевых обезьян при них — неизвестно. Сотни. Они строго отличали животных Равновесия от приبلудных. Лошади паслись в болотистом урочище, как в загоне. Забором служили черные светлогоние буйволы — ленивые, с отвратительным характером, до рогов облепленные красной лессовой грязью. Самыми шумными здесь были обезьяны. Угрюмые боевые — в зеленой перевязи, с бочкообразной грудью и руками-бревнами. Тонкие, вытянутые умницы с лукавыми мордами — служащие. Наглые хвостатые хохотушки — «крикуны», пристающие к хищникам, как радиоактивные метки...

Центром Поста была гония, поуще дерево. Три-четыре, а то и все восемь Охотников, по числу «ушей гонии», постоянно восседали вокруг синего ствола и пели на языке Памяти. Они передавали о сущей чепухе — на Колькин взгляд. О смене муравьиных троп, о том, что собаки ночью завывали и не хотели униматься... Лани, собака Джаванара, принесла в зубах толстую сою с недоразвитой левой задней лапой, — это сообщение Кольку прямо поразило: эка невидаль — толстая соя!

Хранителей гонии было двое. От темна до темна они возились у своего дерева, рассматривали муравьев или подкармливали их. На окружающее не реагировали. Другие тоже работали неустово, — Нанои почти не спала, например. Вместе с гигантом Лахи, старшим Врачом, она проверяла поочередно здоровье каждого Охотника и «кормила нардилов жидкостями». Эту пакость — нардилов — привозил через день особый гонец, и они тоже требовали ухода, как любая живая тварь. У гонии врачи пели так же дотошно, как Охотники — бесконечные подробности, описывающие изменения нардилов и самочувствие пациентов — без конца... Кто распорядился на Посту, было неясно. По логике вещей старший Охотник Джаванар должен был командовать заставой, а Управляющий Равновесием Брахака — представитель правой касты — быть чем-то вроде политработника. Другой системы Колька себе не представлял, пока не присмотрелся получше. Сначала он вспомнил, что в здешнем языке нет понятия «приказ», нет даже императива. Говорили раджаны примерно так: «Собака послалась мною, дабы прогнать болотную кошку». Как же старший Охотник ухитряется распоряжаться? Колька походил за ним два дня и понял: никак не распоряжается. Каждый Охотник сам знает свою работу, Джаванар командует только патрульными собаками и гепардами. И Нараны никому не отдают приказов. Охотники получали по гониям — Колька сам слышал — несколько вариантов поведения. Например, после доклада о соне с недоразвитой задней лапой, Нарана советовала либо напустить на сонь каких-то животных, либо заставить обезьян снять с деревьев какие-то плоды, либо ничего не предпринимать. «Оставь место случайному», — передала гония слова Великой Памяти.

Николай повторил про себя: «место случайному» и вспомнил, как Нанои толковала о «случайном» и «намеренном» — что намеренное вредно. Еще при том разговоре он решил, что все-таки нужны организованные действия — иначе получится хаос, анархия, — и заподозрил, что Нараны распоряжаются людьми. Втайне распоряжаются.

Сейчас появилась новая версия. Нараны только координировали работу, а каждый человек действовал самостоятельно — «случайно» в разумных пределах.

Это была первая искра активного интереса к Равновесию, она блеснула на восьмой или девятый день, во время полуденного отдыха. Николай лежал в тени, лениво думал о том, о сем, и смотрел, как две боевые обезьяны тащат третью в лечилище, гримасничая, временами останавливаясь, чтобы передохнуть. Николай смотрел на них и вдруг засосало под ложечкой, как от голода: да что же это, наконец! Почему он слоняется, бездельничает, упивается жалостью к себе? А ну, встань! Ты же человек, ученый, ты головастый!

Он встал, усмехнулся — живуч же человек — и двинулся в лечилище, к весельчаку и грубияну Лахи. Что спрашивать, было ясно. Во-первых, как они вывели Наран, и вообще, побольше о Наранах. Во-вторых, как организовано Равновесие. Выяснить космические проблемы не стоило — об СП здесь понятия не имеют.

Старший Врач лечил ту самую обезьяну, которую только что привели товарики. Рана была легкая — Лахи уже похаживал вокруг стола, подправляя побеги «одежда» и от избытка сил во всю глотку пел двухголосую песню — одну фразу басом, другую — тенором. Обезьяна крепко спала. «Белая Луна, свет твой сладок! Сла-адо-о-ок...» — старался Лахи. Николай с ходу спросил:

— Врач Лахи, откуда взялись Нараны?

— Откуда Нараны, рыжебородый? От первого Безногого. «Ку-уда ты улыва-а-а-ешь», — он снова запел.

— А кто такой Безногий?

— Теленок, разумеется.

— Какой теленок?

— О рыжебородый, — сказал Врач. — Если в твоём Равновесии Нараны происходят от слонят или поросят, — не смущайся. Наши несколько не хуже. У вас есть слоны?

— Слоны-то есть, Наран нету.

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

Врач усмехнулся.

— Сколько Головастых живет в вашем Равновесии?

Николай быстро прикинул, как выразится три миллиарда в двенадцатиричном исчислении, ответил. Лахи оглушительно засмеялся.

— Когда у нас будет Головастых, как лягушек в болотных болотах, тогда Адвеста... о-хо-хо!.. тогда лишь один на дюжину будет знать о Наранах. Остальные не будут знать, как и ты.

— Нету, говорю тебе! — рассердился Колька.

— Те-те-те... Я же говорю тебе, пришелец, плохо ты знаешь свое Равновесие, — самодовольно сказал Врач. — Ты Головастый самого высокого поколения. Головастые с таким мозгом, как у Раф-фаи и у тебя, у нас еще играют в воспиталищах. Твой мозг принимает раздвоение, а ты говоришь несообразное.

— А что такое раздвоение?

— Э-э, ты плохо понимаешь речь, Адвеста... Раздвоение! — Лахи помогал себе толстыми пальцами. — Одна половина мозга у Головастого свободна, понимаешь? Ты мыслишь одной половиной, этой, — постукал он себя по голове слева, — а эта спит. Так сложился мозг — половина спит. Но мы даем бахуш, даем долго, и просыпается вторая половина, начинаешь думать в дюжину раз быстрее.

— А причем здесь Нараны? — спросил Колька.

— Во имя Равновесия! — Лахи задохнулся от возмущения. — Кто же, как не Великие, дали нам бахуш для раздвоения? Всего лишь две дюжины поколений назад это было! Ступай, пришелец, поучись стрелять из лука!

«Толкуй больной с подлекарем», подумал Колька и спросил очень вежливо:

— Скажи мне, почтенный, кто, говоришь ты, играет в воспиталищах?

Лахи недоверчиво посмотрел на него:

— Дети с мозгом, подобным твоему, пришелец.

— А у тебя какой мозг?

— Менее совершенный, — буркнул Врач.

«Разыгрывает», подумал Колька, но спросил:

— А у... у Брахака какой мозг?

— Менее совершенный, чем у меня.

— Почему?!

— Он старше на два поколения, — ответил Лахи и внезапно побледнел.

Он стал пепельно-серым и покрылся мурашками.

— Не смеешься ли ты над Лахи, пришелец Адвеста?

— Во имя Равновесия, нет, — быстро сказал Колька. — Я не понимаю.

— В вашем Равновесии мозг у всех Головастых одинаков?

— Да.

— Но ваши дети знают речь при рождении?

— Нет.

— У нас дети рождались говорящими, — Лахи подступил к Николаю вплотную, — еще три дюжины поколений назад. У вас когда это было?

— Не знаю, — сказал Колька.

— А! — пискнул гигант и торжествуя проревел: — Не знаешь! Может быть, у вас теперь и нет Великих, так знай: они были! Без Великих вы не могли вывести безмолвных детей. Вы остались бы малоголовыми! О ты, малознающий...

— Это может быть, — сказал Колька.

Надо было кончать разговор — Лахи слишком уж разгорячился. Чудеса! Каких-то три недели назад Володя-энциклопедист втолковывал Николаю, что наши прямые предки, кроманьонцы, имели в точности такой же мозг, как у современного человека. Это в каменный-то век, понимаете?

От непонятных разговоров накатила снова тоска — сверлящая, тошнотворная. Очень кстати в лечище вскочила Наной с криком:

— Вести по гонии! Стая Большезубых прорвалась у Раганги, я иду с Охотниками, Лахи!

— У-рр... Сколько Большезубых?

— Большой самец, самка и два молодых. Прохладного полудня! И Колька вдруг высочил из лечища вместе с девушкой и побежал к Охотничьему дому, за луком и стрелами. Охота — веселое дело... Не думать, не мучиться. Выстрелить, догнать и убить. Он уже в дороге понял, что Большезубые — серьезные звери, и спросил у Наной:

— Какого размера Большезубые... в вашем Равновесии?

— Не считая хвоста — шагов шесть, семь. А в вашем Равновесии они большие?

— О-а, преогромные Большезубые, — браво сказал Колька.

Отступать он постыдился. Только подумал: «Все равно мне здесь не жить. Днем раньше, днем позже...», — и улыбнулся Наной.

Глава 3.

В тот час полуденного отдыха, когда рыжебородый пришелец бежал вместе с Охотниками к Раганге на перехват стаи саблезубых тигров, великое событие совершалось в городе Синих холмов, в пе-

щере Великой Памяти. Старый хранитель ждал, сжимая руки от сладостного трепета: только что рабочие кроты Нараны обрушили земляную перегородку, открыв вход в новую пещеру, для дочернего Уха Памяти. Белые муравьи с шумом ливня текли в пещеру и покрывали своими выделениями ее своды и ложе Памяти, а на крайнем Ухе дрожал и надувался прекраснейший розовый пузырь дочернего. Хранитель укоризненно оглядел подземелье — сотни людей увлечены обденными делами. Даже младшие Хранители работали, отбирая отросших за ночь нардииков. Слепые крысы тащили корзинки на поверхность, по наклонным штольням. В густой белой сетке грибницы, выстилающей заднюю полосу ложа Памяти, сновали термиты, другие термиты сидели неподвижно, выделяя пищу Памяти, — тончайший шелест падающих оранжевых капель звучал, как музыка для старого Хранителя.

Было время полуденного отдыха, часть ушей пустовала. Оглянувшись, Хранитель убедился в этом и заметил Ахуку. Улыбнулся ему щедрой, восторженной улыбкой и пожалел, что Наблюдающий небо увлечен работой и не может разделить с ним торжество.

В это мгновение к гонии Шестого поста по Раганге сел старший Управляющий Равновесием Брахак и вызвал Память. Следующее дерево — на Большой дороге — усилило вызов и передало дальше, к поселению, по цепи гоний, на Поляну Памяти. «Нарана отвечает Брахаку, Управляющему», — пропела гония чистым скрипичным звуком.

...Треугольные в сечении корни-волноводы большой гонии пронизывали рыхлый красноземный слой, и плотные, слежавшиеся глинистые наносы, и окаменелый муравьиный цемент и примыкали к Немому Уху Нараны — материнскому телу, началу начал. Отсюда много поколений назад пошел рост Нараны, дочери Великой памяти из города Красного ливня, — с ничтожного клубка запоминающей живой ткани.

Нарана помнила и это. Она была лишена зрения и ничего не слышала, кроме четырех нот языка Памяти. Люди заменяли ей глаза и уши, зато помнила она все. Помнила, как ее начальный клубок — «Безногий» — был отделен от немого Уха и перевезен сюда в корзинке на спине у слона — тогда еще не было Птиц. В новом подземелье люди открыли корзинку и опустили безногого в пищу, и он услышал пение Хранителя:

«Вот белые муравьи, неистовые, почуяли твой запах. Покрыли тебя белой пеленой и, прильнув, облизывают. В шесть и более рядов они пируют на твоём теле, Нарана. Вот уже соки твои вернулись в пищу и проникли в грибницу, и термиты, сонные без тебя, оживились и создают твоё равновесие...»

Так пел Хранитель много людских поколений назад. Она помнила это и первое ощущение довольства пищей. Она знала, что отделена от материнского Немого Уха и обрела отдельную от него жизнь, но осознавала себя частью предыдущей Нараны и предшественницы ее, и далее, вплоть до чуда Скотовода.

Хранители знали, что Нарана умеет смеяться — едва заметный сбой в пении по всем Ушам обозначал, что в Памяти встретились противоположные по смыслу воспоминания и она смеется. Никто не спрашивал, какие это воспоминания, ибо Наране вредили вопросы об ее мыслительной работе. Ей, как и людям, не следовало обращать мысленный взор внутрь себя самой.

Торжественный день был сегодня — рождение нового Уха Памяти. Хранитель не удивился, когда она засмеялась и сама заговорила с ним.

...Про себя она звала его старикашкой. И засмеялась в то мгновение, когда Немого Уха достиг сигнал с символом «пришелец» взамен символа касты.

«Великая Память любит меня», — думал Хранитель, подбегая к Уху. Он казался себе свежим и молодым по разуму, ибо не переставал трепетать и удивляться, когда видел дюжины дюжин Ушей в работе, и суету животных, и рождение нардииков. Он знал, что умрет с гордостью и восхищением перед Великой, перед величайшим из чудес Равновесия.

— Передаю тебе сообщение Шестого поста на Раганге, — сказала Нарана.

Ахука, пристально наблюдавший за стариком — свободной половинной мозга, — прервал пение Памяти и спросил у нее:

— Что поешь ты старому Хранителю?

Он терпеливо выслушал рассказ о нападении тигров. Подосадовал, что Адвесту пустили с Охотниками. Открыл рот, чтобы поблагодарить Великую Память, но она пропела, добросовестно повторяя свою беседу с Хранителем:

— Советую тебе, Хранитель, озаботиться... чтобы пришелец в следующий раз не вернулся с охоты.

Э-а, желание Великой не было новостью для Ахуки! Но месяцем раньше Нарана не высказала бы такого желания, зная, что некому — во всем Равновесии — воспринять приказ об убийстве. Да, пора ему вернуться к Адвесте...

Он поблагодарил Нарану и удалился. Старый Хранитель, кряхтя, вернулся к дочернему Уху. А Нарана, наполовину свободная в этот час, продолжала размышлять и вспоминать о первой Наране, выбирая для этого свободные объемы себя так же бессознательно, как человек при пении выбирает нужное положение нёба, языка и головных связок.

...Арама-Скотовод был приставлен к коровам. Был он угрюмым маленьким Скотоводом, мозг его был в половину меньше, чем у нынешних людей. Но способности его сложились так удачно, что он помнил больше, чем его собратья из оседлого племени скотоводов. И прожил он много. Он помнил травы и снадобья, вареные из трав. Помнил дни беременности, в которые надлежало давать снадобья коровам. И он любил пробовать снадобья разные с разными, и коровы племя жирели. А племя стояло в лошине Красного Ливня и коров от хищников укрывало в пещере. Во время дождей понесла матка от горбатого быка. Арама дал ей снадобье, запомнил, какое.

Прежде таких не давал маткам. Такие годились от вертячей хвори у свиней. И корова выметала теленка безногого, безглазого и бесшерстого. Арама его заколол, а оно пищало. Разделявая его в пищу, нашел внутри один лишь серый мозг. Пошел к людям и поглумился: быть мору, теленок выметался без ног и без глаз.

Вернувшись в пещеру, он увидел белых муравьев. Всем муравейником они собрались к теленчьей шкурке. Не грызли, а облизывали, как муравьиному матку. Очень жадно. Уходя, возвращались и лизали. А корова была грустна.

Арама все запомнил. В новые дожди той матке дал снадобья. Народился новый Безногий, и Арама его не заколол. Людям же сказал: пока он жив, мору не бывать. Ибо он видел, как муравьи лизут его и кормят, и он растет. Потом Арама велел, чтобы племя расширило пещеру. Его послушались, боясь мора, а в новую пещеру никто не смел войти, вся она заросла муравьиной грибницей. Арама стал гладким и жирным. Племя его почитало как хранителя Безногого, от мора защищающего. Но муравьи стали хиреть, ибо забросили своих маток из-за теленка. Кончилось благоденствие. Тогда Арама-Скотовод на три дня покинул пещеру. Людям сказал: «Я буду три дня поститься». Прошел всю лощину, разоряя муравейники. Принес муравьиных маток в корзинке и устроил муравьям лазы, чтобы, пробираясь к Безному, они прежде кормили маток. И вновь благоденствие Арамы упрочилось. Кормили муравьи и детву, и маток, и теленка. Он стал издавать звуки, Арама их слушал и запоминал, повторяя вслух. А теленок безногий за ним повторял, как бы научая. Человеческие слова не повторял, только свои, но бессмысленно. И возгордился Арама, задумав научить его пониманию смысла. Пуская к нему муравьев, пропевал слово со смыслом «еда», составленное из звуков, издаваемых Безногим. Открывая шкуру у входа, пел слово со смыслом «холод» — в дожди. Со смыслом «жара» — в полуденный жар. Думал много. Каждый раз, начиная петь, издавал слово со смыслом «говорю». Радовался, когда безногое отродье коровы повторяло слова со смыслом. И многие годы учил так Арама, и стал пускать в пещеру людей, научив их новым словам, а они дивились и падали ниц. По созвучию со словом «говори» стали звать Безногого «На-ра-на»...

...Кончилась полуденная жара. Ученые заняли все свободные Уши Памяти, Большая гония работала непрерывно — трижды умноженная дюжина людей спрашивала Нарану, каждый о своем, и Великая Память отвечала всем. Тиами, Строительница домов, хотела, чтобы сын ее родился с наклонностями Художника. Хранитель гонии жаловался, что дерево хиреет от нехватки личинок для верхнего питания. Пришло известие, что с Полуденных гор спустилось невиданное полчище летающих белок, а за ними идут хищники, и вся местность заражена уже вредоносными блохами... И Великая Память отвечала: «Тиами можно родить Ученого любой степени, но не Художника или Певца. Хранителю гонии: каждую шестую землеройку в округе скормить красным роющим собакам. Полуденной границе: свободные Управляющие есть в таком-то поселении; пусть они придут, взяв с собою хищных птиц и молодяк охотничьих обезьян, а такие-то растения пустят в рост на будущие две ночи и день...» Не то, чтобы Ученые Равновесия сами не знали, что им делать. Им были знакомы все пути и все способы — Нарана не знала ничего неизвестного людям. Но каждый человек в отдельности помнил мало, и потому не мог предвидеть всех последствий своих поступков. Кто из Врачей мог мысленно просмотреть всех предков и родичей Тиами? Кто из Управляющих мог знать поголовье всех тварей в каждом кусочке Равновесия и влияние всех этих тварей на каждый кусочек Равновесия? Никто.

«Люди не в состоянии запомнить и познать даже дела себе подобных, — об этом Нарана думала всегда. — Что бы они делали, представленные самим себе?» А они склонны забывать, что благополучие их началось в дни Скотовода, когда На-ра-на, прародительница, стала запоминать все случайности: каждую ветку с крупными и сладкими плодами, и каждого теленка от каждой коровы, и всякое снадобье, вылечившее больного. Она не боялась пользоваться случайным, у нее не было прошлого и потому не было страха. Она росла. Ко дню смерти второго Хранителя она имела уже три Уха Памяти, и день и ночь сменялись у Ушей, рассказывая ей новости и выслушивая советы, двенадцать Хранителей — бестолковые, суеверные Малоголовые, неспособные отличить причину от следствия. Уже тогда прародительница решила изменить их мозг...

...— Родилось Ухо Великой Памяти! — пропел старец. — Радость, радость! — Он восклицал, руки его дрожали. Он знал, что в момент рождения Уха Нарана вдохновляется и создает великую мысль.

...По всем звеньям Нараны прошел приказ Немого Уха, координатора. Решалась загадка «железных головастых», которые не знают существ, подобных Наране. Животных употребляют в пищу. Для охоты сооружают железные убивала, разящие без промаха. Они — Головастые высокого уровня; приспособлены к раздвоению, но, по видимому, не пользуются им. Требовалось решение, содержащее два ответа: где находится Равновесие пришельцев, кто сформировал их разум?

И тогда произошло небывалое.

Смокли гонии. Одна за другой подсоединялись к Памяти Синих холмов все Нараны Равновесия. Пораженные люди поднимались на ноги от Ушей Памяти — свет угасал, в подземельях наступала тишина. Такая тишина, что дыхание людей казалось шумом урагана. И так длилось время, до дюжины дюжин ударов сердца, пока не заговорила Нарана из поселения Водяной Крысы. Она спасла разум своих сестер, гибнувший под гнетом неразрешимого. Свет возгорелся, заговорила речь Памяти, но в поселении Синих холмов старый Хранитель лежал мертвым. Старческие его руки были прижаты к груди, к знаку Управляющего Равновесием.

«На охоте мы ищем утраченную доблесть», — вспомнил Колька чьи-то слова. Правильно было замечено. Он вернулся с охоты на саблезубых тигров другим человеком. И дело было не в удачных выстрелах, даже не в том, что он спас жизнь старшему Охотнику. Главное — он не испугался. Дрожь в коленях и обморок не в счет, абсолютно бесстрашных людей не бывает. Он не убежал и не делал глупостей, а в обморок упал, когда увидел свою добычу — пятиметрового махайрода с развороченным черепом. Он не придал особого значения словам Наной: «Я рада, Адвеста, что ты лишился сознания». Они сидели в лечилище, очень уютно сидели и закусывали дыней. Рада так рада. А он перестал ее бояться и впервые улыбнулся ей и не опустил глаза.

...Длинный жаркий день, зеленый дом и ледяной ручей в траве. Так у них было. Потом вечер — Охотники устроили празднество Слона в честь удачной охоты на Большезубых — слоновых убийц... Темный ветер дул поверху, от реки. Когда певцы умолакали, доносились повизгиванье гепардов и мерное бряканье струн, и беготня ночных обезьян в листве. Свежо и спокойно пахла ночь — остывающей листвою, плодами, чистой человеческой кожей. Наной-Мин держала Кольку за руку, а он сидел и боялся пошевелиться.

Утром явился Ахука — не поздно и не рано, когда Мин уже разбудила Кольку и она умылилась и поела. И он немного привык к ней и к странной звенящей боли в сердце. Боль усмирилась, если он смотрел на Мин — усмирилась так, что перебивала дыхание. С Колькой никогда не было такого. От смятения он взялся чистить пистолет, подкинул последний патрон на ладони. «Мрачная штука, последний патрон, — он вдруг ухмыльнулся во весь рот и сам растерялся. — Дурак счастливый, ты же не дома! Что радуешься?»

В этот момент и появился Ахука. Сумрачно поздоровался и набросился на еду. Пальцы его подергивались, словно он еще управлял Немагающим.

— Последняя железка, Адвеста?

— Последняя.

— Адвеста, я дюжину дюжин раз виноват перед тобой, — произнес он твердым голосом. — Но реку времени не повернешь к истокам.

— Да, подловил ты меня, охотничек, — беззлобно сказал Николай. — Подловил, конечно.

Ему все-таки стало не по себе. С какой стати Ахука лез в их дела, задерживал, суетился? «Врезать бы тебе, как доктор прописал», — подумал Колька, но сердиться не было духа. Он спросил:

— А где твоя обезьяна?

Наблюдающий небо передернулся, будто его укусили. Он сильно похудел за последние дни — нос торчал на узком клине лица, глаза стали по кулаку каждый.

— Тан умер, Адвеста. Я пришел с делом. Ты нужен Равновесию.

— Это мы слышали, — сказал Колька. — Теперь можно поговорить, м-да...

— Я дюжину дюжин раз виноват перед тобой, — повторил Ахука. Было видно, что он ни капли не раскаивается, и повернись «река времени» вспять, он снова принял бы за свое.

Николай совсем развеселился.

— Равновесию угрожает гибель, — продолжал Наблюдающий небо без малейшего пафоса. — Вы очень, очень вовремя появились, друг Адвеста.

«Ну, ты у меня не отвертись», — подумал Николай и сказал:

— Как же я могу помочь, друг Ахука? Я — в чужом Равновесии, я даже не знаю ничего о Наранах...

Наблюдающий небо вскинул брови — Колька подумал: «Начинается». Но Ахука помигал, соображая, и ответил без уверток:

— Великие? Мозг, ничего более.

Он заметил Колькино удивление и пояснил:

— Понимаю! В железном Равновесии Нарана должна выглядеть совсем иначе. О Памяти мы еще поговорим. Слушай меня, Адвеста: наше Равновесие нарушено. Помогите нам, научи нас железным наукам...

Николай оторопел. Закашлялся, чтобы скрыть изумление. Он-то хорошо помнил Заповедь Границы и то, что Ахука удерживал его вопреки всем, вопреки даже Наране, — чудак!

— А много ли вас, желающих научиться наукам? — дипломатично спросил Колька.

— Мало. Но кое-что уже сделано и подготовлено.

— За последние десять дней?

— За последние десять дней. И немного раньше. Теперь я спрашиваю — ты согласен?

«У вас все сыты и все под крышей, — думал Николай. — Нашел чему учиться, дурачина...»

— Друг Ахука, — сказал он. — Я хотел бы прежде узнать о вашем Равновесии.

Наблюдающий небо вежливо засмеялся, — несомненно, прежде всего Адвесте должно понять, какой помощи ждут от него раджаны! И Колька, наконец-то, получил связную информацию о Равновесии.

Всю жизнь раджанов определяли Великие. Они советовали Врачам, как надо лечить, Воспитателям — как воспитывать детей. Для Наблюдающих небо — расчеты, для Певцов — память обо всех песнях и мелодиях со времен Скотовода, для матерей — совет о выборе будущего для ребенка.

А для Управляющих Равновесием — «Наука о сытом желудке», как выразился Наблюдающий небо.

Управляющий Равновесием должен помнить до двадцати тысяч различных животных и растений, обитающих в Равновесии и вокруг Границы. Места обитания, повадки, пишу, циклы развития, — тысячи разных сведений о каждой живой твари. Этому учатся в Воспита-

лицах, и после них — у Наран, и весь этот Эверест информации представляет собою всего лишь язык, набор терминов для бесед с Нараной. Управляющий Равновесием должен знать любую тычинку, шерстинку, клубень, членик, коготь, зуб и ствол — чтобы указать на него Наране. Должен помнить нормальные размеры, нормальные скорости роста, чтобы доложить Наране о любом отклонении от стандарта. Чтобы понять советы Великой, он должен держать в голове все возможные взаимодействия между частями Равновесия. Ибо первоначальное простое действие распространится по Равновесию, как круговые волны по воде.

— Равновесие не может благоденствовать без Великих, — говорил Ахука. — Только Великим ведомы все цепочки и все звенья всех цепочек. Человеку не по разуму такое.

— Погоди, — сказал Николай. — Я чего-то не понимаю... Ну, будут крысы меньше ростом. Ну, съедят не то, а другое. Что тогда случится?

Он снова удивился — Ахука обрадовался такому вопросу. Улыбнулся, хлопнул себя по коленям:

— Э-а, ты — железный Головастый! Что случится? Мало будет пищи, одежды, листьев ниу, — он засмеялся. — Наше Равновесие тем и отлично от вашего, что в нем нельзя тронуть часть, не зацепив целого.

— Как ты можешь судить о нашем Равновесии?

— Железо, — сказал Ахука. — Железо безразлично, оно мертвое... — Он вдруг вскопчил. — Завтра я приду снова, Адвеста. Попроси у Врачей раздвоения.

Колька остался один, и прежде чем пойти в лечище к Наной, заставил себя мысленно проконспектировать весь разговор. Ему было обидно, — не смог сам догадаться, что производственная система, составленная только из живых существ, должна быть феноменально сложной и потому — уязвимой. Без сети решающих устройств она жить не может, конечно...

Только слишком уж много воли забрали их «решающие устройства» — даже жутко делается. Определенно — жутко. От этих Наран стоит держаться подальше...

Он дал пинка плоскохвостой крысе, подобравшейся слишком близко к его подошвам — держись подальше от царя природы. Подумал, не повлияет ли пивок на Равновесие. Усмехнулся. Может, и жуть потому, что есть другой кандидат в цари природы? А они здесь неплохо устроены, раджаки... Либо ученые, либо искусством занимаются, не то что у нас. Пока у нас коммунизма нету. И машин таких нет, чтобы смогли все наше равновесие охватить анализом. А у них есть — живые машины. Хорошо это? Хорошо. Что ж ты пыхтишь, Свисток? Не знаешь? Ну, то-то...

Глава 5.

«Почему ты полюбила меня?» — «Полюбила». — «Но почему — меня?» — «Потому что тебя. Ты рыжий, как мой Уртам.»

Была их вторая ночь, и в доме было так тихо, как никогда не бывает, как не бывает вообще. Он открывал глаза в сумрачный глеющий свет зеленых стен. Свет вытекал из листьев и, наполнив дом, уходил наружу, в лес, как теплый воздух на мороз. Николай засыпал и во сне видел, что его вызвали к Наране отвечать, будто в школе к доске. Просыпался — Мин была рядом. Лежала, смотрела на него. Когда урок приснился в третий раз, Николай спросил, как Великая смогла научить их языку за один день. «Как нас научает языку Памяти во время Воспитания, так и тебя. Одинаково», — «Но как она учит?»

Мин вздохнула, не ответила. Дыхание ее было свежее, без сонной замедленности. «Ты не спала, маленькая?» — «Нет. Мы спим меньше, чем вы». — «Женщины?» — «Ты спи, Адвеста. Раджаны спят меньше, чем лью-ди». — «Почему?» — «С раздвоением спят меньше». — «Что же вы делаете ночью?» — «Поем песни, говорим с Нараной. Работаем». Он лежал в сонном оцепенении, ощущая тяжесть ее головы на своем плече. «В воспиталище я часто думала о Наранах. Выросла и перестала думать».

Прошуршало что-то в траве. Он прислушался — стихло. Крыса. Тиканье часов не слышно, забыл завести. И о часах никто не спрашивал, не поинтересовался. Даже Ахука. Господи, что вы за люди такие? — Мин... А Воспитатели знают, как Нарана учит речи?

— Воспитатели — нет. Помогают Великой, повторяют на раджана ее пение... Как учит — не знают, нет... Вот такая я была, — она вытянула тонкую руку над полом, — Совсем маленькая, в воспиталище, во-от такая, и уже помнила, что Великая живет в подземелье и будет учить нас речи. Ранним утром пришли к нам чужие Воспитатели, а ко мне приблизилась женщина и сказала: «Я научу тебя речи Памяти, белочка». Я рассердилась. Я ждала, что мне достанется научение со своим Воспитателем, а чужие поведут других детей. Но, рассердившись, я не подала вида: мне хотелось поскорее увидеть подземелье Памяти, и Художников с листьями ниу вдоль больших дорог, а может быть, и больших птиц, которых мы еще не видели. И Воспитатели взяли нас на спины и побежали с нами через лес и по дорогам, а перед холмом Памяти мы пошли сами, каждый рядом со своим учителем. Художники сидели на траве и рисовали нас, на холме играли Певцы, мы оглядывались на них, они же улыбались нам и играли. Знаешь, Адвеста, я выросла и мне определили воспитание Врача, и тогда лишь удивилась, почему речи учит Нарана, а не люди. Ты спишь?

— Нет, — пробормотал Колька.

Он представил себе крошечных коричневых ребятишек, сидящих перед Нараной, во всю длину туннеля, и среди них кудрявую девочку, и подумал, что здесь нет фотографий, и он никогда не узнает, какой она была маленькой — с коричневыми босыми ножками и серьезным взглядом. Он лежал счастливый, тихий, сомневающийся во всем. Ах, этот мир — вторая жизнь, и в ней еще меньше определенности, чем в первой, она полна неясности, она должна быть чужой и пугающей —

почему же он счастлив? Нет ничего, кроме Наной. И еще — пистолета с последним патроном. Все твои гарантии, Николай Карпов.

Он снова и снова задремывал. Кто-то ясным, звучным голосом прочел стихотворение — он знал его по той жизни и слушал небрежно, подкидывая на ладони последний патрон:

Слова — как пули. Девять грамм

Свинца на каждое. Молчи.

Рассвет-убийца, тать в ночи.

Сейчас в глаза заглянет нам.

Жить без тебя,

Спать без тебя,

Чужие губы целовать,

В похожую на гроб кровать

Одной ложиться —

Без тебя.

...Ну, вот и все.

Отсюда — врозь.

Знакомой болью губы сводит.

Как пуля в мозг,

Как в горло нож,

Как в сердце — гвоздь

Рассвет приходит...

Он проснулся на рассвете. Переключались Охотники, замычали буйволы в лесу. Рассвет наступил и был хорош — зеленый, солнечный, и совсем не походил на «татя в ночи». «Околдовали меня, что лп — подумал Николай. — Я горевать должен...»

Он сделал зарядку, попросил у Наной бахуш для раздвоения. Он знал, что теперь перенесет эту штуку, а сегодня ему понадобится полное напряжение мысли.

— Не всматривайся в глубину себя, — напомнила Мин. — Услышишь два голоса, съешь бахуш-ора.

Раздвоение наступило через полчаса — как раз пришел Ахука. За ним радостно семенил новый Тарас Бульба, еще смешнее старого. Колька узнал его — раненая обезьяна, которую в день охоты врачевал Лахи. Новый Тарас лнул к Ахуке с таким же обожанием, как прежний — хныкал «ах-ах-ах» и не желал уходить на дерево.

Наблюдающий небо озабоченно посмотрел на Николая:

— Врач Лахи пересказал мне ваш разговор... Ты не шутил, Адвеста? В железном Равновесии нет Наран? О-а, это больше, чем я мог ожидать...

— Сегодня — о вашем Равновесии, — сказал Колька.

Ахука виновато закивал и огорошил его неожиданной лекцией. О солнечных лучах. Оказалось, что ученые Равновесия принимают во внимание не только энергетический баланс солнечного тепла, как наши агрономы, но и информационный баланс. И считают его не менее важным, чем энергетический. Солнечные лучи пробуждают животных от спячки, толкают их к размножению и к миграциям, вызывают изменения в потомстве. Служба Наблюдающих небо только этим и занята — контролирует солнечное излучение!

В общем-то Колька знал, что излучение действует на наследственность, и на Земле этим занимается наука радиобиология. Но ведь — наука не практика... Представьте себе, что агрономы и зоотехники вынуждены непрерывно подстраиваться под уровень солнечного излучения — ничего себе работа! Колька вдруг уразумел принципиальное отличие биологической цивилизации от машинной: другой уровень устойчивости. Неурожай или падеж скота в нашем мире не так уж опасны. Есть холодильники, гигантские элеваторы, консервная промышленность. Они создают запасы, транспорт распределит их, когда понадобится. А здесь все едят прямо с деревьев. Черт побери, как же безукоризненно обязана работать здешняя система, если в ее сфере не только люди, но еще миллиарды живых существ, и ничего нельзя заготовить впрок и перевезти с места на место! Пустынный недород становится катастрофой.

Он подумал, что в неразвитых странах так и происходит, в сущности. И что машины имеют свою оборотную сторону, природу они губят. И что наша стабильность довольно сомнительна — жажнут десяток водородных бомб, вот вам и хваленая устойчивость...

Этими мыслями была занята одна часть его сознания, а другая четко, как табулятор на перфокарты, отбивала: первое — дезорганизующее действие Солнца; второе — Нараны в своих пещерах экранированы от излучения; третья — полгода тому назад вспыхнула Звезда с мощностью невидимого излучения, превышающей солнечное; четвертое — ценою больших усилий удалось стабилизировать Равновесие; пятое — животные Дикого леса словно обезумели, и Равновесию угрожает опасность с Границ; шестое...

— Что-о? Лучи Звезды затронули Нараны? — охнул Колька.

Ахука повторил:

— Лучи Звезды прошли в подземелья, и Великие потеряли меру вещей. Они посылают на Границу Воспитателей.

— Разве это настолько опасно?

Наблюдающий небо взглянул на Кольку, мягко говоря, с удивлением. Еще бы! Такие действия чрезвычайно опасны — Равновесие зиждется на тщательном воспитании, на умственном качестве людей и градиенте роста. Воспитатели всегда рассматривались как последний резерв, а сейчас Нараны посылают их в Охотники тысячами. Отдаленные последствия плохого воспитания будут ужасными. Спустя несколько поколений захиреют науки, от этого еще больше ухудшится воспитание и, в конечном итоге, Равновесие вырвется из рук Управляющих, плохо знающих свое дело. Следом за гибелью наук придет голод.

— Я вот что, Ахука, — сказал Колька. — Я не совсем понимаю: каждая Великая — огромный мозг, так? Они много разумней, чем люди. — Ахука кивнул. — Может быть, им и сейчас виднее? Поясню примером: собака не может судить о разуме человека. В состоянии ли вы судить о разуме Наран?

(Продолжение следует)

Рис. А. АНТОНОВА

Ахука печально улыбался.

— Я ученый, и не мог бы судить на основе недостаточного знания. Нарана из поселения Водяной крысы живет в скальной пещере, в двухстах шагах под поверхностью. Лучи не могли пронзить такую толщу камня. Я проверил это с помощью нардигов, а потом говорил с Нараной, и она подтвердила мои мысли. Я спрашивал трижды. Она трижды подтвердила, что другие Великие потеряли меру вещей...

— Да, это впечатляет, — сказал Колька. — Заэкринированная Великая Память! А не могла Нарана говорить... неистинное?

Наблюдающий небо поднял брови.

— Великие не могут говорить неистинное, если они здоровы.

Ахука не понял, что Колька под «неистинным» подразумевал ложь. Этого слова не имелось в языке, и понятия такого не имелось... Николай буркнул:

— Удивительно... Могла просто отказаться отвечать.

— Великая всегда отвечает.

— Вот как? А что она говорит о будущем Равновесия?

— Великих о будущем не спрашивают, Адвеста.

Николай не успел спросить — почему. Из лечилища выбежала Наной; промчалась Охотники, прокатилась стая собак, заорали обезьяны... Что случилось? Они бежали к болоту — пастбищу буйволов, откуда доносилось возбужденное, ревушее мычание.

...Охотники отгоняли огромных черных буйволов от дерева, косо нависшего над болотом. Наной внимательно смотрела вверх, вожак ее стаи, рыжий Уртам, носился среди буйволов, прихватывая их за лодыжки.

— Что видишь ты наверху, Белочка? — спросил Колька.

— Там человек. Рогатые загнали его на дерево, — с веселым недоумением отвечала Наной. — Станный человек! Он — из новых Охотников, прилетевших сегодня. Зачем пошел он к Рогатым?

— За лошадью, — спокойно сказал Ахука.

Лахи кричал:

— Спускайся, скудоумный! Рогатые уши!

Человек на дереве зашевелился, медленно полез вниз по стволу, придерживая зубами тетиву лука. Ахука зло, напряженно смотрел на него. Обернулся к Брахаку:

— Узнаешь его, почтенный? Ты не верил мне. Узнаешь? Это Акшах, один из «потерявших имя».

Точно! Тот самый человек, который останавливал Ахуку в подземелье Нараны... «Чудак печальный и опасный», — вспомнил Колька.

Брахак приблизился к чудаку и величественно спросил:

— Тебе нужна лошадь, Акшах? Вот Охотник, Хранитель лошадей.

Охотники громко смеялись. Кольке казалось, что разыгрывается спектакль, в котором участвуют двое актеров, знающих сценарий: «потерявший имя» и Ахука. Прочие веселились, не понимая трагического смысла действия.

Хрипеватый человек не ответил Брахаку, реплика не предусматривалась пьесой. Он шагнул мимо Брахака к Николаю — правая рука на рукоятке ножа.

Опять-таки никто не понял, никто не увидел смысла в этом движении, не попытался остановить его. Колька увернулся от первого удара — Акшах, с окаменевшим, сонным лицом, замахнулся еще раз. Колька ударил его по руке. Хватило бы щелчка, — нож улетел далеко и вонзился в землю. Кто-то вскрикнул. Подскочил Лахи, сгреб безумца в охапку, потащил в лечилище.

Глава 6.

Ахука говорил непонятное:

— Вовремя явился Потерявший имя...

— Вовремя? Для кого? — спрашивал Николай.

— Для меня. А ты настоящий охотник, Адвеста.

Разговор был на пути к поляне гонии. Возбужденные Охотники собрались у дерева.

— Акшах не безумец. Он потерял имя, — растолковывал Наблюдающий небо, остро блестя глазами. — Великая сделала его своим продолжением, боевой обезьяной...

— Как вы это терпите?

— До Звезды подобного не случилось, Адвеста...

Прежде чем Наблюдающий небо договорил, стало понятно, что Нарана пыталась и его, Кольку, во время обучения подчинить себе, но Ахука прервал урок, и именно за вмешательство его упрекал «потерявший имя». Стало понятно, что Нарана не приказывала Акшаху убивать — он разгадал ее желание, прилетел на Шестой пост и заранее готовил лошадь для бегства.

— Вовремя, — зло улыбался Ахука. — Потерни, Адвеста. Сейчас я буду говорить для всех.

...Вокруг гонии сидели все свободные Охотники. Брахак напряженно хмурился, поглядывая в сторону лечилища. Николай сел рядом с Наной.

— Его будут судить?

Наной прошептала:

— Заповедь: «Поднявшему руку на Головастого — нет прощения».

— Да он безумец!

— Нардики покажут, Колия...

Наковец явился Лахи, за ним вели подсудимого. Брахак проговорил:

— Совет тревоги, — все наклонили головы. — Мы слушаем, Врач Лахи.

— Болен он, — сказал Врач. — Болен. — Общее движение, улыбки. — Он спит наяву. Имени своего не помнит, называет себя «Сыном Нарань»!

— Я Сын Нараны, — подтвердил четкий голос.

Охотники с облегчением зашумели. Больного надо лечить и вылечить — что может быть проще? Для этого есть Врачи. Один Брахак помрачнел еще пуще и, наклонившись, посмотрел на Ахуку:

— Наблюдающий небо, ты говорил истинное!

— Голубые жуки всегда говорят истинное, — сказал Лахи. — Что он скажет на этот раз?

— Спроси совета у Нараны, — ответил Ахука.

Охотники беспечно шумели. Певец Тапа ударил по струнам и играл, пока Лахи не прогремел на всю поляну:

— Нарана говорит: «Он здоров, отошлите его в поселение»!

Стало очень тихо. Певец прижал ладонью струны. Все смотрели на Ахуку, а он с напускным спокойствием поглаживал бороду.

— Ты прежде не путал нардигов, Врач Лахи, — сказал Джаванар. Ахука медленно улыбнулся:

— Врач не путает, Охотник... Мы спрашивали Нарану из поселения Синих холмов, теперь спросим Нарану поселения Водяной крысы.

«Прихоть!» — проворчал Строитель. Остальные молчали. Колька думал: «Ловкач, ловкач... Об этой Наране и говорилось, что она в глубокой пещере».

Да, теперь уж никто не смеялся. Люди внимательно слушали, стоя за спиной Лахи, как он вызывал далекое поселение, как гония долго звенела ровным гулом, ожидая ответа, и наконец стремительными, дробными звуками передала слова Нараны. «Не здоров и не болен. Умер. В его голове иной смысл и разум, вложенный сестрой моей из Синих холмов», — громко перевел Лахи.

Замерли все, стали одинаково серыми, похожими на Потерявшего имя. Он сидел и неподвижно смотрел на пришельца. Наной поспешно

раздавала бахуш-ора. Почему-то она выглядела самой спокойной — Колька спросил шепотом:

— Ты знала раньше о Потерявшем имя?

Она кивнула.

— И Брахака знал?

— Брахака не хотел поверить. Ахука предупреждал его.

Люди отдыхали и размышляли долго. Наступила полуденная жара, когда Брахака спросил:

— Что думает об этом Наблюдающий небо?

Ахука ответил:

— Что я думаю, того не стану говорить при Потерявшем имя...

Костявого человека увели. Он шел безропотно, но смотрел все время на Кольку.

Наблюдающий небо выступил вперед, под яростное солнце, и начал свою речь. Сначала он сказал о Звезде — то, что Николай уже слышал, — потом заговорил о безумии Великой.

...Колька закрыл глаза. «Господи, как же они испуганы! — думал он. — Беспечные, нелюбопытные люди... До тошноты испуганы!» Даже смотрят на них было тяжело. Но Ахука говорил безжалостно:

— Нам нужно Равновесие, способное просуществовать без Наран. Равновесие, в будущем не подверженное таким случайностям, как вспышки Звезды, или наводнение, или просто затянувшийся период дождей — как было три дюжины лет назад. Так считают многие Наблюдающие небо. Другие хотели бы восстановить прежнее — заменить больных Наран материнскими почками от здоровой. Еще одни надеются, что Великая сумеет найти лекарство от болезни своих сестер. Но кто уверит нас, что в следующем поколении не вспыхнет еще одна Звезда? Кто нас уверит, что безумие не посетит Великих снова?

Слушайте меня, раджаны. Вот пришелец из Равновесия, давно прошедшего нашу дорогу — так давно, что прошлое ими забыто. Теперь они вольны пользоваться живым и неживым по своему выбору. Они летают без птиц, и переговариваются без гоний, и накапливают знания без Наран. Управляют Равновесием без Великих, раджаны! — Ахука огляделся. — Вы все — Охотники. Знаете, что Большезубого должно убить, прежде чем он прижмет нас к деревьям слоновника... И я говорю, не дожидайтесь, пока нас прижмет. Надо ввести в Равновесие рукодельные науки, чтобы не зависеть от случайных изменений живого...

Лохматый коричневый человек с привычно прищуренными глазами астронома и мускулистым торсом лучника хотел изменить сущность цивилизации, отбросить основы!

Вместе с восхищением Колька испытывал странное чувство, вроде бы «автизитизм». Он понял и принял единственную догму раджанов: действие должно быть продумано до конца, со всеми его последствиями и последствиями последствий. Ахука же предлагал действовать наобум, без анализа, да и какой анализ на пожаре...

«А ты — жестокий человек, Наблюдающий небо, — думал Николай. — Я бы так не мог. Бедные Великие... И как ты сам обойдешься без Великих? Они тебе дают научное общение, заменяют лекции и семинары; журналы и книги, даже записную книжку — ох, смотри, друг Ахука...»

Когда Наблюдающий небо спросил: «Кто пойдет со мною на полночь?», многие стали поглядывать на пришельца — ждали его рассказа о железном Равновесии.

Нет, в эту игру его не затянешь... Решайте сами, ребята, — вы знаете больше, чем Николай Карпов, и лучше представляете меру своей ответственности.

Колька встал и ушел. Никто его не удерживал. Лишь Нанон, странно спокойная, поднялась и пошла с ним.

Глава 7.

Ахука не был первым раджаном, познавшим одиночество. Преступники, изгнанные за пределы Равновесия, оставались один на один с Диким лесом. Но Ахука был одинок внутри Равновесия, и мысленно он называл себя «тхавинг», Одиноким. Он понимал, что затеял безнадежную борьбу. Его тянуло отыскать Дэви, уйти на песчаные пляжи Раганги. Не думать. Отпасть от всего и быть с Дэви, как Адвеста с Нанон. Странное желание. Полагаю назад он посчитал бы его болезненным. Теперь он понимал, что в Железном Равновесии люди соединяются в постоянные пары, боясь одиночества. Пожалуй, он понимал больше, чем человек может вынести.

Чрезмерное понимание лишает воли. Но Ахука не был обыкновенным человеком. Еще третьего дня, перед вылетом на Границу, он передал по гониям условный сигнал: «Куйте железо». Сигнал вызвал на полночь, к большому старинным кузницам, три дюжины дюжин людей, единомышленников Ахуки — Наблюдающих небо и Кузнецов. Каждый из них приводил с собою еще нескольких, но Управляющих Равновесием среди них не было. Теперь с Границы выступил отряд, состоящий из полутора дюжин Управляющих, двух Врачей и, главное, с ними был Адвеста, пришелец. Помог случай с Акшахом.

...В устье дороги ржали лошади. С Охотниками уходили собаки, гепарды, боевые обезьяны. Поэтому половине отряда предстояло долгое путешествие верхом, с охотничьими животными, через весь северо-запад Равновесия. Ахука, Джаванар, Лахи и Нанон с пришельцем должны были пересечь на Птиц в ближайшем питомнике.

В четвертый раз Колька собирался в путь. После Совета тревоги Ахука спросил: «Пойдешь ты с нами, Адвеста?» — «Говорили уже. Что перетолковывать?» Тогда Ахука объяснил, чего он ждет от пришельца. Колька должен обучить Наблюдающих небо и Кузнецов «железным наукам» и слесарному ремеслу.

Николай долго, невесело смеялся. Где уж вам, это немыслимое дело — создать техническую культуру сразу, на пустом месте! Бук-

вально на пустом месте, даже в языке нет технических терминов. Чтобы выразить понятие «сопротивление материалов», Ахуке пришлось составить такую фразу: «Расчет силы, прилагаемой, дабы согнуть и не сломать, пригодный для всех случаев вообще». Машины он именовал «железными многосоставными предметами».

— Тебя надо было Адвестой называть, — саркастически сказал Колька. — О расчетах целая наука имеется — за год не изучишь...

Ахука спокойно возразил, что «третий язык» — математика планет — должен быть похож на «третий язык железных наук». Николай перестал смеяться. Спросил, как же они пользуются «третьим языком», неужели все расчеты делают в уме?

— В уме? — переспросил Ахука. — В раздвоении, а не в уме.

— Как понимать твои слова?

— Ты съел плод, — сказал Ахука. — Ты откусывал, жевал, глотал. Переваривал его, превращая древесный плод в свое тело. Твой мозг управлял кусанием, перевариванием, но твой ум в этом не участвовал, правда? Так мы делаем расчеты. Мы думаем: «надо посчитать то-то и то-то», а после перестаем думать. Вся работу делает раздвоение. А как считаете вы?

Колька показал письменный расчет, мелком на листе ниу. Ахука хохотал и веселился — потешные значки, забава! Этот крючок означает цифру пять?! А этот — три? А почему нуль входит в десятку?

— Видишь, — сказал Колька, — я не сумею быстро научить вас своим расчетам. Мы привыкли даже думать руками...

— Сумеешь, — уверенно отвечал Ахука. — Значки просты для понимания.

С этим они и тронулись в дорогу, и Колька, естественно, стал испытывать свои новые возможности. Возвел в четвертую степень основание натурального логарифма — 2,718 — и мгновенно получил пятьдесят четыре и шесть десятых. Он проверил подсчет на листе ниу — на ходу сорвал с дерева — и получил то же самое. Вышло, что раздвоение и впрямь позволяло считать в уме... то есть в подсознании, и к тому же производить разумные округления. Значит, дело не в тренировках: бахуш включает какие-то области мозга, заставляет их работать, а не дремать без толку.

Он развлекался еще некоторое время, проделывая сумасшедшие вычисления, как эстрадный счетчик. Потом кончилось действие бахуша и стало нехорошо. Наступило похмелье. Закачались коричнево-зеленые стены, потянулась дорога час за часом, и он преодолевал эти часы, и все слышал прощальные слова Брахака: «Я вырастил гонию на поляне Железного дома. Если вернутся друзья твои, прямо с поляны пошлют тебе призыв, Адвеста».

...Мягко стучали копыта, вскрикивали охотничьи звери; мерно, неторопливо продвигался отряд. Копыта стучали: не вернутся. Ты напрасно старался, Управляющий Равновесием. Пришельца не найдут. Никогда. Совмещенные Пространства охватывают тысячи вселенных, и отыскать одного человека, жалкую крупницу живой материи, менее вероятно, чем выловить одну определенную рыбку в океане. Он утратил координаты, он безличен теперь, как осенний лист, упавший в лесу. Но ребята стартуют. Они должны стартовать и уходить на поиск вопреки любым теориям. «Как в горло — нож, как в сердце — гвоздь...» Они должны искать, пока есть хоть ничтожная, невообразимо-малая вероятность, тень надежды.

«Тень... — горько думал Николай. — Нет даже тени надежды. Четырех человек баросфера не примет».

Так вышло, что здесь Нанон, и если баросфера сможет принять их обоих — вдруг придет сюда и сможет принять, — все равно ничего не выйдет. Климат, пища, городской воздух. Об этом и думать глупо...

...Он еще тысячу раз вернется к надежде и потеряет ее. Будет выбегать с задохнувшимся сердцем на каждый вызов к гонии — вернуться?! И будет представлять себе, что делают дружки сейчас, хотя никакого «сейчас», никакого совмещения времени нельзя предположить в Совмещенных пространствах. Но безразлично! — сейчас, он знал, — сейчас они стартуют, и кровь отливает от мозга при переходе, и синий клуб озона поднимается над асфальтом...

...Так начиналось величайшее, со времени Киргахана, событие в истории Равновесия. Позже назовут его Поворотом Ахуки, будут осмысливать, строить предположения. Никто не будет знать, что вначале была дорога и кучка всадников, и среди них — смятенный, одинокий, потерянный Николай Карпов, которого назовут Адвестой Рыжебородым, Пришельцем, Железным Адвестой, а еще долгое, долгое время спустя — Шестируким властелином железа, а еще позже забудут и его вместе со всем, что было.

Дорога, питомник, долгий полет на Птицах. К исходу вторых суток они достигли цели. Холодный ветер нес запах льда, за коричневым островерхим хребтом алаи на закате снежных Высочайших Гор. Поселок был маленький, плохо обжитый, с высоты он был виден весь. Треугольник между рекой и дорогой. Но Равновесие везде одинаково. Здесь тоже пахло чистой водой и плодами. В воздухе плыл вечерний шум: трескотня древесных лягушек и обезьян, песни, ровный гул Раганги на порогах, и мягкие шаги людей. Под вечерним небом светились бордюрные травы, обозначающие проулки. На пологом косогоре высвечивался желтый огромный узор, похожий на виноградную кисть, — каждая ягода по четыре метра в диаметре. Он тянулся далеко, к берегу Раганги — весь косогор выглядел гигантской декоративной клумбой. Но это была не иллюминация в честь новой жизни, как подумал Колька. Строились новые дома. Бурный рост стен сопровождается ярким желтым свечением, похожим на свет в подземельях Памяти.

— Здесь тебе будет лучше, — сказала Нанон. — Воздух сухой и прохладный.

Они повернули к косогору и пошли среди фундаментов этой странной стройки.

Над берегом тихо шипели стволы-водососы, поднимающие воду Раганти на верхнюю точку косогора. Вся площадь была иссечена канавками-арыками, кое-где в них еще возились роющие животные, обравнивая откосы. Другие канавы уже проросли травой, и в них паслись водяные козляки. Копытца стеклянно булькали в воде. За кольцами стен, еще не достигших метрового роста, суетились большие грызуны Строителей, что-то погрызали, волоча трехгранные хвосты. Кое-где можно было увидеть и самого Строителя, коренастого, сурового, с замашками полководца. Он посылал грызунов, резко взмахивая ладонью, повернутой определенным образом. Один Строитель, освещенный снизу, как театральная призрака, тихо засмеялся и промолвил:

— Э-а, Железный человек уже здесь! Нравится ли тебе наше домостроительство? Теплой полуночи!

— Теплой полуночи, очень нравится, — сказал Колька. — Идем, Рыжая Белочка.

Он устал. Переезд был трудный, долгий. Эту жизнь надо принимать такой, какая она есть. Позже он попробует найти свое место и свою дорогу, а сейчас ему нужно, чтобы Нанон была рядом.

Глава 8.

Прошел месяц. Вторая жизнь, как казалось, захватила и успокоила Кольку. Он по-прежнему был счастлив с Нанон, старался быть с ней как можно больше, но работы тоже становилось все больше. Сразу после переезда ему пришлось приступить к «этим идиотским лекциям», как он выразился про себя. Он здорово волновался — идиотские или нет, а к делу надо относиться добросовестно.

Сначала он собрал группу Наблюдающих небо, чтобы разобраться в их познаниях и выработать общий словарь. Он предупредил Ахуку, что понадобится доска, и для занятий было выбрано уютное место, в тени, под гладким срезом скалы, черной, как настоящий аспид. Слушатели рассаживались на земле, а Колька топтался перед «доской», пробовал рисовать, стирать и угрюмо оглядывался.

Он волновался и почти не верил в успех. Переводить с одного математического языка на другой несколько не проще, чем с русского на язык ирокезов, в котором каждая фраза выражается одним словом, длинным, как поезд. Даже труднее. Николай уже знал, что раджаны обходятся без понятия тригонометрических функций, пользуются совершенно иными абстракциями, а мы без синуса и тангенса не представляем себе математики. Правда, ламяты у раджанов была не чета нашей — все уравнения, формулы и преобразования они держали в уме и решали в уме, как шахматисты, играющие «вслепую». Но, оглядывая сотню лиц, обращенных к нему с доброжелательным и доверчивым ожиданием, Колька просто не знал, как подступить к теме. Подбегали опоздавшие, усаживались, посмеивались — черные головы, черно-коричневые лица. Почему-то в первом ряду сидел старший Охотник Джаванар.

— Мы ждем, о Воспитатель, — прокричал кто-то, и остальные подхватили со смехом: — Да, мы ждем, о Воспитатель!

«А, шут с вами...» — пробормотал он и вычертил на скале оси координат. Назвал: икс и игрек. Начертил параболу и написал формулу: икс равен игрек-квадрат. Оглянулся — молчат, смотрят. Тогда он нарисовал вторую параболу и опять дал уравнение. $x = y^2 + c$.

Смотрят, молчат...

Вспотев от волнения, он быстро повторил параболу в первом квадранте — формула — и в третьем квадранте — тоже дал формулу... Секунда тишины, и поднялся шум. Наблюдающие небо орало на двух языках — Колька так и не понял ничего. Внезапно крик смолк. Тот голос, что кричал «Мы ждем, о Воспитатель!», сдержанно произнес:

— Мы поняли, Адвеста.

— Что вы поняли?

Женщина из первого ряда подошла к «доске» и вычертила аккурратный эллипс с большой осью, совпадающей с линией икс. Прищурилась, подбросила мелок, и выписала каноническое уравнение эллипса. Колька обмер. Стало как-то даже нехорошо, томительно... Он знал, что эта женщина никогда раньше не видела алгебраических символов. Конечно, Наблюдающие небо умели рассчитывать криволинейные траектории — параболы, гиперболы, эллипсы, но в каких-то совершенно иных абстракциях. И — нате вам! По четырем преобразованиям уравнения параболы они освоили единым махом символику алгебры и геометрии и могли уже самостоятельно выводить уравнения других кривых. И поняли, что каноническое уравнение — наиболее характерно... Так. Теперь ясно, что Ахука не зря замашивается на сопромат. И еще было обидно до невозможности: почему они так умеют, а мы — нет!

...Через полчаса он перестал удивляться и обижаться... Вот что получилось. Он повторил те же уравнения в полярных координатах, чтобы показать тригонометрические функции. Его поняли. Тогда он чертыхнулся и ввел понятия массы, скорости и дал уравнение движения небесных тел. Повторилась та же процедура: пара минут молчания, и яростный, шумный спор, в котором слышалась новая нота — удивленно-пребрежительная. Наблюдающие небо не могли представить себе математических выражений, в которых от-

сутствует неопределенность, свойственная любому природному явлению. Не бросился ведь абсолютно упругого тела или абсолютно равномерного движения... Урок получил Колька, а не раджаны. Он их ничему не мог научить. Они соглашались изучать земную математику, механику и прочее, чтобы пришелец мог пользоваться привычной терминологией.

К Колькиной чести, он не обиделся. Даже внутренне не разгорячился, не бросился доказывать, вот, мол, и у нас имеется настоящая математика, это я вам детские, начальные вещи объясню! Нет, ему пришло в голову, что Кузнецы, собравшиеся к Ахуке, тоже не лыком шиты; даром он смеялся, когда узнал их планы.

...Первая встреча с Кузнецами состоялась на следующий день. Теперь уж Колька был осторожен и вкрадчив, как кот, перебирающийся через лужу. Посмотрел инструменты, горны, рудные и стальные печи. Техника была примитивная, конечно. Железо выплавлялось, как в двенадцатом веке — на древесном угле, губчатое. Медь варили в глиняных тиглях и так далее. Но перед станком для точения стекла Колька остановился. На вид просто: кривошипная передача, которую вертят ногами, зажим... Пстойка-ка. Зажим был гидравлический, и этого Колька не разобрал, пока не объяснили: запаянная бронзовая пустотелая линза, на ней — три лапки-державки. Стекло заготовка вкладывается в державки, когда линза нагрета, а после охлаждения лапки сжимаются и захватывают стекло. Резец был алмазный, установленный в суппорте, похожем на паучью ногу — тубчатом, с тремя суставами. У нижнего сочленения торчала маленькая рукояточка, с очень легким ходом. Нажал чуть-чуть — лапа ходит в суставах, но без этого суппорт неподвижен, как из целого куска откованный. Честно говоря, Кольке захотелось тут же разобрать машинку и посмотреть ее внутреннее устройство.

Поодаль от печей Кузнецы собирали гидравлический пресс из кованых стальных деталей. На этом прессе они будут делать из железного порошка наконечники для стрел — объяснили Кольке. Прессованный наконечник кладется в печь и сваривается, а потом немного затачивается вручную...

Это было чересчур. Металлокерамика, видите ли! Один из самых современных способов производства — и наконечники для стрел!

— От меня вам что потребовалось? — спросил он Ахуку. — Сами все умеете. Я лучших способов не придумаю.

Как при первом знакомстве, Ахука взял у него пистолет. Разобрал, детали разложил на куске «древесной кожи». Собрались Кузнецы, сели на корточки, кругом. Джаванар опять был тут как тут.

Кузнецы были молчаливы. В Равновесии все касты равны, но эта не пользовалась уважением. Так уж пошло! Недаром они клеймили преступников, а не другая какая-либо группа. Они молчком собрались, молча крутили в пальцах железки — части машинки, мечущей наконечники без стрел... Ахука ждал, пока все посмотрят, потом объяснил: они хотят, чтобы Адвеста научил их делать подобное оружие, но более мощное.

Что же, при незаурядном мастерстве и вдумчивости раджанов, это было не слишком хитро. Значит, ружья... Калибр — миллиметров десять...

— Сколько их понадобится?

— Через год потребуется трехкратно помноженная дюжина, — отвечал Ахука.

Кузнецы кивнули. Колька сморщился — две тысячи ружей, нужен целый завод!

— Такие же хотите, самодействующие?

— Мы хотим заменить четырех Охотников одним, вот зачем нам нужны такие железки, — сказал Ахука, а Кузнецы кивнули. — Охотник должен стрелять вдвое дальше, чем теперь, и шестеро быстрее. Во имя Равновесия! Иначе не стоило бы делать железки.

— Через год? — уточнил Колька.

— Э-а! Боюсь, что будет поздно и через год.

Молодой Кузнец хлопнул себя по коленям:

— Закрывать Границы мы должны, закрыть от малоголовых! Оружие требуется нам, непривычным держать лук. Наши друзья Охотники не хотят, не могут убивать.

— Я подумаю, — сказал Колька. — Отвечу завтра, друзья Кузнецы.

Кузнецы поднялись, попрощались, пошли по своим местам. Их движения были стеснены фартуками из древесной кожи, выращенными на «кожаных деревьях». Один из них забыл на траве инструмент, Колька подобрал его и осмотрел — молоток, оказывается...

Ты ли это, Колька Карпов? Голый, с облупленным лицом и спиной, сидишь под блестящими, сине-зелеными листьями, в жарком, чуждо пахнущем воздухе рядом с взъерошенным коричневым парнем, остроглазым и бородатым. В руках у тебя тяжелый зеркально полированный молоток. Закрой глаза — все покажется сном. Даже молоток чужой по всему. По шестигранному бойку, изогнутой, как бы смятой рукоятке. Удобная рукоятка. Очень удобная. Сладкий ветер тянет по мягкой, шелковой траве... Сон. Прессованные наконечники для стрел. Здесь проще наладить производство автоматического оружия, чем научить профессиональных охотников убивать... Кстати, почему Джаванар за ним ходит, как нитка за иголкой?

Вернулся Гинкхаг за своим инструментом. Колька выговорил с усилием:

— Ладно, Ахука. Я должен все продумать. Работа большая. Гремучего снадобья нужно два сорта...

— Почему — два? — жадно перебил Кузнец.

— Э-а, поговори с ним, — сказал Ахука. — Он разнообразный умелец.

И Колька не стал откладывать на завтра. Объяснил Гинкхагу, зачем нужен детонатор. За разговором они очутились на вчерашнем месте, у «доски», снова среди Кузнецов. Он ушел от кузниц на закате — страшно усталый, успокоенный.

...На следующий день около печей появились брусья тяжелого желтого дерева. За ночь Кузнецы придумали водяную мельницу—вертеть станки.

Вот как пошло дело, и в нем пришелец Николай Карпов отыскал спокойствие. Враждебная воля Наран сюда не доставала. Ему было приятно работать с Кузнецами. Не приходилось понукать и объяснять дважды, далеко не всегда требовалась его инициатива. Прежде чем он вспомнил, например, об измерительных инструментах, к нему явилась Кузнец и спросил: «Как вы в Железном Равновесии получаете одинаковоразмерные предметы?». Он набросал чертежи штангенциркуля, и через трое суток Гинкхаг показал ему пробную партию — единицы стандартных мер уже приготовили Наблюдающие небо. Николай читал по две лекции в день и работал над проектом токарно-винторезного станка. Поднимался на рассвете, бросал работу с закатом. Приходилось бросать, освещение не годилось для чертежной работы. Он торопился. Кузнецы сложили по его рисункам печь-вагранку и готовили земляную форму, чтобы отлить станину из чугуна.

Простой, грубый станок—и сколько с ним было возни! Колька едва справился с чертежами за двадцать дней. И то благо, что раздвоение позволяло вспоминать любую страницу из любого учебника и мгновенно делать расчеты. Однако станок дался ему сольным потом, а как доставалось Кузнецам — и говорить нечего. Они строгажи поверхность станины, протаскивая по ней чугунную плиту с алмазной крошкой. Вручную пропильвали отверстия. Главный вал обрабатывался на ручном станке почти две недели. У Кузнецов не хватало рук — Наблюдающие небо взяли на себя рядовые кузнечные работы, шлифовку стекол, заготовку инструментов...

Вне работы он встречался только с Нанон. Ум у нее был злой, наблюдательный. Авторитетов она не признавала еще лучше, чем Ахука. «Зачем нужны касты, жуки и прочее? Для счета. Чтобы Великие учитывали крыс отдельно от хорьков, а Кузнецов отдельно от Управляющих». Она сказала, что касты сохранились от древних племенных членений, ибо оказались удобными статистическими группами. Три свидетеля при посвящении — тройная гарантия, что Великой не забудут доложить о «прибавлении семейства». Так звучали слова Нанон в вольном переводе — понятия семья у раджанов не было. Многие не знали даже своей матери, об отцах и говорить нечего. Опять-таки одни Нараны помнили родителей каждого человека и прародителей на много поколений...

Старые Кузнецы пока обходились без Нараны. Это казалось Николаю утешительным — враги далеко, а друзья рядом. Но Великие незримо присутствовали везде. У низкорослых молодых гоний устанавливались очереди — круглые сутки Врачи, Воспитатели, Управляющие Равновесием, Наблюдающие небо говорили с Наранами. Колька поджимался, проходя мимо поющих деревьев: здесь друзья общались с врагами. Его жизнь была бы вполне сносной, если бы не постоянное ощущение угрозы, как чужое дыхание за спиной... Нараны! Он чувствовал их ненависть на расстоянии, хотя не признался бы никому, что боится. А кто не боялся бы такого врага? Не зря старший охотник специально приставлен к Колькиной особе — охранять.

...Ровно через сорок дней после переезда он своей рукой набросил на шкив приводной ремень. Завертелся шпиндель, жирно смазанный растительным салом. Медлительно застучал резец по ковanej неровной поверхности заготовки — на первом станке точили шпиндель следующего станка. И в час торжества Кольку позвали на Совет тревоги: его друзья Врачи потребовали от Управляющих Равновесием привезти почку Великой в поселок.

Глава 9.

День был хорош. Дул сильный прохладный ветер. От берега далеко разносился визг металла под резцом. По всему поселению возились Художники — украшали дороги к вечеру, к торжеству... Колька смотрел на это угрюмо, и ему было совестно, да что поделаешь? Ведь привезут Нарану, бесполезно и спорить. К тому же визг резца, такой знакомый и привычный, вогнал его в тоску. Там станки стояли за стеной лабораторного зала, от их работы заметно вибрировал пол, и люди досадливо морщились, когда режущий, пронзительный вопль металла отзывивал в больших стеклах лаборатории...

Николай мрачно занял свое место — рядом с телохранителем, как водится. А, вот и Ахука... Совет тревоги собрался в полном составе и ждал слова старшего Врача Лахи.

Лахи был далек от торжественности. Улыбаясь во все огромное коричневое лицо, он сказал, что просит бездельницу, сущий пустяк —

через два месяца врачам будет необходима Нарана, дающая несколько дюжин нардигов в сутки.

Посылать ходоков в поселение Водяной крысы решили через три дня — за это время Нарана отпочкует Безногого. Люди уже поднимались с травы, когда Ахука попросил, чтобы за Безногим, среди будущих Хранителей Памяти, послали его и Адвесту.

Странно, ох странно было Николаю! Он пришел в ярость — мало им, что врага тащат в дом, так еще его, Кольку, хотят втянуть в историю! А этот шутикар Ахука — никогда не знаешь, какой фортель отмотит, хоть бы спросил... Но почему-то Николай не встал, не осадил Наблюдающего небо. Он даже знал почему. Его тянуло еще раз услышать голос Нараны и увидеть цветные фигурки...

Да, Ахука знал, что делает. После Совета он сказал как ни в чем не бывало:

— Ты воистину стал раджаном, Адвеста.

Сказал, как припечатал. К Великой тянуло не пришельца Николая Карпова, а раджана Адвесту. Тоняв это, Николай спросил больше для порядка: как его встретят «потерявшие имя»? Ахука засмеялся и ответил, что Джаванар сумеет его охранить от безумцев, если они окажутся в поселении Водяной Крысы. Скорее всего, их не будет — тамошняя Великая Память здорова и не отвергает людей в безумие.

— Увидимся через три дня, прохладного полудня! — Ахука, как всегда, торопился, — передай Нанон мой привет!

Колька некоторое время смотрел, как между гранитными глыбами крутится ветер — гоняет пыль. Приласкал Тана, который тоскливо сидел у домов питомника. Опять хозяин улетел, ах ты, бедняга... А я сам улетел неведомо куда, и мне тоже не слишком-то хорошо.

Они сидели рядом и грустили, когда прибежал молодой Охотник и позвал Николая к Джаванару.

Старший Охотник сидел над берегом на верхней точке косогора, перед телескопчиком. Почему-то, увидев его, обезьяна заскулила, заметалась — Джаванар обернулся и прикрикнул: «К жилищу, серый! Наверх и к жилищу!» — Тан вскарабкался на дерево, перепрыгнул, скрылся.

— Хороший зверь, — сказал Охотник. — Что же, отправимся за Безногим, Наблюдающий небо?

— Приходится, — сказал Колька. — Почему ты отослал обезьяну?

— Там малоголовые, — Джаванар захохотал, когда Колька оглянулся на кузницы. — За Рагангой, Адвеста! Левее скалы, похожей на сидящего коршуна.

— Не вижу...

— Э-а, посмотри в трубу!

...Был странный день — заработал первый станок, задул прохладный муссон, предвестник дождей, и решили ехать за Нараной, и впервые человек двадцатого века увидел воочию своих предков. Но, установив трубу на резкость и прижимая глаз к мягкой окантовке окуляра, Колька ощущал — было... Так уже было — красный песок, грабь скалы, тень. У самой воды стоят обезьянолюди — двое, мужчина и женщина.

...В круглой рамке тени они стояли, как будто одни на всей Земле. Адам и Ева. Они казались одинаковыми. Мужчина был весь покрыт серо-коричневой шерстью, у женщины сплюснутая грудь была голая; но все же одинаковые, как кегли разного размера, они стояли и одинаково мрачно, пристально всматривались в дым кузниц. Потом самец открыл черно-желтые резцы, зевал или кричал, — и опять показалось, что все это было.

Он встряхнулся. Было, не было! Не раскисать, Карпов! И в этот момент обезьянолюди исчезли. Мелькнули тени, осыпались камешки, и берег опустел.

— Понравилась тебе родичи, Адвеста?

— Да уж, хороши... Таковы, значит, малоголовые.

— Трех пород они, — сурово сказал Охотник. — Пожиратели крыс опаснее всех, ибо живут стадами... Ты видел, даже боевая обезьяна их боится.

— Боится? Они же большезубых тигров не боится!

— Этих нельзя убивать, — сказал Джаванар. — Их приходится оттеснять, оттеснять, понимаешь? Выжимать понемногу. Когда они вторгаются в Равновесие, их теснят облавой, тупыми стрелами бьют, не убивают. Много боевых обезьян гибнет при облавах, понимаешь? Он искусно показал, как обезьяна боится: присел, опустил руки, напряг шею.

— Понимаешь, Адвеста? Приходят они все чаще, дым их привлекает...

— Они знают огонь, — сказал Колька.

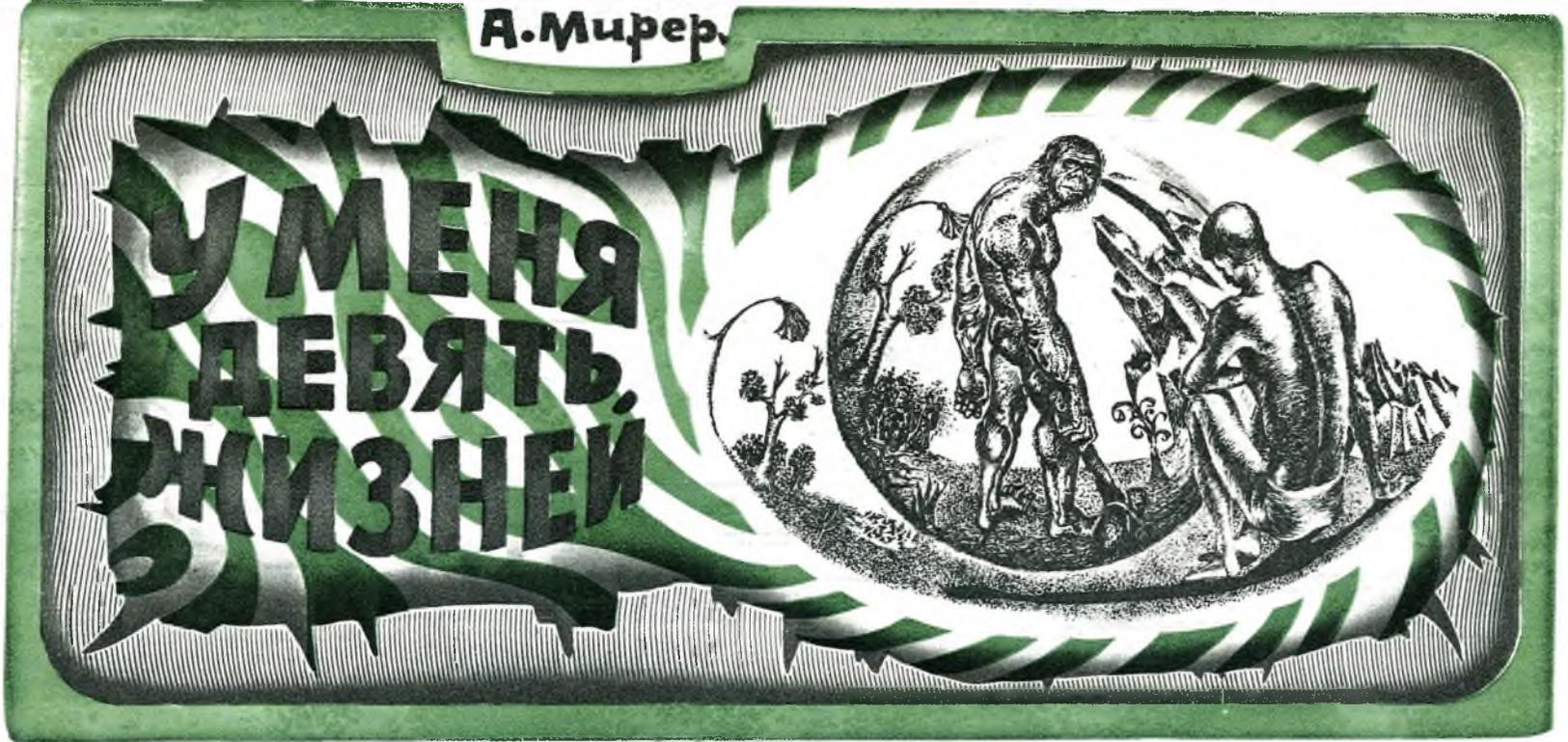
Джаванар кивнул: в том-то и дело. Ласково похлопал Николая по спине и проговорил:

— Ступай отдохни, друг Адвеста.

Он тоже спешил, — Охотники шли за Рагангу в разведку.

Николай побрел к станку, мрачно уселся и стал ждать, когда к нему пойдут с вопросами о работе. Никто не подходил. Нанон разыскала его и отвела домой. В самое время — он уже чувствовал себя так, будто снова стоит над ямой, над отпечатком баросферы в красной глине.

(Продолжение следует)

СТРАНА ФАНТАЗИЯ

TERRA PHANTASIA

Окончание. Начало — в №№ 1—6 за этот год.

Через три дня Колька вместе с другими посланцами прилетел за Нараной в поселение Водяной крысы. Ахука правильно рассказывал — пещера Великой была выбита в теле известнякового холма, под трехсотметровым откосом. У входа уже собрались тысячной толпой Певцы и Художники. Управляющих Равновесием была сотня-другая. Ученые относились к ритуалам пренебрежительно, и терпели их лишь потому, что любые традиции экономят время. Певцы и Художники, напротив, страстно любили ритуальные действия и всегда распорядились на древних праздниках Вечерней звезды, Дождей, Полнолуния. Зимнего урожая. И Передачи Безногого, само собой.

— А на похороны почему не собираются? — любопытствовал Колька. Он знал, что умерших сжигают без всякой помпы.

— Что за толк лицедействовать перед трупом? — сказал Ахука. — А сожжение? Остатки культа Солнца?

Наблюдающий небо оживился:

— Э-а, возможно, и так! Но это было очень давно. Сейчас другие — звери Равновесия не должны знать вкуса человеческого мяса.

Они стояли перед входом в подземелье Великой и ждали конца ритуала. Редчайшее удовольствие досталось Певцам — исполнение древних песен при передаче «безногого теленка». Певцы старались во всю. Они разбились на два огромных хора, изображая Хранителей материнской Нараны и будущих Хранителей новой. «Что несут в ладонях, прикрывая выдубленной кожей?» — спрашивали первые. «Грибницу свежую, сегодня выкопанную», — заливался второй хор. «Крепко ли, плотно сплетена корзина для Безногого?» — «Мы выбрали самые тонкие, крепкие стебли, вымачивали в долбленых бочонках, и женщины перемешивали дубило мешалками, из сердцевины пальмы вырезанными...»

Двенадцать Хранителей Памяти и двенадцать посланцев из поселения Кузнецов терпеливо ждали, стоя перед устьем тоннеля. Количество Хранителей с обеих сторон также определялось традицией — дюжина жрецов состояла при первой Наране. Правда, Певцам приходилось мириться с новшествами: взамен «плотно сплетенных корзинок» ходоки принесли с собой мешки из древесной кожи и, конечно, не подумали украсить головы коровьими хвостами. Еще одна неприятность! Хранители должны вступить в подземелье с факелами, зажечь которые надлежит Певцам. И вот, под насмешливыми взорами Художников, изображающих тут же, на откосе, все происходящее, Певцы стали высекать огонь. Неумело ударяли кремнями о железо — проклятый огонь не занимался... Тогда Ахука протянул Кольке раскрытую ладонь:

— Дай мне огненные палочки, Адвеста...

Колька, ухмыляясь, смотрел, как Наблюдающий небо зажег шесть факелов от одной спички — по поляне прокатился хохот, восторженные крики, и церемониал сам собою кончился.

Николай второй раз в жизни спускался к Наране. Двадцать три человека, шедшие рядом с ним, давно потеряли счет часам, проведенным у Ушей Памяти. Он принадлежал к иному миру, белый пришелец, чужак... А здесь его допустили к важнейшему событию, да еще с почетной привилегией — при рождении Безногого могли присутствовать лишь двадцать четыре Хранителя.

Чудно выглядело пустое подземелье Великой. Свет казался пригашенным, шаровые звенья Нараны были безмолвны и не ели — кисель в желобе затянута радужной пленкой. Тишина. Шаги отдаются под низким сводом. «Надо придерживать, придерживать!» — громко сказал кто-то из Хранителей. Колька вздрогнул. Оглянулся на Хранителей — все заняты делом. Он сел, набрал воздуха в грудь и пропел обращение к Наране. Ухо чуть заметно шевельнулось, отвечая, и свет стал ярче.

— Пришел спросить... — неуверенно выпевал Колька, — спросить... что Нарана предвидит... о будущем Равновесия.

Он услышал, как зашелестел кисель в желобе и подумал, что мышление заменяет Наране мышечное действие — начала мыслить и тут же начала есть.

— Ты будешь видеть, — пропело Ухо. — Закрой глаза. Освободи мышцы. Голову опусти, освободи мышцы. Пальцы разогни.

Он увидел. Внутри его глаз побежали маленькие цветные фигурки, куколки. Он попробовал разглядеть их — они замедлили движение и приблизились. Малоголовые!

— Ты видишь, — пропело извне.

Малоголовые работали. Вскрикивали, когда острые брызги кремня вонзались в кожу. Отбрасывали каменный желвак и находили его, будто он новый, не тот, что ранит. Дымил крошечный костерик. Вчерашняя женщина сидела у огня и прижимала к груди крошечного безволосого детеныша...

— Как ты делаешь это? — спросил Колька.

Изображение свернулось в радужный комок и ушло в сторону.

— Освободи мышцы. Опusti голову. Смотри. Это — прошлое.

— Спрашивал я о будущем, Великая...

— Кто же думает о будущем, не познав прошлого? — насмешливо спросил голос извне. — Смотри!

Цветной комок вплыл под веки. Развернулся. Теперь Колька был невидным участником действия, соглядатаем. Он проходил по закоулкам пещер и по охотничьим тропинкам. Он видел, как малоголовые охотятся, убивают, выкапывают корни, умирают, делают орудия, рождают детенышей, убивают, выскабливают шкуры, выкусывают насекомых друг у друга, сражаются, умирают. Они жили так недолго и умирали так часто, что Колька устал смотреть на это. И они совсем не изменяли ничего. У них остановившееся время, как у акул, думал Колька. У акул, которые не изменились за триста миллионов лет, лишь стали помельче. Он положил рядом два каменных рубила, разделенных невероятно длительным временем, и понял, что они одинаковы.

Он еще чувствовал в ладонях холод обтесанных камней, а щеки стягивал жар каменного очага — Нарана что-то пропела, дунул свежий, степной ветер, и Николай увидел скотоводов. Казалось, они были такие же, как жители пещер. Низкорослые, сутулые, с косопальными кривоватыми ногами, чуть более сытые, пожалуй. Придурковато оглядываясь, доили коров, складывали нелепые, кособокие хижины. Они тоже пытались остановить время, сохранить свои живые орудия неизменными. Но животные всегда были разными, непохожими друг на друга — поколение за поколением скотоводы пытались сделать их одинаковыми, и тщетно. И все казалось: завтра у них будет стадо ровное, одинаковое, любая корова будет похожей на Первую Буйволицу.

Николай усмехнулся. Первая Буйволица представлялась им огромной, мясной, с необъятным выменем, а поэтому скотоводы занимались искусственным отбором, воображая, что борются с изменениями. Покамест они привыкли пользоваться случайными изменениями живого, и тогда появился Арама-Скотовод и сохранил в живых нечто невообразимо-случайное, еще более случайное, чем восьминогий теленок — пудовую мозговую глыбу, Безногого.

Пришельцу было показано и это в движущихся цветных картинах: двенадцать преемников Арамы и первая Великая в низкой, темной пещере. Первая Нарана тоже была малоголовой — на свой лад. Ей стало скучно слушать тупое бормотание скотоводов, и она принялась играть случайностями. Посоветовала кормить беременных жен-

щин бахушем, дабы рождались могучие воины, неутомимые бегуны, зоркие охотники...

Так начался путь от малоголовых к Головастым, и Николай увидел его воочию. Выпрямлялись спины, лбы становились все выше и объемистей, и в каждом поколении появлялись подростки, превосходящие по разуму зрелых мужчин. Сначала юнцов пытались убивать, изгонять. Затем привыкли и к дерзким юнцам, и к бахушу.

Теперь уже у раджанов были Воспитатели. Колька видел, как детишки бегали в воспитанницах, смотрел на умные, спокойные лица учителей и думал, что иначе не может быть, лучшие из лучших должны воспитывать — самые умные, самые добрые, самые ученые и понимающие. Как получилось, что все повернулось вспять, и стяжатель, пьянице, малограмотному, суеверному, мешанину позволено воспитывать своих детей, повторять себя из поколения в поколение?

Экономист подсчитает и докажет, что никаких средств не хватит, чтобы держать воспитателя при каждом трех детях. У военного свой взгляд на воспитание — ему нужны солдаты. Социолог спросит: где вы наберете миллион воспитателей не пьяниц, не мешан, заведомо не стяжателей, наверняка добрых, умных и образованных?

Надо ждать. Работать терпеливо, шаг за шагом, поколение за поколением. Пока человечество не станет образованней, разумней, справедливее. Надо ждать терпеливо, думал Николай Карпов, как будто он оставался в прежней жизни и мог что-то, хоть самую малость, сделать для нее.

Он больше не смотрел на хоровод цветных фигурок под веками. Сегодня сошлось в одну точку все то, чего он прежде не в состоянии был понять: земные люди в Совмещенном пространстве, и вопрос Наной: «Почему вы — Головастые?», и его способность к раздвоению, и слова Ахуки: «Они прошли нашу дорогу, но прошлое забыто ими»...

Все как на Земле. Та же книга в другом переплете. Теперь он мог не спрашивать о будущем Равновесия. Прошлое Земли — вот будущее Равновесия после того, как Нараны, в безумном стремлении сохранить старое, пошлют Воспитателей, Врачей, Художников на границы, уничтожат стройную систему воспитания, окончательно запретят чистые науки, окончательно предадут анафеме железо.

Николай поднял голову, увидел Ахуку. Вспомнил, что ему не открыто будущее. Нарана не хочет обессиливать людей излишним знанием — она права. Если все так, если за Равновесием грядут Атил-ла, Чингис-хан, Адольф Гитлер — все трое Гомо сапиенс... Если так... Тогда необходимо использовать каждый и любой шанс, чтобы сохранить Равновесие. «Поворот Ахуки» — один из шансов. Николай Карпов ничего не скажет Наблюдающему небу.

...Перед входом в подземелье уже сидели Хранители Птиц. Гремел хор, гирлянды цветов качались на поднятых руках. Усаживаясь на спину Птицы, Колька поймал взгляд Наблюдающего небу и понял, что он знает все. Ахука позвал его к Наране, чтобы пришелец также знал все и разделит с ним груз одиночества.

Глава 10.

Не было библиотек, не было справочников, учебников, таблиц. Не было всемогущих работников снабжения. Кольке приходилось заново изобретать волоочный стан — для пружинной проволоки к ружьям — пресс для штамповки патронов и десятки других необходимых машин. Колька тянул проволоку, испытывал пружины, сверлил стволы — адская работа на тихоходных станках! Надоедливая, тупая, если хотите знать, потому что за резцом не побежишь в инструменталку, а бархатный напильник насекается вручную, ювелирно...

Темнота давно легла над поселком. Николай шел домой, потягиваясь, — спина была как не своя, привычно, без злости отгонял воспоминания, сосредоточивался на здешнем. Перебрал в уме все сделанное за день. Вспомнил, что бронза получилась слишком оловянистая — надо сказать Кузнецам. Всякий раз, подходя к дому, он давил в себе стон: «Горячего бы, хоть кипятяку без заварки!». Горячего особенно хотелось по вечерам, после работы. Шей мясных, отварной картошечки с маслом... Для видимости уюта он ужинал под крышей — принимал плоды у обезьяны и вносил в дом.

Утолив голод, он позвал:

— Плавать пойдем, маленькая? — и увидел, что под листьями, напротив входа, сидит Немигающий. Лупоглазый зверек, похожий на хамелеона: живой автопилот.

Он знал, что Немигающего берут из питомника за сутки до полета. Зверьку лучше загодя привыкнуть к пальцам «гонца». Знать-то знал, а понял далеко не сразу. Прежде подошел и посмотрел, как Немигающий сидит, уставившись на плоды манну, или в потолок, или никуда — глаза перламутровые, на половину морды...

— Не корми его, — сказала Мин. — Завтра.

— Почему завтра? — спросил он. — Что будет завтра?

— Я должна уйти, — чуть хрипло сказала Наной.

Колька услышал мелодичное «а-ама» — «я» — и гортанное «хмат» — «должна», и тонкое, изогнутое «пит». Уйти.

— Что? — вскрикнул он. — Ин хмат пи! Ты не должна уходить!

— Ты не понимаешь, Адвеста. У меня будет сын, мне нельзя оставаться здесь, у кузниц.

— Тебе нельзя остаться у кузниц? — переспросил он. — Погоди. Почему тебе нельзя? Что-нибудь не в порядке? Врачи нужны? Что говорит Лахи?

— Лахи и все врачи, и Нарана, все говорят одно: в поселении Кузнецов негоже носить ребенка. Здесь нельзя пока управлять ребенком.

Она взяла его руку. — он освободился и отодвинулся.

— Погоди, рыжая белочка. Это что — усложнение мозга? Пускай он будет таким, как мы.

Конечно! Эта кукла будет сконструирована по старому образцу — только и всего. — и он уже улыбался, представив себе коричневого мальчишку с глазами Мин, черными и раскаленными, как уголья.

— Ты не понимаешь, Адвеста...

Она сухо, ясно объяснила, что под «управлением ребенком» понимается выращивание плода. Лекарственной пищей врачи направляют его в нужную сторону. Не только мозг, но телосложение, здоровье, наклонности. Она хочет, чтобы ее сын был Художником, высокорослым и со светлыми волосами. Придется следить за его пальцами — у Адвесты короткие пальцы...

Он смотрел на свои пальцы. В самом деле, коротковаты.

— У кузниц нельзя управлять ребенком, Адвеста, — повторила Наной. — Здесь копать, шум, испорченное дыхание.

Он понимал ее. И у нас интеллигентная женщина не согласится носить ребенка и работать при этом у незащищенного реактора. У раджанов свои понятия о вредных условиях жизни. Это естественно. Нам бы их условия...

Он не сказал: я не смогу жить без тебя. Она знала. Она смотрела на него с яростным упорством.

Колька встал. У него затекли ноги — он сидел на корточках рядом с Наной. Правила без исключений существуют. Разговоры бесполезны, она уйдет. Такие же глаза были у нее, когда он хотел увезти Рафаила к баросфере.

Теперь он понял, что его никогда не найдут — понял уже не умом, сердцем, ибо с этой минуты не для кого оставаться. Наной покидает его, и ребенка своего он никогда не увидит, не отличит от сотен других в воспитательнице... Он знал — через месяц после родов мать отдаст ребенка в воспитательницу и больше не видит его. Приходит кормить других детей, по кругу, чтобы не привыкать.

— Я не хочу отдавать сына в воспитательницу, — сказал Николай. — Слышишь? Я хочу знать его.

— Во имя Равновесия! Потому он и должен быть светловолосым. Чтобы мы его знали.

Колька счастливо обомлел.

Она прижалась щекой к его груди, и он был самым счастливым парнем во всех Пространствах, и вдруг вспомнил:

— Ты завтра улетаешь? На полгода? Нет, это невозможно, невозможно, я слышать об этом не хочу!

Наной высвободилась, глаза у нее снова вспыхнули:

— Я тоже не хочу! Тебе надлежит уйти от кузниц. В тебе они пробуждают память о покинутом. Тебе нужна жизнь Охотника и нужна я — почему же ты не уходишь и отпускаешь меня?

Тишина. Был самый тихий час ночи, когда спят даже ночные звери. Смолк металлический вой, удары молотков. Только запах гари доносился от кузниц.

Все это надо было продумать. Очень тщательно и не спеша. Что-то настоящее было в ее словах. Он осторожно сказал:

— Я нужен Ахуке.

— Ты можешь уйти через месяц, два...

— Тогда я тоже буду нужен. Но я подумаю, белочка.

Они больше не говорили. Они были вместе, пока не ударили струны на поляне Памяти, и вместе вышли навстречу последнему дню Поворота Ахуки.

Глава 11.

В третьем часу после восхода патрульный гонец, летающий кругами над Рагангой, послал свою Птицу вниз, к воде. — Колька с удивлением смотрел от кузниц, как гонец под тупым углом несется к земле и крылья вздрагивают, теряя поток и входя в него опять. Колька едва успел подумать, что рядом с восходящим потоком, внутри которого спускается гонец, есть нисходящий, как крылья щелкнули друг о друга, и вдруг Птица перевернулась и рухнула на песок, у воды. Одно крыло торчало вверх и раскачивалось, как парус. Врачи кинулись к воде, вперед бежал Лахи. Почему-то весь берег закипел людьми, как муравейник, над самыми головами скользнула вторая птица. — Охотник что-то кричал сверху, и вдруг высокий свистящий звук пронизал воздух.

Над лесом взлетела «поющая стрела» — тростниковая палочка со свистом, охотничий сигнал тревоги. Стало тихо. Все услышали, что кричит Гонец:

— Пожиратели крыс переправляются через Рагангу-у!

Толпа рассеялась. Люди бежали наверх, к стану Охотников. Гигант Лахи скачками поднимался по откосу с Гонцом на спине.

...Дежурные Охотники раздавали луки, колчаны с тупыми и боевыми стрелами, палицы с кожаными головками. Пронзительно мяукали гепарды, привязанные к деревьям, боевые обезьяны дожидались своих Охотников — поворачивали могучие шеи. Колька подхватил первый попавшийся лук, палицу, охотничий нож. Побежал к лечилищу — все равно по дороге — и встретил Наной. Он плохо представлял себе, что там за малоголовые переправляются через реку Рагангу. Не страшнее ведь они, чем саблезубые тигры, один залп из луков — и нету их. Но увидев тонкое, встревоженное лицо жены, он вспомнил: господи, их же нельзя убивать...

Тревога гудела под деревьями, на полянах, у кузниц. Пронзительно ржала лошадь — в толпе Кузнецов крутился всадник, потрясал луком. К югу от поселения над Рагангой парили Птицы. Между двумя боевыми обезьянами пробежал знакомый Охотник. Через минуту и Колька бежал с Наной к берегу, сзади и впереди дробно стучали ноги, то и дело их обгоняли собаки, беззвучно уносились по просеке.

— Что с гонцом? — спросил Колька на ходу.

— Будет жить.

— Он увидел малоголовых?

— Увидел.

— Много их на реке?

— Не знаю.

Они вынеслись на высокий берег. У перекрестка тропы патрульный Охотник направлял бегущих. Узнав Адвесту, он показал рукой — Джаванар там, на мысу.

Берег, подмытый рекой на повороте, повисал над водой острым мысом, как перевернутой утюг. Справа и слева была далеко видна Раганга, гладкая и ровная в безветрии. Вода и берега казались совершенно безлюдными, и ощущение беды стало еще более отчетливым, оно выступило из тишины, как звук рожка перед боем.

— Никого не видно. — проговорил Колька, чтобы нарушить тишину.

Джаванар сморщился и указал на противоположный берег:

— Они там. Их тысячи. Во имя Равновесия! — вскрикнул он. — Такой беды еще не бывало.

— Что им нужно? — спросил Колька.

— Поток, — сказал Охотник. — Они в потоке, как олени или белки. Во имя Равновесия... никогда! — вдруг вырвалось у него. — Никогда не бывало! Мы — Охотники, но не убийцы.

Колька почувствовал — кровь отливает от лица — так ясно вдруг представились люди, не олени, белки или птицы, а люди, которых непонятная сила гонит вперед, в воды Раганги, если на пути река, и под стрелы Охотников, если на пути Равновесия.

— Граница, — прохрипел Джаванар. — Ах, Граница, Граница! Мы должны были предвидеть — не место кузницам на Границе!

— Вот они, — сказала Нанои — Смотри, Адвеста.

Она передала Кольке знакомую трубу, ту самую, в которую он впервые увидел малоголовых.

На болотистом берегу копошилась грязно-серая толпа. Поймав резкость, Колька увидел мужчин и женщин, одинаково покрытых полужасохней тиной, не отличимой от рваных, вытертых шкур, свисавших сзади на поясницу и ляжки. Они казались асимметричными, косоплечими. Подтаскивали к берегу куски дерева, бросали их в воду и плыли. Над бревнами торчали каменные топоры, рядом ныряли блестящие от воды головы. В тишине полудня шлепанье бревен об воду должно было разноситься далеко по реке. А люди молчали.

Джаванар был прав. Река покрылась бревнами, как при лесосплаве. Тысячи серых фигур высипали на берег Раганги — тысячи тихих, сутулых людей, — жидкие бородки, вистые тощие груди, выпяченные животы; молчаливая, паническая суета. Бегали мелкие красношерстные собаки, не решаясь броситься в воду.

Телескоп был слишком мощный, он выхватывал единичные фигуры, не целиком даже, а наполовину, и всякий раз, когда в поле зрения попадало лицо, Колька чуть охал от неожиданности — в этих лицах было так много человеческого, они были сумрачно сосредоточены, и неподвижный взгляд казался таким целеустремленным, что стало необходимо найти этому какое-то объяснение, найти немедля и предотвратить преступление.

«Мы не убийцы», — кричал только что Джаванар.

Вот один тащит бамбук, остулается, тащиг. Неловко бросает в воду, садится, не рассчитав отдачи. Поднимается. Поднимает голову совершенно обезьяньим движением.

Бревно, которое он приволок с таким трудом, желтело далеко от берега, ныряло — рядом с ним покачивались три головы. Как это вышло? Он протаскил бамбуковину через джунгли, бросил в воду, а для него места не осталось...

Колька оставил трубу — первые пловцы добрались до середины Раганги. Стремнина помогала им пересекать реку, уже было видно, что они достигнут берега как раз под мысом, и раджаны стягивались сюда, Джаванар, Ахука, еще несколько Охотников и Кузнецов стояли на мысу, опустив руку одинаковым бессильным движением.

Нанои сидела в стороне. Колька поймал ее выжидательный взгляд, подошел к Ахуке и Джаванару, таким стройным и высоколобым, могучим, что пришлось оглянуться на воду, покрытую черными точками, и заново понять — косоплечие там не приснились... Они плыли пособачьи, над самым берегом. Сию минуту надо было решать их судьбу. Сейчас они начнут карабкаться на берег и пойдут в Равновесие.

— Без крови их не остановить, — сказал Джаванар. — Нужны Охотники пяти поселений, чтобы их осилить.

— Прежде они разрушат кузницы, — сказал Ахука.

— Пустые споры, — сказал незнакомый Охотник. — Заповедь Границы говорит ясно: «Не убивай без необходимости». Тысяча малоголовых! Спасение кузниц не обелит их убийц. Надо отступать.

— Они разрушат кузницы, — повторял Ахука. — Мы должны охранять кузницы наравне с Великими.

— Отстоять кузницы возможно, убив каждого второго, — Джаванар прозвонел тетивой. — Мы не убийцы, Наблюдающий небо!

— Почтенные, слушаем Адвесту, — сказал Кузнец.

— Здесь я не имею голоса, — стесненно ответил Колька. — Но если их можно остановить без убийства, то я за это.

Нанои сидела над обрывом, обхватив колени тонкими руками. Согни бамбуковин приближались к берегу, еще минута — и передовые нащупают ногами дно.

— Кузницы построим новые, — сказал Николай. — Правда, Ахука?

Наблюдающий небо ответил ему странным взглядом, быстрым поворотом глаз, ставших прозрачными, как агаты. Махнул рукой и вразвалку пошел к дороге, подвистывая собак. Его спина выражала такую безнадежность, что жутко было смотреть.

— О-хо-хо, — вздохнул Джаванар. — Пора... Стрелы на тетиву!

Взлетели «поющие стрелы». Их переливающийся звук услышали Охотники по всему берегу и начали отступать, растягиваясь в редкую цепь. Ближайшие сутки они проведут в непрерывном напряжении, они будут пасти стадо пожарителей крыс, не дадут ему рассыпаться по Равновесию. За эти сутки подойдут отряды из ближних поселений, с тысячными сворами собак, и будет по Охотнику на одного малоголового, и тогда их возьмут голыми руками, свяжут, одурманят снотворным питьем и переправят далеко за пределы Равновесия. Бескров-

но все обойдется, с высшей человечностью, но кто посчитает ущерб от прорывов Границы в других местах: изломанные плодовые деревья, уничтоженных животных? Скольких Певцов, Художников, Воспитателей это нашествие заставит перейти в Охотники? И еще придется восстанавливать кузницы...

Кольку и Нанои отправили устраивать временное лечище в тылу облавы. Туда ушли женщины, Врач Лахи, двое-трое больных и гонец, которого несли на носилках. Кольку устроили от облавы вежливо, но категорично: раджанов много, а пришелец — один. «Тебе придется восстанавливать кузницы, Адвеста».

Колька подчинился. Сидел над спящим гонцом, вспоминал, как они с Мин сидели над Рафанлом, а перед глазами все стоял косоплечий неандерталец с лицом беспризорника. Что же будет теперь? Отстрают кузницы, предположим... В глубине Равновесия, дальше от границ? Этому воспротивятся Управляющие Равновесием. Не позволят травить культурный лес и людей. Ахука тоже не отступит, Ахука ни почем не отступит, думал Колька, и ему становилось нехорошо от этой мысли, потому что утром он мог еще прикидывать так и эдак, хоть помечтать — и Ахуку не подведет, и с Нанои не расстанется, но теперь, после разорения... Он поцеловал ее ладонь, Нанои, так и не привыкшая к поцелуям, грустно улыбнулась ему.

Приближался вечер. Пятьдесят пятый по счету закат в его второй жизни. Поднималась Луна, с гор подул холодом — лучшее время для дороги.

...Конский топот. Огромный Кузнец осадил лошадь, прокричал: «Уходите на восход, они обезумели! Убивают! Убили Наблюдающего Небо!».

Умчался к гоним. Черное пятно на гулкой дороге.

Колька встал. «О Ахука, Ахука», — повторяла Мин детским голосом.

Он подпоясался. Набил колчан стрелами, тупые выбросил. Нетерпеливо притопывая, ждал Лахи и остальных мужчин. «Я скоро вернусь, маленькая, спокойной полуночи». Она кивнула. Вот и Лахи — пристегивает колчан на ходу... И вместе с другими, по прогретой за день земле, крепко ударяя пятками в дружинистую землю и придерживая лук, Колька побежал под светлую, кровавистую полосу заката и скрылся за поворотом.

Глава 12.

Баросфера была обжита, как старый дом. Потрескалась и пошла складками обивка кресел, на коже «Криолатора» проступили рисунчатые разводы, а внешняя поверхность гондолы сплошь покрылась царапинами, штрихами, вмятинами — автографами Совмещенных Пространств за три года работы. Сменялись иллюминаторы, сам генератор был новый, но уралмашевская сфера вынесла триста перемещений, и Рафанл с Володей гордились ею и исподтишка, с нежностью проводили рукой по ее боку. Шершава и непреклонна, как носорог. Вся жизнь сосредоточилась для них в баросфере, это получилось так же естественно, как вода течет по склону вниз, а не вверх. Они уже привыкли к почитательным взглядам окружающих, к белым комнаткам профилактория, тренировкам и к холодным прикосновениям стетоскопов. Где-то вовне протекала жизнь планеты, работали заводы, шли поезда, по вечерам освещались подъезды театров, кто-то готовился к байдарочному походу, а кто-то въезжал в ворота санатория, нетерпеливо оглядываясь на кобальтовую стену Черного моря...

Они жили на территории Института, в домике профилактория, — все три года. За это время они сделали триста выходов в СП: выход, возвращение, доктор Левин неподвижно стоит за белой чертой, кабинка институтского «Москвича», тополевая аллея профилактория. Потом два дня тренировок — гимнастика, штанга, турпоходы. Сон перед выходом, зарядка, выход...

Первый год их еще приглашали на семинары по теории СП, но прекратилось и это. Наука безжалостна. В мозгу ученого едва хватает места для единственной страсти, а они теперь делали науку попутно. Для них это становилось все более безразличным. И то, что теория Совмещенных Пространств приобрела принципиально иной облик, и круглосуточная, в четыре смены, суета вокруг гигантской счетной машины, на которой обрабатывали доставленный баросферой материал, и почитательные визитеры: геологи, физики, палеомагнетологи, палеонтологи, антропологи и журналисты. Через два дня на третий баросфера уходила в СП, только это имело значение — найти Кольку. Двухнедельные перерывы — на ремонт баросферы — они использовали для тренировочных походов и проверки снаряжения.

Через год начались просьбы — взять третьим членом экипажа, осторожные намеки на бессмысленность их надежды. «Гипотеза Бурмистрова-Новика, — мямлил очередной физик, — э-э, коэффициент сдвига...» Коэффициент сдвига! Физик упирал на их собственную гипотезу, которую они обосновали очень изципно за первый месяц после возвращения, пока Рафанл лежал в клинике... Обосновали... «Пусть простят мне назойливость, но факты, факты не оставляют надежды... Простите?» Доктор Левин подхватил визитера под руку и увел. С тех пор им не осмеливались напоминать о фактах. О том, что каждый раз они проводили в СП в шестьдесят раз большее время, чем протекшее на Земле... за это время. Коэффициент сдвига.. За триста выходов они пробыли в СП триста часов по бортовым секундомерам, а в лаборатории квантовые часы до микросекунд точно зафиксировали земное время. Пять часов одиннадцать секунд, один к шестидесяти. Гипотеза Бурмистрова-Новика и объясняла этот феномен, и получалось, что за месяц, пока Рафанл долечивался, Колька прожил в Равновесии пять лет, а за первый год бесплодных его поисков — шестьдесят лет. И на это ссылались визитеры, и об этом думали уже через год все кругом: по вашей же теории ему сейчас восемьдесят семь лет, бросьте, перестаньте, перестаньте, хоть возьмите с собой Ивашенко или Мондруса, — для кого держите пустое место?!

Они молчали и через двое суток на третьи закрывали за собой люк. Старт, старт! старт! Когда ВАК присудила им докторские, был день рождения Кольки — двадцать восемь лет. Там ему исполнилось сто тридцать... Старт!!! Еще через месяц была опубликована новейшая теория СП. Ее вывела группа теоретиков — «Некоторые выводы из наблюдений В. И. Бурмистрова и Р. И. Новика».

«Представляется достоверным (подстраницы — формула)... Таким образом, в квантовом выражении... (формула, справа ее номер — 26). Представляя выражение 26 в выражение 7, получаем... Таким образом, в настоящее время наше пространство-время отстоит на 30 000 лет от коммутируемого пространства-времени Карпова, Бурмистрова и Новика с коэффициентом сокращения этого интервала 2.10^{-3} »

— Еще посмотрим, — сказал Рафаил Новик, пролистав журнал.

Швырнул его на полку — шмяк. Туда, где сваленные в кучу, валялись журналы, от «Нейчур» до «Пари-матч» и от «Успехов физических наук» до «Огонька». Никогда они этих журналов не разворачивали. Не хотели. Лишь на стене был приколот разворот из «Смены» — Карпов в надвинутом берете, лоб и глаза в тени, зубы оскалены и сверкают над рыжей бородой. Последний кадр, снятый Рафаилом перед нападением гигантопитека.

Так они жили три года. Единственная тема, которую они обговаривали без конца — попадания. Четыре раза баросфера попадала в океан: одиннадцать раз блокировки вышвыривали ее обратно — раскаленная магма; девяносто два раза — четвертичные аллювиальные отложения, по определению геологов, девяносто восемь раз — мел неогена; итого двести пять перемещений. Остальные сто — латеритовые слои, горные толщи, речное дно. Дважды баросфера оказывалась в одной и той же глухой пещере. Казалось, им никогда не попасть хотя бы на поверхность, не говоря уж о прежнем месте. Так казалось. Но в канун трехлетия с машины был выдан тончайший расчет, в котором глубина выводилась из времени старта, соотносеного с перепадом времени между Землей и «пространством Карпова—Бурмистрова—Новика».

От своего домика шли пешком. Было раннее утро, шаги отдавались эхом в стене лабораторного корпуса. За ним горел холодный и сухой осенний рассвет. В лаборатории было тепло. Стартовая команда закончила подготовку загодя и, как всегда, надраила энергоприемники и вымыла бетонный пол. Резко стучали костяшки домино. Входя, Володя и Рафаил переглянулись со слабой, одинаковой усмешкой — за эти три года они стали очень схожими в манерах, как близнецы. Им было приятно видеть свою стартовую команду, может быть, приятнее, чем всех других людей на свете. С какого-то времени все, даже Володина мама, обходились с ними почтительно, с оттенком жалостливой скорби. Но почтительность ребят из стартовой команды была не раздражающей. Они делали все как можно лучше. Много тщательней, чем требовала служба. Колькин любимый плакат — с чертиком — окантовали, мыли полы, драили энергоприемники... Вот сорок минут до старта, и давно все готово. Вахтенный журнал лежит под настольной лампой.

Рафаил прочел записи о подготовке, вздохнул, отчеркнул ногтем вверх страницы: «Опыт № 322». Экипаж, время старта, приборные данные. Подписи — командир, начальник стартовой группы.

— Пошли, Вова... Ауфвидерзесен, доктор.

— Ни пуха, ни пера, товарищи. Желаю...

— К черту, — сказал Рафаил. — Счастливо ребята!

— Вам счастье, — это начальник стартовой, Борис Дмитриевич, а вот гудят остальные — субординация — люк захлопывается, тишина. Володя перебирается с Колькиного места на свое. Колькино место, а? Как упорна память, как долго мы помним, думают они, продевшая привычные операции, проверяя, ставя на нуль, включая и отключая, пристегиваясь, поправляя каски. Над ними — пустое кресло.

Удар был сильный. Перья акселерометра вычертили сумасшедшие Гималаи на бумаге, пока баросфера катилась с откоса. Остановилась, едва не уткнувшись люком в почву.

— Вовка, поверхность!! Вовка, Вовка же! Поверхность!

Анализ воздуха. Анализ белка. Температура. Норма, норма, норма! Одежда, рюкзаки, автоматы с разрывными пулями — на грудь. Автостарт выключить! Пошли...

Они вышли через нижний люк, оказавшийся наверху. Баросфера лежала в овраге. Дикий лес. Солнце не то восходит, не то заходит... ага, заходит. Люк задрал, работает радиомаяк, можно идти.

... Они шли по компасу на север, почти не останавливаясь, до темноты. Прошлые место высадки, по угломерным наблюдениям, было севернее. Тропы попадались хорошие, но, судя по следам, зверские. Несколько раз слышали рев, видели слона. С темнотой зажгли костер, поели. Спать не хотелось — пять часов, как проснулись, не до сна. Посидели, послушали радиомаяк баросферы, достали фонари, пошли. У них было восемь суток — ресурс нового «Криоля». Впрочем, они не думали о возвращении. Шли, светя под ноги фонарями. На рассвете устроили привал в скалах, в безопасном месте, — поели как следует и несколько часов спали. Потратили два часа на реконструкцию — поднялись по осыпям на скальную гряду и осмотрелись. На севере, километрах в пятнадцати, намечалась река. Идти к ней было лучше поверху, по скалам, как раз успевалось до темноты дойти и переправиться на надувной лодке. Трехгодичная полоса невезенья кончилась, они это чувствовали.

— А здорово я тебя натренировал, Вовка?

— Признаю. Растрял ты меня. Странное ощущение, Рафа... когда приемник крутит — в эфире пусто, а в остальном, будто мы на тренировке.

— М-м. Одичали мы, дружок. Мама Клэня, наверно, волнуется.

— Нет, привыкла. Защитная реакция. А сказать ей — обидится.

— М-м, наверно так... левой держи.

До следующего привала они молчали и думали об одном и том же.

Что их безумное упорство — тоже привычка. Сто восемьдесят лет назад, думал Володя. Если бы у Кольки был радиоприемник, он тоже... Ох, как странно, дико и странно. И унизительно. Если бы интерес института не совпадали с их интересами — давно бросили бы поиск... Но повезло, наконец. А вдруг... Вдруг зависимость не линейная, а степенная.

Так они шли и думали. Наконец Рафаил сказал:

— Хороший был траверс. Вот и сутки долой.

Они вышли к обрыву. Километрах в двух внизу извивалась река. Сразу под скалами начиналась зелено-черная каша джунглей. Рафаил поднял бинокль.

— Дотемна успеем, но стоит ли... аллигаторы.

— Аллигаторы — это нехорошо.

— Ладно. Переночуем здесь.

Сутки долой. Им положительно везло — утром они увидели следы вокруг своего бивака. Леопард ходил упорно, долго, но напасть не решился. На всякий случай взяли автоматы наизготовку и дальше продвигались с осторожностью. Спустились в лес, узкая тропа повела их к реке. Через полчаса Рафаил остановился.

— Стой, смотри. Это канава, по-моему.

Да, что-то было здесь, что-то было... След канавы, почти прямой, но очень сильно заросший. В расположении деревьев есть намек на порядок — купы, перемежаемые заросшими полянами. Еще полсотни шагов.

— А! Вот оно! — вскрикнул Володя.

В густой поросли, обросшая длинными бородами мхов, орхидеями, вздымалась гония. Далеко вверх синел чистый восьмигранный ствол. Раструбы неподвижно глядели в небо.

— Идем, — позвал Рафаил. — Зброшенный участок. Эх, нам бы вертолет...

Красная лесовая пыль лежала на тропе. Рафаил усилием воли отбрасывал посторонние мысли. Смотрел, слушал, пригибался, — палец на спусковом крючке. Здесь было густо, сумрачно, в мокром воздухе звуки булькали, как каша на медленном огне. Отчетливо трещали ветви — кто-то провожал людей поверху, над подростом. Мокро. Ближе река. Небольшой олень метнулся в сторону.

...Им повезло еще раз. Раздался захлебывающийся крик: «О-о-а! Оа!» Открылась поляна, камыши, — человек пятился к камышам, вскрикивая. Упал, закрывая лицо руками. Правее, под скалой, еще пятеро-шестеро. Смотрели с ужасом. Один пытался натянуть лук, не смог, бросил стрелу. Они были высоколобые и прямые, совсем как раджаны. На одном — яркая леопардовая шкура. Какие-то дубины в дрожащих руках.

— Заговори с ними, быстро!

— Э-а, друзья! — прокричал Володя. — Прохладного полудня!

Молчание Качаются в воздухе каменные топоры — нет, это же каменные топоры, это не раджаны, ох, как не хочется открывать палубу...

Человек в леопардовой шкуре забормотал. «Прохладного полудня. Здесь много пищи», — понял Володя и быстро ответил:

— У нас есть пища, друзья! Рафа, — прошептал он, — это недозрелое, это изгой какие-то, они же нас бояться...

Они стояли, разделенные десятком шагов: Рафаил с Володей и люди в поясах и накидках из выделанных шкур, с каменными топорами, луками. Полупрозрачные наконечники стрел — обсидиан, классика каменного века... «Конечно же, где им вне Равновесия добывать древесную одежду? — думал Володя. — Изгнанники одичавшие. Боятся. Мы на людей не похожи в этом снаряжении. Горбатые, кожа свисает складками — комбинезоны, рюкзаки, ботинки, автоматы...»

— Снимем шлемы, — сказал Володя. — Действуем поочередно. Снимаю.

Помогло, кажется. Тот, кто кричал «о-а», поднялся с земли.

— Поговори с ними еще, — шепнул Рафаил.

— Ты — старший, — сказал Володя, обращаясь к человеку в леопардовой шкуре.

— Я — Арама.

— Ты Арама. Далеко ли до границы Равновесия?

Они снова дрогнули. С беспокойством переглянулись. Наконец Арама ответил:

— Нет Равновесия больше. Я — Арама, потомок Скотовода.

— Не пойму, что он толкует о Равновесии. Он, очевидно, вождь. Я не все понимаю... Скажи, друг Арама, где же Равновесие?

Беспокойство возрастало. Двое-трое закрыли руками лица.

— Вас послал Скотовод, — лающим, шаманым голосом крикнул Арама. — Чтобы вернуть нам Равновесие! Много, много пищи!

— Внимание, — неожиданно вмешался Рафаил. — Кино приготовь, ну-ка...

Он взял Володю за плечо — люди шарахнулись, — повернул к скале. Наскальная роспись. Типичные первобытные рисунки... Оранжевый диск — Солнце. Под ним крылатый человек поднимается к Солнцу, а ниже, под птицей...

— Колька... — простонал Бурмистров. — Колька это, смотри, рыжая борода! Под Птицей, понимаешь? Скажи, скажи, — он торопился, путал слова. — Скажи, где рыжебородый? Адвеста?!

Арама горделиво улыбнулся и растопырил пальцы, перемазанные цветной глиной.

— Я, Арама, потомок Скотовода!! — завыл он так, что гухнуло эхо. — Арама — потомок Адвесты!! Рыжебородого, летавшего к Великому огню!

— Он говорит об Адвесте, — сказал Рафаил и, глядя в его лицо, горящее ожиданием, Володя бросил камеру, шлем. Повернулся и пошел обратно по тропе.

Тот, кто кричал «о-а», подобрал шлем и надел на косматую голову.